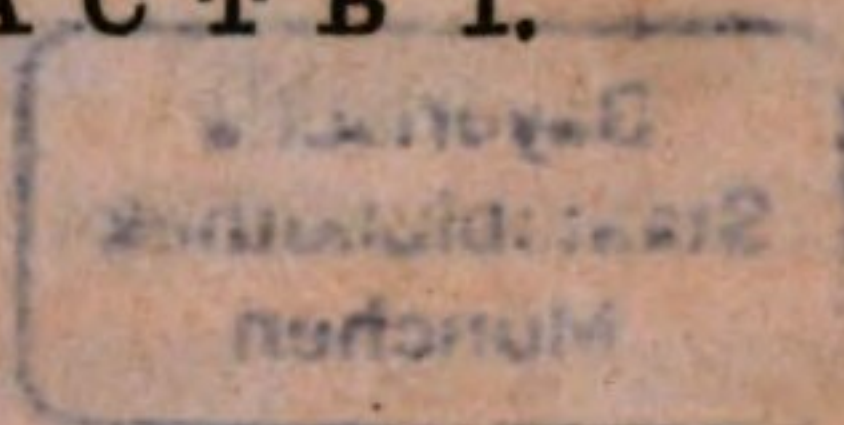

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

А. Чужбинскаго.

ЧАСТЬ I.

Издание книгопродавца А. О. Базунова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1863.

Afanas'ev - Čuvinskij, Aleksandr
Stepanovič

ОТДѢЛЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ

С. Петербургъ

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 20 Марта 1863 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Въ Санктпетербургѣ въ Типографіи Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1863

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ.

797/77/6348

ИЗЪ КОРНЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

(Посвящ. графу С. П. де-Бальменъ).

Полкъ нашъ стоялъ въ Ч...скомъ поселеніи, и хотя полковые командиры не завѣдывали уже поселеннымъ округомъ, но бригадные и начальникъ дивизіи не утратили еще вліянія на поселянъ, дѣлали имъ смотры—настоящую кукольную комедію—въ назначенное время. Общество офицеровъ у насъ было отличное... Но я прошу не принимать этого эпитета въ смыслъ самовосхваленія или пристрастія къ доброму старому времени,—потому что самохвальство я считаю недостойнымъ, а о добромъ старомъ времени имѣю самое грустное понятіе. «Отличнымъ» общество своего полка я назвалъ потому, что случайно оно считало въ себѣ нѣсколькихъ офицеровъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во время поступленія моего въ полкъ, изъ семнадцати юнкеровъ было у насъ четыре человѣка изъ университетовъ и два изъ лиція. Какія бы ни были познанія этой молодежи, чтобы ни вынесла она со школьных скамеекъ, все же подобный кружокъ благотворно дѣйствовалъ на прочихъ товарищей и, разумѣется, былъ неизмѣримо выше юнкерскихъ обществъ другихъ полковъ, наполненныхъ туземными панычами, по бѣльшей части едва умѣвшими грамотѣ. У насъ этихъ панычей было очень

мало, потому что изъ остальныхъ юнкеровъ, неокончившихъ курса, половина все-таки воспитывалась въ харьковскихъ частныхъ пансіонахъ, и примыкала къ намъ, да и прочіе, составлявшіе значительное меньшинство, старались не отставать отъ товарищей. Юнкера у насъ были приняты въ кругу офицеровъ, и общество нашего полка считалось однимъ изъ лучшихъ въ корпусѣ, такъ что красная шапка, появлявшаяся въ Х.... не заставляла запираеть двери аристократическихъ домовъ этого города, чего нельзя сказать о прочихъ полкахъ дивизіи.

Въ полку было въ то время восемь эскадроновъ и девятый резервный, то есть собственно семь, а два остальные прикомандированы изъ двухъ разныхъ полковъ, составлявшихъ въ сборѣ дивизіи такъ-называемый сводный полкъ; но офицеры ихъ были преимущественно наши товарищи, переведенные во время преобразованія. Я едва только захватилъ отличное общество офицеровъ: вскорѣ оно подверглось значительному измѣненію, потому что по случаю нѣсколькихъ дуэлей, какъ противники, такъ и ихъ секунденты были удалены; а въ то время, когда меня произвели въ корнеты, когда я сдѣлался единицей этого общества и принялъ участіе въ служебной дѣятельности, случайныя обстоятельства отняли у насъ еще нѣсколько достойныхъ людей, и только небольшой кружокъ корнетовъ придерживался новому направленію, разумѣется тогдашнему. Впрочемъ это направленіе выражалось лишь въ одной попыткѣ: по возможности облегчать участь солдата, и если не избавлять его отъ дикаго произвола, то хоть смягчать словесные приговоры эскадронныхъ командировъ, а иногда и приказанія высшаго начальства. Лично о себѣ я могу сказать, что мнѣ выпало на долю быть подъ командой хорошихъ эскадронныхъ командировъ, которые хоть и страдали болѣзнью дантизма, но не въ такой мѣрѣ, какъ другіе, и взыскивая

съ солдатъ, исполняли только долгъ службы, понимая его по тогдашнему, но не внося въ свои приговоры ни жажды крови, ни любви къ истязаніямъ, ни тѣхъ издѣваній надъ беззащитнымъ солдатомъ, которыя употреблялись командирами другихъ эскадроновъ. Тѣмъ не менѣе приходилось и мнѣ, отбывая караулы, подчиняться разнымъ личностямъ, жестокости которыхъ возмущали душу и были причиной разныхъ непріятныхъ столкновений. Командиръ полка у насъ былъ человѣкъ въ сущности не злой, разумѣется не щадившій палокъ при случаѣ, но преданный всею душою хозяйственному управленію полкомъ, такъ что собственно вся фронтовая служба лежала на обязанности эскадронныхъ командировъ. Онъ рѣдко наказывалъ солдатъ за ѣзду, сабельные приемы, фланкировку, но зорко слѣдилъ за одеждой, разумѣется обращая вниманіе и на опрятность, преимущественно же на долговременность носки, и любилъ, чтобы солдаты носили прослуженное платье. Я рассказываю не анекдоты, но истинное событіе, и потому не могу не припомнить оригинальнаго появленія нашего полковника передъ фронтомъ. Бывало, выйдемъ въ разводъ. Онъ никогда не заставлялъ ожидать себя. Вотъ онъ подходитъ къ правому флангу и зорко смотритъ по шеренгамъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ старшіе здороваются, но нашъ никогда бывало не скажетъ, подойдя къ фронту: «здорово, ребята!» — нѣтъ, онъ, уткнувъ палецъ въ какого нибудь унтеръ-офицера или рядоваго произносилъ басомъ:

— Котораго года рейтузы?

— 38-го, ваше высокоблагородіе!

— Врешь! 39-го.

Или спрашивалъ:

— Котораго года куртка?

— У меня прослуженная, ваше высокоблагородіе!

— Молодецъ!

И тогда только говорилъ: «здорово, ребята!» вслѣдъ за чѣмъ раздавалось извѣстное: «здравія желаемъ». А иной разъ, найдя неисправность въ одеждѣ какого нибудь солдата и освѣдомившись, что на бѣднякѣ и рейтузы и куртка были новѣе, чѣмъ предполагалось, нашъ командиръ бралъ за носъ виновнаго и водилъ его по фронту, приговаривая:

— Смотрите на этого бездѣльника, у него рейтузы 39-го года, у него у бестіи куртка съ иголки!.. Да за чѣмъ же смотреть вахмистръ, ракалія? Любуйтесь.

И это мы, молодежь, называли разводомъ съ церемоніей. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности о благоразумной экономіи, я приведу изъ жизни нашего полковника лишь то, что характеризуетъ эту замѣчательную личность. Онъ былъ страшно скупъ и стяжатемень. Пригласить нѣсколько офицеровъ обѣдать и видѣть, что инымъ недостаетъ того или другаго,—для него ничего не значило. Нерѣдко прямо отъ полковничьяго обѣда бѣжишь бывало къ кому нибудь изъ товарищей—спросить, не осталось ли чего отъ скромной трапезы. Одѣвался онъ такимъ, если можно выразиться, оборванцемъ, что на многихъ частяхъ его костюма виднѣлись заплатки, а эполеты носилъ такіе, которыхъ не надѣвалъ у насъ ни одинъ офицеръ. Относительно эполетъ лучше всего рассказать одно происшествіе, долго забавлявшее всю нашу дивизію. Въ поселенныхъ полкахъ послѣ весенняго кампанента лошади расковывались и отправлялись на травяное продовольствіе. У насъ обыкновенно офицеръ дежурилъ цѣлую недѣлю съ дивизіономъ лошадей въ степи, отводимой окружнымъ командиромъ гдѣ нибудь вблизи водопоя. Случалось нерѣдко, согласившись съ товарищами, безъ смѣны дежурить одному все время травяннаго продовольствія. Искренній другъ мой и соученикъ, поручикъ Б... постоянно проводилъ время на дежурствѣ, устраивая себѣ на живописномъ мѣстѣ шалашъ, занимаясь то

рисованьемъ, то ботаникой, или бродя съ ружьемъ съ гастрономической цѣлью. Однажды поѣхалъ я къ пріятелю. Передъ вечеромъ сидѣли мы въ шалашѣ безъ сюртуковъ, съ трубками (тогда еще не знали папирсъ) и собирались пить чай, ожидая, пока мальчикъ, Сашка, окончитъ возню съ самоваромъ. Подошелъ унтеръ-офицеръ.

— Ваше благородіе, никакъ полковникъ ѣдетъ.

— Гдѣ?

— А вонъ, по ту сторону оврага.

Я выглянулъ. Дѣйствительно, высокаго роста штабъ-офицеръ на полныхъ рысяхъ подѣхалъ къ оврагу. Мы бросились было одѣваться. Но любопытный Сашка, взобравшійся на шалашъ, крикнулъ намъ веселымъ голосомъ:

— Не хлопчите, не одѣвайтесь: это Павелъ Петровичъ (майоръ Л*).

— Почему же ты знаешь?

— У полковника вѣдь черные эполеты, а у этого посмотрите, какіе бѣленькіе!

Доказательство было очевидно, и мы скоро съ удовольствіемъ встрѣтили майора Л*, стараго харьковского студента, который недавно еще былъ моимъ эскадроннымъ командиромъ.

Полковникъ нашъ очень любилъ читать офицерамъ наставленіе о бережливости, распространялся о неумѣньи молодежи обращаться съ платьемъ, и даже былъ такъ любезенъ однажды со мною, что повелъ меня въ спальню и, открывъ ящикъ съ бѣльемъ, показывалъ мнѣ наволочки еще 1813 г. Это было въ 1839 г. Скупость его была извѣстна цѣлому корпусу; но я думаю, немногіе знаютъ, что полковнику нашему ничего не стоило содержаніе канцеляріи. Можетъ быть это покажется парадоксомъ, однакоже такъ было въ дѣйствительности. Бумага приходилась ему даромъ, и это весьма просто. Закупая самъ желѣзо въ Х* для полковыхъ надобностей, и сторгова-

шись въ цѣнѣ, полковникъ требовалъ еще въ придачу нѣсколько стопъ писчей бумаги, двухъ-трехъ достоинствъ, какія всегда имѣлись, по крайней мѣрѣ въ то время, въ желѣзныхъ лавкахъ, что и было достаточно для годоваго расхода. На особенно важную переписку онъ покупалъ лишь нѣсколько десятей хорошей бумаги, которую и выдавалъ собственноручно по листамъ въ канцелярію. Можно сказать, что у него не тратился и малѣйшій лоскуточекъ этого снадобья, потому что черновыя отношенія и предписанія писались на свободномъ мѣстѣ какихъ нибудь неважныхъ рапортовъ. Полковнику ничѣмъ было нельзя больше угодить, какъ написать къ нему самое коротенькое письмо на листѣ хорошей бумаги, и случилось не разъ, что офицеръ получалъ разрѣшеніе на сомнительный отпускъ, если писалъ къ нему предварительно частное письмо на отличной бумагѣ такъ ловко, чтобъ можно было отрѣзать не только чистый полулистъ, но и выгадать еще осьмушку. Онъ, не стѣсняясь, принимался за эту операцію въ присутствіи своихъ штабныхъ. Однажды—это было весною, въ кампаментъ. Полкъ въ сборѣ. Надо сказать, что полковникъ ходилъ ежедневно въ канцелярію, какъ говорили, собственно въ предупрежденіе лишней траты канцелярскихъ принадлежностей. Вотъ сидитъ онъ и занимается съ квартирмейстеромъ какими-то расчетами. Канцелярія наша состояла изъ большой комнаты, въ которой помѣщались всѣ столы: адъютантскій, казначейскій, квартирмейстерскій и аудиторскій. Всѣ штабные на лицо и много посторонняго народу за разными надобностями. Входитъ трубачъ, видный малый, лѣтъ двадцати пяти, и вытянувшись, какъ слѣдуетъ, останавливается у двери. Полковникъ подымаетъ глаза.

— А! трубачъ! Котораго году рейтузы?

— Прослуженные, в. в—іе.

— Молодецъ! Здорово!

— Радъ стараться! Здравія желаю! гаркнулъ ловкій трубачъ, твердо знавшій, какой слѣдовалъ казенный отвѣтъ на не менѣе казенную фразу.

— Зачѣмъ пришелъ?

— Присланъ отъ г. капельмейстера къ в. в—ію.

— Что ему надобно?

— Вы изволили требовать новый маршъ —скаго полка, такъ *аны* прислали, чтобъ пожаловали бумаги.

— Бумаги?

И полковникъ всталъ съ своего мѣста.

— Точно такъ, в. в—іе!

— А какой тебѣ бумаги?

— Бѣлой, голландской, в. в—іе.

— Что-о-о?

— Бѣлой голландской...

— Бѣлой голландской!

И полковникъ подошелъ къ самому трубачу.

— Ахъ ты, анаѰема этакая! бѣлой голландской! Вотъ я тебѣ дамъ! Смотрите, ракалія какая! Налѣво — кругъ-омъ!

Трубачъ поворотился. Полковникъ толкнулъ его къ двери.

— Бѣлой голландской? Врешь, каналья! Синей сахарной тебѣ, протекучки тебѣ съ твоимъ капельмейстеромъ...

И трубачъ вылетѣлъ за дверь, конечно, не по собственному желанію. Грозный командиръ дошелъ до половины канцеляріи и вдругъ остановился.

— Позвать мнѣ эту бестію!

Трубачъ явился.

— Какой тебѣ велѣно бумаги?

— Бѣлой голландской, в. в—іе.

И снова повторилась прежняя сцена. Событіе это быстро обѣ- жало по всему корпусу.

Сургучъ тоже ничего не стоилъ нашей канцеляріи, потому что стапливался изъ получаемыхъ конвертовъ, и какъ входящая и исходящая переписка почти равнялись, то развѣ какой нибудь фунтъ и былъ пріобрѣтаемъ покупкою. Получаемые конверты выворачивались и въ свою очередь разсылались къ низшимъ и равнымъ, и только для рапортовъ въ высшія инстанціи расходовалась для обертокъ чистая бумага. Перья добывались самымъ легкимъ способомъ: писарямъ было вмѣнено въ обязанность собирать ихъ, когда линяли гуси, но писаря обыкновенно ошипывали поселянскихъ гусей, и въ этомъ матеріалѣ никогда недостатка не было. Чернила приготовлялись въ канцеляріи, а въ послѣднее время, оказавъ какое-то снисхожденіе главному госпитатетельному доктору, полковникъ пользовался чернилами отъ госпитатальнаго вѣдомства.

По этимъ маленькимъ даннымъ читатель можетъ судить, что же выдѣлывалъ нашъ полковникъ относительно швальни, чепотарни, разныхъ мастерскихъ и продовольствія полка! Мастеръ былъ своего дѣла, нечего сказать! О немъ ходила у насъ поговорка, что онъ постоянно страдалъ *вершиковой лихорадкой*. Дѣйствительно, находчивость его и умѣнье извлекать изъ всего доходы—были изумительны, и потому нечего удивляться, что нашъ почтеннѣйшій отецъ-командиръ ежегодно откладывалъ въ банкъ довольно значительныя суммы. Я не знаю всѣхъ подробностей хозяйственныхъ распоряженій, но очень хорошо помню про одну штуку, доказывающую только, на что былъ способенъ этотъ человѣкъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ кавалеріи уничтожены были кобуры или, какъ мы называли, ольстреди. Кожа, изъ которой они дѣлались, разумѣется, никуда негодилась, хотя, конечно, ихъ слѣдовало продать съ публичнаго торга и записать вырученную сумму на приходъ. Прочіе полковые командиры такъ и сдѣлали, предоставили эскадроннымъ поступить съ ненужными кобурами какъ угодно,

а сами внесли деньги изъ собственного кармана . Нашъ поступилъ совершенно иначе и заработалъ порядочную сумму . Въ то время при каждомъ полку состоялъ дивизионъ кантонистовъ , обмундировка которыхъ лежала на обязанности полковаго командира , не знаю уже на счетъ какой суммы : изъ благоразумной ли экономіи , или для этого просто отпускались деньги . Съ полученіемъ приказа объ уничтоженіи кобуръ , полковнику нашему пришла блистательная мысль употребить эту вещь на обувь кантонистовъ , а какъ ольстреди годились только для передовъ , то ему тотчасъ же явилась другая не менѣе блистательная мысль — сдѣлать подошвы изъ старыхъ потебенекъ отъ уничтоженныхъ вальтраповъ , которыя собирались въ цейхгаузъ , безъ всякой опредѣленной цѣли , а единственно по скряжничеству полковника . Черезъ недѣлю сапоги были готовы , а какъ дивизионъ не могъ разомъ потребить всѣхъ кобуръ , то они долго служили предприимчивому нашему финансисту .

Изъ этого очерка вы видите , что командиръ нашего полка не имѣлъ много времени заниматься собственно строевой частью , а если и любилъ дѣлать разводы , то цѣль его въ этомъ случаѣ была чисто хозяйственная : повѣрить обмундировку и аммуницію . Надобно , однако же , отдать ему справедливость — службу онъ зналъ очень хорошо и полкъ училъ быстро , не горячился и никогда на смотрахъ не путался , какъ дѣлали иногда другіе командиры на боевыхъ порядкахъ . Дрался съ нижними чинами рѣдко , но мѣтко , въ особенности , если тутъ вмѣшивались протертые рейтузы или испорченная сбруя . Ругался мастерски , хотя безъ особенныхъ варіацій .

Дивизионеры у насъ значили меньше нуля , такъ что если который нибудь былъ не въ ладу со своими эскадронными командирами , то его лошади не отпускали даже фуража . Вся власть пахотилась въ рукахъ эскадронныхъ командировъ и ихъ стар-

шихъ вахмистровъ, а мы, субальтернъ-офицеры, какъ водится, шатались по помѣщикамъ и только строго слѣдили за очередью въ полковой или корпусной караулы. У насъ, конечно, по положенію, были взводы, но мы ихъ и въ глаза не видѣли; я, признаюсь, не скоро даже узналъ фамилію своего взводнаго вахмистра, потому что былъ въ то время влюбленъ и рѣдко жилъ при своемъ мѣстѣ. Эскадронный командиръ мой былъ образованный и добрый человѣкъ, выгодъ своихъ не забывалъ, но обходился съ людьми по человѣчески. Впослѣдствіи однако же, спустился онъ на одного штабсъ-ротмистра, который и заправлялъ строевою частью, облегчая труды командира, единственно изъ желанія первенствовать. Старикъ нашъ ротмистръ былъ гостепріименъ и любилъ принимать своихъ подчиненныхъ. Упомянутый штабсъ-ротмистръ, похожій съ виду на обезьяну, порядочный товарищъ, считалъ однако же обязанностью прослыть предметомъ ужаса въ эскадронѣ и обратилъ особенное вниманіе на палки и розги, которыя у насъ, какъ-то были не въ большемъ ходу. Ежедневно по всѣмъ взводамъ происходила экзекуція. Молодежи это не понравилось. Но извѣстно, молодежь! Мы собрались, пошумѣли, а на другой день два корнета уѣхали на балъ верстъ за 60, я же остался, потому что надо было идти въ караулъ въ полковой штабъ. Выходя вечеромъ отъ эскадроннаго командира, я началъ говорить штабсъ-ротмистру, что онъ слишкомъ уже ретиво принялся за службу. Онъ засмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что это мнѣ кажется такъ по молодости, но какъ послужу, то перемѣню убѣжденіе. Мы поспорили. На другой день рано утромъ пошелъ я во взводъ въ исполненіе прямой своей обязанности. Вахмистръ былъ въ амуничникѣ и хлопаталъ о чемъ-то съ унтеръ-офицеромъ. Они перебирали большую кучу свѣже-нарѣзанныхъ прутьевъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— Г. штабсъ-ротмистръ приказали; они обѣщали сегодня перепоротъ весь взводъ отъ праваго до лѣваго фланга.

— Выбросить всѣ розги въ рѣку!

— Слушаю, в. б—іе.

Вахмистръ очень хорошо зналъ, что я былъ его взводнымъ командиромъ, слѣдовательно я отвѣчалъ за всѣ свои распоряженія, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ отнесъ и бросилъ въ грязный ручей порядочную вязанку лозы. Люди собрались для пѣшаго строя. Я велѣлъ вахмистру производить ученье, а самъ пошелъ въ конюшню посмотреть на лошадей. Минуть черезъ десять я услыхалъ крикъ и страшную брань.

— Я васъ! Я тебя! и т. п. съ прибавленіемъ извѣстныхъ поговорокъ.

Освидѣтельствовавъ, застегнуты ли у меня всѣ крючки и пуговицы, я вышелъ изъ конюшни. Спиной ко мнѣ, взявшись въ бока, фертномъ, стоялъ штабсъ-ротмистръ и ораторствовалъ.

— Розогъ! крикнулъ онъ наконецъ.

Вахмистръ, увидѣвши меня, не трогался съ мѣста и не отвѣчалъ ни слова,

— Я тебѣ говорю, ракалія!

— Что вамъ угодно? отозвался я, подходя къ разгнѣванному человѣчку.

— А! здравствуйте! и вы здѣсь?

— Какъ видите.

— Прекрасно! Что же розогъ? продолжалъ штабсъ-ротмистръ, застегивая сюртукъ, потому что онъ пришелъ по домашнему, даже безъ эполетъ.

— Напрасно вы беспокоитесь, сказалъ я ему серьезно:— какъ потому, что горячиться вредно, такъ и потому, что я не позволю вамъ распоряжаться у меня во взводѣ.

Штабсъ-ротмистръ поблѣднѣлъ.

— Вы забываетесь, сказалъ онъ.

- Нисколько, отвѣчалъ я.
- Какъ вы смѣете говорить старшему дерзости?
- Во-первыхъ, вы не мой начальникъ, во-вторыхъ, пришли не въ формѣ, хоть это до меня и не касается, а въ-третьихъ я прошу васъ уйдти отсюда и не мѣшать мнѣ заниматься.
- Такъ вы этакъ, г. корнетъ?
- Этакъ, г. штабсъ-ротмистръ.
- Хорошо же! я вамъ покажу....
- Желалъ бы знать, что вы мнѣ покажете?
- Вы забываете всякое чинопочитаніе.
- Вы такой же взводный командиръ, какъ и я; а хоть и считаетесь полуэскадроннымъ, то все-таки во второмъ полуэскадронѣ; а я какъ старшій корнетъ въ двухъ взводахъ — самъ исполняю такую же должность. Не угодно ли оставить меня въ покоѣ!

Штабсъ-ротмистръ ушелъ. Я сдѣлалъ маленькое ученье, которое дѣйствительно прошло очень хорошо, такъ что на послѣдній полтинникъ я велѣлъ купить людямъ водки.

Черезъ два часа меня позвали къ эскадронному командиру. Я имѣлъ сильную перепалку, которая однако же кончилась тѣмъ, что я доказалъ ротмистру все безчеловѣчіе поступковъ моего старшаго товарища, и добрякъ, пожуривъ меня за рѣзкую выходку, съ тѣхъ же поръ принялъ мѣры, чтобы наказанія не происходили безъ его вѣдома. Съ штабсъ-ротмистромъ мы скоро помирились. Подобный эскадронъ еще былъ въ полку, гдѣ съ людьми обращались болѣе или менѣе по человѣчески, но въ остальныхъ дрались до неимовѣрной степени, такъ что нѣсколько разъ происходили серьезныя случаи. Солдаты нашъ необыкновенно терпѣливъ и безропотно выносить самое ужасное жестокосердіе начальника, если послѣдній забываетъ солдата хоть до полусмерти, но только за какую нибудь вину. Бѣдняки говорятъ тогда:

— Что же, наказываетъ жестоко, да *покрайный мѣръ* за дѣло.

Но есть джентльмены, которые находятъ особенное звѣрское удовольствіе въ истязаніяхъ, и мучать солдатъ, какъ говорится, за здорово живешь. Бывали у насъ такіе фигуранты не только эскадронные командиры, но и просто субальтернъ-офицеры. Я могъ бы назвать двухъ поручиковъ изъ воспитанниковъ какого то корпуса, которые систематически, хладнокровно сѣкли солдатъ по получасу за малые проступки, а между тѣмъ, были добрые товарищи и танцоры, любившіе нѣжничать съ барышнями! Одинъ не знаю, чѣмъ кончилъ, вышелъ куда-то въ городничіе, а другаго убили собственные люди, потерявъ всякое терпѣніе. Въ полковой кампаментъ, когда всѣ эскадроны помѣщались въ баракахъ, бывало несчастьемъ отбыть очередь дежурнаго по дивизиону. Не проходило чертвѣрти часа, чтобы не раздавались вой наказываемаго и хлестанье лозы. А стоять въ караулѣ—просто съ ума сойти! Караульному офицеру приходилось исполнять должность палача, потому что поминутно присылались для наказанія не только солдаты, но денщики и собственные офицерскіе служители. Кромѣ того, иной дежурный по карауламъ, любившій посѣчь, такъ, отъ скуки, бывало за неимѣніемъ практики—придерется къ кому нибудь изъ команды и отпустить сотни полторы. Меня разъ чуть не отдали подъ судъ, когда я громко протестовалъ противъ своего дежурнаго по карауламъ, который хотѣлъ наказать одного старика за то, что бѣднякъ, по случаю головной боли, снялъ съ себя аммуницію и заснулъ возлѣ печки съ моего разрѣшенія. По неопытности я возсталъ открыто и, войдя въ караульную, объявилъ напрямикъ, что пока не смѣнятъ меня съ караула, не позволю наказать солдата, и требовалъ удовлетворенія. Полковникъ однакоже только арестовалъ меня, солдата не наказали, а дежурный по карауламъ, при двухъ товарищахъ, просилъ у меня извиненія.

Положеніе солдата, какъ видите, было у насъ неутѣшительное; но если бы вы посмотрѣли, что дѣлалось тогда въ пѣхотныхъ батальонахъ, приходившихъ къ намъ на работы, — вы ужаснулись бы! У насъ хоть не дрались въ двухъ эскадронахъ, да и въ прочихъ были люди, всегда протестовавшіе противъ этого; а въ пѣхотѣ всегда послѣ ученья валялись возы избитыхъ палокъ. Нельзя было безъ содроганья присутствовать при этихъ ученьяхъ, гдѣ ротные командиры истязали солдатъ, особенно рекрутъ, которыхъ хлестали по всему безъ разбора и часто, на тихомъ учебномъ шагѣ, страшно били по носкамъ, а послѣ требовали, чтобы рекрутъ хорошо вытягивалъ эти же носки. Тамъ унтеръ-офицеры превосходили въ звѣрствѣ даже своихъ ротныхъ командировъ. Духъ времени былъ такой, что молодой офицеръ нисколько не совѣстился даже при разговорахъ съ дѣвушками употреблять выраженія: «выпороть», «побить морду» и т. п. Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда молодыя дѣвушки слышали отъ родителей каждый день подобныя милыя фразы и видѣли на дѣлѣ исполненіе этихъ глаголовъ. Но все-таки мы, образованная молодежь, вели себя лучше. Я очень хорошо помню, какъ одинъ подпоручикъ — скаго гренадерскаго полка былъ переведенъ къ намъ — старшимъ корнетомъ. На первый же дебютъ, стоя въ караулѣ, онъ выбилъ зубъ унтеръ-офицеру, и мы, узнавъ объ этомъ, предложили ему выдти въ отставку. Онъ даже не понималъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же далъ слово никогда не драться. Да, время было неутѣшительное. Мы очень хорошо знали положеніе, сколько именно ударовъ можетъ дать эскадронный командиръ — и надо сказать, количество это весьма ограничено; а были у насъ ротмистры, которые за малѣйшую вину назначали пятьсотъ и шестьсотъ розогъ!

Отстаивать караульную очередь въ штабѣ полка не нравилось еще и потому, что разъ или два въ недѣлю надобно бы-

ло присутствовать при экзекуціи сквозь строй... На зарѣ лѣтняго утра, на площади, подлѣ которой съ одной стороны горы, покрытыя лѣсомъ, а съ другой живописная рѣка, — безмолвно стоятъ человѣкъ двѣсти въ два ряда съ длинными прутьями, а въ сторонкѣ дрожить подѣ карауломъ человѣкъ, которому надобно пройти нѣсколько разъ по этой аллеѣ... И добро бы еще преступникъ какой, хоть дезертиръ по крайней мѣрѣ. Но изъ осьми разъ, что я присутствовалъ при этихъ экзекуціяхъ, не было ни одного дезертира, ни одного солдата, осужденнаго за кражу или другіе предосудительные поступки. — Здѣсь необходимо маленькое поясненіе. Мы стояли въ военномъ поселеніи, гдѣ каждый поселянинъ, за исключеніемъ тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ, судился военнымъ судомъ, и всѣ случаи прохожденія сквозь строй были по претензіямъ виннаго откупа. Поселянскія деревни состояли на откупѣ, гдѣ, разумѣется, цѣны на водку были тройныя въ сравненіи съ сосѣдними помѣщичьими шинками. Солдаты наши и поселяне — кто побѣднѣе — рисковали иногда, и ухитрялись проносить какой нибудь штофъ или полштофа. Но вѣдь и объѣздчики народъ хитрый, и потому зачастую случались корчемныя дѣла, оканчивавшіяся не весьма пріятной развязкой. Не надо повторять, что вся порядочная молодежь смотрѣла на это съ омерзѣніемъ и по возможности смягчала наказаніе, дѣйствуя даже противъ правилъ, но по совѣсти. Придешь бывало на экзекуцію и обойдешь шеренги.

— Пожалуйста, братцы, полегче.

Иной усачъ обернется и отвѣтитъ:

— Да развѣ же мы безжалостные какіе в. б—іе.

Приказано, нельзя ослушаться.

И дѣйствительно, иному корчемнику приходилось не весьма жутко. Солдаты стояли тѣсно. Унтеръ-офицеръ, ведущій преступника, имѣющаго руки привязанными къ эфесу его сабли, — бѣжалъ просто рысью, и такимъ образомъ на долю бѣд-

ника доставались удары, во-первыхъ, не во всю руку, а во-вторыхъ, иной солдатъ промахнется умышленно, и развѣ уже человекъ пять, шесть звѣрскаго характера проведутъ кровавыя полосы на спинѣ арестанта. У насъ были, впрочемъ, въ полку два офицера—одинъ изъ упомянутыхъ прежде корпусныхъ воспитанниковъ, а другой выслужившійся изъ рядовыхъ, любившіе гонять сквозъ строй, по всѣмъ правиламъ, какъ выражались они «по-пѣхотному». Преступники молили Бога, чтобы пройти сквозъ строй не при этихъ офицерахъ,—да и солдаты при нихъ шли съ особенной грустью. Эти аматеры являлись за-ранѣе на мѣсто экзекуціи, разставляли людей на известное разстояніе другъ отъ друга и объявляли, что тотъ, кого замѣтятъ въ послабленіи удара, будетъ жестоко наказанъ послѣ экзекуціи. Унтеръ-офицеру, ведшему преступника, приказывалось идти тихимъ шагомъ, а офицеръ ходилъ сзади шеренги съ мѣломъ и отмѣчалъ крестомъ тѣхъ изъ солдатъ, которые по его мнѣнію били не во всю силу. Послѣ пятисотъ ударовъ, полученныхъ такимъ образомъ, самый сильный человекъ падалъ въ изнеможеніи, такъ что требовалась медицинская помощь. И только переставала одна экзекуція, какъ слѣдовало наказаніе солдатъ, иногда болѣе десяти человекъ, которые замѣчены были въ послабленіи.

Никогда не забуду одного случая, глубоко врѣзавшагося въ моей памяти. Это было въ концѣ іюня. Верстахъ въ пяти отъ нашего штаба, на чудномъ мѣстѣ надъ Донцомъ лежитъ деревня, господская усадьба которой съ красивою церковью и тѣнистымъ садомъ—была причиною вздоховъ не одного нашего юнкера и корнета. Тамъ расцвѣтала прекрасная и умненькая дѣвушка,—кумиръ нашей молодежи. Въ этомъ домѣ на Петра и Павла обыкновенно бывали шумные деревенскіе балы, куда съѣзжались помѣщики изъ дальнихъ окрестностей, и множество офицеровъ даже изъ другой дивизіи нашего кор-

пуса. Не стану утомлять подробностями бала но, скажу, что мнѣ было тамъ очень весело, и мы окончили мазурку на разсвѣтѣ. Я танцевалъ съ очень милой и умной особой, и увлекался какъ увлекаются въ двадцать лѣтъ. Мы вмѣстѣ любовались отвореннымъ окномъ, на противоположной стѣнѣ залы. Горизонтъ подернулся уже отблесками зари и на этомъ чистомъ фонѣ помавали пышныя космы плакучей березы, а когда умолкала, повременамъ, музыка, къ намъ долетали пѣсни воздушныхъ обитателей парка. Тотчасъ же послѣ мазурки, нѣсколько человѣкъ насъ сѣли въ лодку и поплыли домой, имѣя въ виду не опоздать на службу. У меня строилась въ головѣ повѣсть подъ заглавіемъ: «Окно и Разсвѣтъ», которая, разумѣется, и осталась въ проектѣ. Утро было прекрасно, только что взошло солнце и я собирался напиться чаю въ своемъ маленькомъ садикѣ. Денщикъ мнѣ подалъ сѣрый приказъ, въ которомъ значилось: «Вашему благородію, въ такой-то формѣ, въ 6 часовъ присутствовать на экзекуціи на такомъ-то плацу.» Можно себѣ представить, въ какомъ я былъ положеніи! Не идти нельзя, отпрапортоваться больнымъ неблагородно противъ товарищей, притомъ же оставалось какихъ нибудь полчаса до экзекуціи. Въ это время въ комнату мою вошла старуха-поселянка. Она упала мнѣ въ ноги и такъ жалобно упрашивала пощадить единственного ея сына, такъ горько жаловалась на судьбу, что я не замѣтилъ, какъ у меня покатались слезы. Насилу я могъ уговорить старуху встать съ пола—и распросилъ, за что наказывали сына. Парень хотѣлъ пронести водку и попался объѣздчикамъ. Разумѣется, я говорилъ старухѣ, что наказываетъ законъ и проч., что я ничего не въ состояніи сдѣлать, но если смогу, постараюсь хоть не много облегчить его участь. Отворилась дверь и молодая дѣвушка тоже бросилась къ моимъ ногамъ и умоляла не мучить ея брата. Словно я былъ мучитель какой!

Признаюсь, у меня поворотило душу. Я тотчасъ же началъ собираться, а бѣдныя поселянки отправились къ арестанту. Но когда, подойдя къ плацу, я увидѣлъ, что все уже готово, что солдаты стояли на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга, я тотчасъ догадался, что ничего не могу здѣлать, что явился кто нибудь сильнѣе меня присутствовать на кровавомъ зрѣлищѣ. Это былъ дежурный по карауламъ.

— Вы опоздали, сказалъ онъ мнѣ очень любезно:—вѣрно вчера затанцовались; но это ничего. Эй! начинать.

Я началъ было ему говорить—нельзя ли полегче; что это за ничтожную вину...

—Извините меня, перебилъ онъ:—гдѣ служба, тамъ не должно быть послабленія. Смотрите же у меня, сказалъ онъ возвысивъ голосъ и обращаясь къ солдатамъ:—кто будетъ бить не вовсю силу, тому 200 розогъ!

У меня сжалось сердце. Молодой парень стоялъ обнаженный до пояса, ему привязывали руки къ саблѣ... Заиграли трубачи тревогу по обоимъ концамъ аллеи, арестанта повели... Я отворотился... Передо мною, облитый лучами солнца, въ пышной зелени парка,—бѣлѣлъ знакомый домъ, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ я слушалъ прекрасный оркестръ и смотрѣлъ въ очаровательные глазки; а за мной—страшный крикъ жертвы неосмотрительности, незаглушаемой тревогой нѣсколькихъ трубъ, мѣрное хлестаніе лозы по голому тѣлу и вдали—поворачивающіе сердце вопли старухи и дѣвушки, которыя умоляли меня облегчить участь молодаго человѣка.

Офицеры у насъ, если хотите, дружно жили между собою; но уже разстроилось то прекрасное общество, которое засталъ я при поступленіи на службу. Эскадронные командиры, какъ водится, обдѣлывали дѣлишки, что не считалось предосудительнымъ; а мы, субальтернъ-офицеры, стояли въ караулѣ, ѣздили по помѣщикамъ, играли въ карты и подчасъ кутили

при какомъ нибудь случаѣ. Пьянства, однакоже, до положенія ризъ — у насъ не было, и хотя и велась одна компанія изъ трехъ-четырехъ человѣкъ, которая наслаждалась безъ просыпу, но на этихъ людей смотрѣли какъ-то неблагопріятными глазами. Подъ конецъ моего пребыванія въ полку завелись и шулерскія штуки: два офицера обирали преимущественно богатыхъ юнкеровъ и новичковъ, употребляя не совсѣмъ чистыя средства, — но это продолжалось недолго. Жизнь вообще была убійственно скучная, какъ и вездѣ въ поселеніяхъ: каждый день одно и то же. Меня всегда ужасала мысль, что можно было въ одной и той же деревнѣ состарѣться и обзавестись многочисленнымъ семействомъ, если бы человѣкъ захотѣлъ испытать узы Гименея. Я зналъ офицеровъ, которые родились въ полку, тутъ же получали воспитаніе, т. е. выучивались грамотѣ, опредѣлялись и доходили до командованія эскадрономъ.

Какъ молодой мальчикъ, я все мечталъ отличиться, бредилъ разными улучшеніями и преобразованіями, считая въ простотѣ души, что по крайней мѣрѣ въ военной службѣ не нужно протекцій, а одно добросовѣстное исполненіе обязанности — приведетъ къ желаемой цѣли. Но не прошло и году, какъ мнѣ данъ былъ урокъ, показавшій — до какой степени мечты мои были далеки отъ дѣйствительности. Къ намъ назначили новаго бригаднаго командира. Вотъ полученъ приказъ, что онъ ѣдетъ осматривать нашъ полкъ; а это происходило предъ дивизіоннымъ кампаментомъ, и всѣ эскадроны собрались уже въ штабѣ. Въ день пріѣзда генерала я стоялъ въ караулѣ.

Надобно сказать, что у насъ было заведено издревле — стоять въ караулѣ, какъ слѣдуетъ, не позволять себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ формы, и не только не раздѣваться и не ложиться спать, какъ это дѣлалось въ другихъ полкахъ, но даже не снимать аммуниціи. Одно что мы допускали — снять шапку, перчатки и повалиться на диванѣ. Разумѣется, въ день

пріѣзда бригадскаго командира я и этого себѣ не позволилъ, хотя и былъ въ полной парадной формѣ. Все время я читалъ, кое-что писалъ, безпрестанно выходилъ къ людямъ и вообще старался, чтобы все у меня было въ порядкѣ. Тогда же, какъ нарочно, собралось довольно арестантовъ, слѣдовательно требовалась особенная бдительность со стороны караульнаго офицера. Въ часъ по полуночи, когда уже прошелъ визитирь-рундъ, и я думалъ, что меня не потревожатъ, я снялъ шапку и принялся пить чай для приданія себѣ бодрости. Вдругъ слышу громкое:

— Кто идетъ?

Послѣдовали обычные переговоры, потомъ извѣстный возгласъ:

— Карауль вонъ!

Черезъ нѣсколько секундъ я стоялъ на своемъ мѣстѣ и принималъ бригаднаго командира, его адъютанта и нашего полковника. Генералъ осмотрѣлъ караульную, арестантскую, зашелъ ко мнѣ въ комнату, посидѣлъ на диванѣ и выразилъ свое удовольствіе.

— Прикажете, полковникъ, отдавать въ приказъ благодарность караульный офицеръ за исправность людей и вообще за порядокъ. Я вамъ очень доволенъ, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — люблю, если молодой офицеръ карашо одѣтъ и знаете свой дѣло.

Все это было проговорено тѣмъ нѣмецко-русскимъ выговоромъ, какимъ отличалась большая часть нашихъ генераловъ тогдашняго времени. Я взялся подъ козырекъ и проводилъ моихъ гостей до конца платформы. Нѣсколько стакановъ крѣпкаго чаю, а можетъ быть и занимательная книга совершенно разогнали сонъ мой, такъ что я не вздремнулъ ни минуты и только послѣ утренней зари пролежалъ около получаса на диванѣ. Только что взошло солнце, слышу:

— Карауль вонъ!

Но когда я выскочилъ на платформу, къ гаупвахтѣ подходилъ полковникъ и движеніемъ руки распускалъ карауль. Онъ даже не спросилъ у часоваго: котораго года рейтузы, а обратился прямо ко мнѣ:

— Я къ вамъ съ просьбой.

— Что прикажите, полковникъ?

— Сегодня у насъ конный строй, а недостаетъ нѣсколькихъ офицеровъ: два заболѣло, кое-кто въ отпуску, такъ я просилъ бы васъ по смѣнѣ съ караула вступить дежурнымъ по госпиталю, на мѣсто корнета С***.

— Съ удовольствіемъ.

— Видители ли, С*** изъ вахмистровъ — онъ полезенъ въ конномъ строю. Прямо съ ученья генералъ будетъ осматривать госпиталь, такъ вы проводите его по палатамъ и объясните, если что спросить; тѣмъ болѣе, что вы говорите по-нѣмецки. Послѣ смотра васъ смѣнитъ юнкеръ, и вы отправитесь отдыхать.

— Я готовъ исполнить ваше приказаніе, но форма на мнѣ поизмялась, да и перчатки не совсѣмъ чисты послѣ караула. Квартира очень далеко и все тамъ заперто.

— Это вздоръ. Такъ пожалуйста отправьтесь въ госпиталь, а обѣдать ко мнѣ милости просимъ.

— За честь себѣ поставлю, полковникъ.

Смѣнившись съ караула, я тотчасъ же принялъ дежурство въ госпиталѣ отъ унтеръ-офицера, потому что корнетъ С*** ушелъ давно переодѣваться къ ученью, — и, не имѣя ровно никакого дѣла, ходилъ по саду, изъ боязни уснуть въ дежурной комнатѣ. Это уже съ моей стороны было не исполненіе долга, потому что никто не имѣлъ права заставить меня дежурить другіе сутки сряду, а просто — желаніе угодить полковнику, который лично приходилъ просить меня сдѣлать ему

подобное одолженіе. Каждый поступилъ бы такъ на моемъ мѣстѣ. Дѣйствительно, послѣ ученья къ госпиталю подѣхала коляска и изъ нея вышли бригадный командиръ, его адъютантъ, и полковникъ. Я ожидалъ у крыльца съ рапортомъ и, взявшись подъ козырекъ, подошелъ къ генералу.

Послѣдній, окинувъ меня быстрымъ взоромъ и, какъ водится, не узнавъ во мнѣ вчерашняго караульнаго офицера, вдругъ нахмурился и сердито взялъ рапортъ.

— Это что значить, г. офицеръ? И это вы такъ смѣлы являться къ бригадному командиръ, и это развѣ можно быть въ нечистыхъ перчаткахъ?

Я, разумѣется, молчалъ.

— И я вамъ говорю!

— Это отъ сабли, ваше сіятельство.

— И вы смѣлы встрѣчать вашъ начальникъ въ нечистыхъ перчаткахъ! И какой вы офицеръ послѣ этого? и какой вашъ служба послѣ этого, когда нѣтъ атенціи къ начальству! Г. полковникъ! арестовать этого г. корнета на три дня и отдать въ приказъ!

Полковникъ взялся подъ козырекъ.

— И маршъ впередъ! Извольте вести меня. И что вы будете за эскадронный командиръ, когда не уважаетъ свой бригадный командиръ, продолжалъ генералъ, возвышая голосъ и входя въ госпиталь: — вы вѣрно привыкъ не ставить въ копѣйка начальство; вы у мене будете помнить нечиста перчатка...

Въ госпиталѣ однакожь было все въ порядкѣ, то есть отличалось наружною чистотою и опрятностью, чего и требовали не только наши, но и медицинскія власти; а какъ лечили, кормили, объ этомъ въ то время никто не заботился, потому что окружный госпиталь служилъ арендой главному доктору, смотрителю и аптекарю. Пожаловался было одинъ унтеръ-офи-

церъ изъ инвалидной команды на какія-то притѣсненія, но бригадный командиръ раскричался на него и, замѣтивъ, что нижніе чины имѣютъ право на претензію только при инспекторскихъ смотрахъ, велѣлъ дать ему пятьдесятъ розогъ, что и было исполнено, только, вѣроятно по ошибкѣ, съ прибавленіемъ нуля. Генераль уѣхалъ, поблагодаривъ всѣхъ, — за что? конечно, онъ и самъ не зналъ. Проводя гостей, я выразительно посмотрѣлъ на полковника, но онъ потупилъ глаза и отворотился. Черезъ часъ пришелъ юнкеръ смѣнить меня, а вслѣдъ за нимъ явился и полковой адъютантъ потребовать у меня саблю и отъ имени полковника приказалъ отправляться на три дня на гауптвахту. Я рассказалъ, въ чемъ дѣло. Адъютантъ засмѣялся и сказалъ, что можетъ быть по отъѣздѣ генерала меня уволить изъ-подъ ареста. Послѣ обѣда, на который утромъ я былъ приглашенъ, но, разумѣется, которымъ не могъ воспользоваться, — генераль уѣхалъ, а мнѣ не прислали саблю. На другой день, во время развода, я стоялъ на платформѣ. Полковникъ подошелъ близко. Я напомнилъ ему о непріятной развязкѣ моего дежурства.

— Что же дѣлать? отвѣчалъ онъ: — бригадный командиръ...

— Но вѣдь я дежурилъ незаконно, это была только вѣжливость съ моей стороны.

— Воля начальства...

— Да развѣ же можно такъ дѣлать?

— Вы, кажется, начинаете разсуждать! Извольте отправляться къ своему мѣсту. Это вамъ зачтется впередъ за какой нибудь проступокъ.

Я покраснѣлъ и не отвѣчалъ ни слова. На первомъ же ученіи полковникъ придрался ко мнѣ и, наговоривъ множество грозныхъ, но вѣжливыхъ фразъ, сдѣлалъ за меня выговоръ эскадронному командиру, что мнѣ было гораздо непріятнѣе ареста. Дня чрезъ три случилось еще одно маленькое

столкновеніе съ полковникомъ въ дѣлѣ, не относившемся до службы, на полѣ, которое свободно для всѣхъ, и которое одно только не разбираетъ ни чиновъ, ни званій. Съ моей стороны не было особеннаго желанія стать ему на дорогѣ; а просто я и самъ не знаю, какъ случилось столкновеніе: даже, помнится мнѣ, причина этого столкновенія какъ-то сама зашла на мою квартиру. На слѣдующемъ же «пѣшемъ по конному» полковникъ распекъ меня и посадилъ на гауптвахту.

Въ это время въ войскахъ нашего корпуса появилась глазная эпидемія, названіе которой въ оффиціальной перепискѣ дано было *грануляція*. Въ нашемъ полку тоже оказалось нѣсколько больныхъ этой болѣзною, и число ихъ возрастало ежедневно отъ пыли, неизбѣжной при кавалерійскихъ ученьяхъ. Полковникъ получилъ предписаніе тотчасъ же отдѣлить всѣхъ выздоравливающихъ глазныхъ и тѣхъ, у кого начала обнаруживаться эпидемія и, уволивъ ихъ отъ ученій, помѣстить гдѣ нибудь при рѣкѣ, на возвышенной мѣстности и, если можно, вблизи лѣса. Командѣ этой назначить офицера, на котораго возложить присмотръ за нижними чинами, чтобъ они по стоянно были на свѣжемъ воздухѣ, купались два раза въ день и промывали глаза чистою рѣчною водою. Полковнику тотчасъ же явилась мысль поручить мнѣ эту команду: во первыхъ, представился случай удалить меня изъ штаба полка, во-вторыхъ, подвергнуть ссылкѣ въ уединенную лѣсную деревеньку, гдѣ по неволѣ я долженъ былъ жить въ одиночествѣ, тѣмъ болѣе, что полкъ выступалъ въ корпусный кампантъ, а это хоть и трудное, но самое веселое время. Я ничего не зналъ и сидѣлъ на гауптвахтѣ, — какъ подали мнѣ предписаніе. Сначала я разсердился при мысли остаться отъ полка, не быть на корпусномъ ученіи, не посѣтить нѣсколькихъ ба-ловъ нашего военного города, и не навѣстить пріятелей въ прочихъ полкахъ и батареяхъ. Но какъ вспомнилъ, что об-

стоятельства мои круты, денегъ почти не имѣлось, даже безпокоили кое какіе долги, я мигомъ примирился съ своею участью. Притомъ же я всегда любилъ природу, библіотека у насъ хоть плохая, но я надѣялся застать книги, ружье у меня было, водились и удочки—чего же больше? Я даже потомъ порадовался, что избавлюсь тяжелыхъ ученій, множества распекацій; а надобно сказать, что я не имѣлъ тогда верховой лошади, слѣдовательно надобно было кланяться, чтобы не всучили какого нибудь одра или, какъ у насъ говорили, звѣздочета. Черезъ два дня меня позвали къ полковнику. Онъ былъ сердитъ и нахмуренъ. Видно было, что у него кипѣла противъ меня досада, которую ему было стыдно прямо высказать. Я тоже молча ожидалъ.

— Возьмите свою саблю.

Я исполнилъ приказаніе:

— Вы примете глазныхъ больныхъ и отправитесь съ ними въ деревню К*. Подробную инструкцію получите вечеромъ, а завтра съ резсвѣтомъ въ походъ. Да извольте, сударь, смотрѣть, чтобы люди не рвали одежды: я велѣлъ имъ выдать старенькую на случай смотровъ, которую и беречь подъ замкомъ,—а эти бестіи пускай ходятъ въ чемъ хотятъ: вѣдь у каждого анаемы есть что нибудь собственное. Порите ихъ безъ церемоніи, въ особенности кантонистовъ. Провіантъ будетъ отпущенъ, на приварокъ получите деньги; только смотрите, расходуйте осторожно: вѣдь вы отвѣчаете за каждую копейку.

— Больше ничего не прикажете?

— Прикажу-съ, если вамъ угодно, прикажу-съ. Стыдно молодому офицеру дѣлать такія вещи, какъ вы дѣлаете, сударь.

— Я васъ не понимаю полковникъ.

— Нѣтъ, вы очень хорошо понимаете.

— Я твердо убѣжденъ, полковникъ, что не сдѣлалъ ни одного предосудительнаго поступка, и поведеніе мое извѣстно товарищамъ.

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ. А когда у васъ будетъ верховая лошадь?

— Какъ только соберусь....

— Вы никогда не соберетесь! Какія есть денежки, употребляете на подарки...

— Я знаю, куда вы мѣтите, полковникъ, и не считаю нужнымъ оправдываться. Что же касается лошади, я не могу иначе пріобрѣсть ее, какъ съ разсрочкою и то изъ жалованья.

— Я могу вамъ дать изъ своихъ.

— Если не найду у товарищей въ долгъ, буду просить васъ.

— У меня есть славный меринъ изъ шестаго эскадрона подъ вашъ ростъ. Но объ этомъ рѣчь впереди. Извольте же наблюдать за больными. Я по временамъ буду пріѣзжать посмотреть вашу команду.

Полковникъ поклонился. Я вышелъ.

На другой день, на зарѣ, мнѣ принесли инструкцію, пять рублей серебромъ на продовольствіе восьмидесяти больныхъ и расходную шнуровую тетрадку. Вечеромъ, того же дня, я вступилъ въ маленькую живописную деревушку надъ Донцомъ, на скатѣ значительной возвышенности. Вахмистръ у меня былъ умный и чрезвычайно добрый старикъ, шевронистъ, который тотчасъ же занялся устройствомъ нашего маленькаго хозяйства.

Въ нѣсколькихъ хатахъ мы размѣстили свою команду, и какъ это былъ іюль мѣсяцъ, то даже не обременили хозяевъ, очень бѣдныхъ людей. Но невозможность продовольствія обнаружилась съ перваго же дня, потому что пяти рублей хватало развѣ на одну только соль, а жители не были въ состояніи кормить подобной команды. Такимъ образомъ мы пробѣдствовали около недѣли. Я послалъ рапортъ о высылкѣ денегъ. Мнѣ

прислали три рубля и строжайшее предписаніе — быть бережливымъ. Въ это время у меня собственныхъ денегъ уже не было, да и запасы чаю, сахару и табаку приходили въ истощеніе, потому что въ одиночествѣ какъ-то все это переводилось очень быстро. Надобно было сдѣлать заемъ у вахмистра пять рублей для продовольствія команды. Наконецъ у меня осталось запасовъ всего на одинъ день. Я началъ серьезно подумывать о своемъ положеніи. Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ, я пошелъ бродить съ ружьемъ далеко отъ своей квартиры въ придонецкіе лѣса. Давно наступилъ августъ. Дичи было множество. Я застрѣлилъ утку, и пару дикихъ голубей, что меня немного пріободрило. Присѣвъ отдохнуть подъ развѣсистымъ дубомъ, и, втягивая дымъ, началъ я безъ цѣли смотрѣть на пышныя деревья, спускавшіяся къ Донцу и шумѣвшія своими вершинами. Все располагало къ поэзіи; и надобно же было, чтобы средь поэтической тишины мнѣ блеснула самая практическая мысль, которую едва созналъ я, какъ уже меня бросило въ жаръ отъ удовольствія. Всѣ дубы вокругъ меня были буквально усыяны желудями, которые на иномъ деревѣ сидѣли густо, словно кисти винограда. Конечно, васъ удивитъ, чему же я радовался при подобномъ открытіи, но прочтя мой разказъ далѣе, вы перестанете удивляться.

Отправившись самымъ скорымъ шагомъ домой, я тотчасъ же послалъ за вахмистромъ. Видно было, что почтеннаго Максима Петровича разбудили послѣ самаго сладкаго сна; однакоже онъ явился въ безукоризненной формѣ и проговорилъ своимъ мягкимъ голосомъ:

— Здравія желаю, ваше бродіе!

— Здравствуй, Максимъ Петровичъ! Собери мнѣ человѣкъ 20 кантонистовъ постарше и молодыхъ солдатъ.

— Слушаю-съ,

— Да нельзя ли достать мѣшковъ десятокъ?

— Можно. А осмѣлюсь спросить...

— Узнаешь послѣ.

— Извините, ваше бродіе.

— Да вели съ вечера приготовить подводу въ городъ.

— Будетъ готово. А я хотѣлъ доложить вашему бродію, что какъ мы сами стали хлѣбъ печь, такъ ужъ есть маненько припеку—можно бы свезти въ городъ, какъ я и прежде докладывалъ.

— Ну, слава Богу, теперь хоть немного подкормимъ людей. Пожалуйста же поживѣе.

Вахмистръ ушелъ снаряжать команду, а я со всѣмъ жаромъ молодости предался осуществленію своей мысли и рѣшился идти на цѣлый день въ лѣсъ, приказавъ взять съ собой самоваръ, кастрюльку и разныя принадлежности. Люди собрались живо. Надобно сказать, что подчиненные полюбили меня какъ-то очень скоро. Я не успѣлъ еще для нихъ ничего сдѣлать, они даже голодали; но слыша отъ меня постоянно ласковое слово, иногда шутку, видя доступность, они сразу поняли, что со мной легко было ужиться, стоило только не буяннить, не обижать хозяевъ, слушаться вахмистра,—и только. Все время у нихъ было свободно, и за исключеніемъ купанья, они отъ зари до зари могли ничего не дѣлать. Сначала вышли было недоразумѣнія съ хозяевами, по случаю дурнаго корма; но я объявилъ своимъ, что хозяева бѣдны, мука и крупа у насъ есть, слѣдовательно съ голоду не умремъ, а со временемъ обѣщаль непременно улучшить ихъ положеніе. Я еще былъ неопытенъ, но вахмистръ объявилъ мнѣ, что отъ припека можно будетъ выручать необходимые припасы. Вообще команда моя вела себя отличнымъ образомъ.

Когда я вышелъ изъ квартиры, двадцать молодыхъ ребятъ весело гаркнули мнѣ все обычное привѣтствіе, и я повелъ ихъ въ знакомый лѣсъ, не объявляя причины экспедиціи. Но

до меня долетали разные предположенія: «не идемъ ли мы грушъ трясти, или бакшу собирать» и т. п. Какое же было ихъ удивленіе, когда придя на извѣстное мѣсто къ дубамъ, я распорядился, чтобы поставили мнѣ самоваръ и вызвалъ пять человѣкъ охотниковъ лѣзть на деревья и трясти жолуди, а остальнымъ собирать этотъ плодъ въ мѣшки, принесенные съ собою. Не успѣлъ я приготовить себѣ чай, какъ половина дѣла была сдѣлана; черезъ часъ мы имѣли десять мѣшковъ жолудей; а люди пустились, кто собирать грибы и ягоды, кто въ ближайшемъ озерѣ таскать руками раковъ. Осталось порѣшить доставку жолудей въ деревню, о чемъ я не подумалъ прежде; но одинъ молоденькій кантонистъ видѣлъ недалеко своего хозяина, который съ порожнимъ возомъ проѣхалъ домой, и уговорилъ его взять нашу добычу. И вотъ жолуди наши подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ человѣкъ отправились въ деревню. Къ закату солнца и мы возвратились. Вахмистръ и артельщикъ ожидали меня у воротъ хаты, и я тотчасъ же приступилъ съ ними къ совѣщанію. Припекъ, т. е. мука, остававшаяся намъ въ экономіи, въ количествѣ нѣсколькихъ пудовъ, былъ нашей единственной надеждой. Но когда я сообщилъ моимъ совѣтникамъ, что хочу сдѣлать попытку продать на рынкѣ жолуди, которые составляютъ самую лучшую пищу для свиней, откармливаемыхъ на убой,—вахмистръ и артельщикъ разинули рты отъ удивленія. Они, впрочемъ, тотчасъ же рѣшили, что въ случаѣ продажи жолудей—деньги по всѣмъ правамъ должны принадлежать моему благородію. Но я, откровенно сознавшись въ плохихъ обстоятельствахъ, сказалъ, что считаю себя только участникомъ въ этой выручкѣ и буду брать лишь необходимое на свое собственное продовольствіе, а остальное должно поступать на улучшеніе пищи команды. И въ доказательство этого я приказалъ артельщику, въ случаѣ продажи жолудей, купить мнѣ на этотъ разъ фунтъ табаку, въ которомъ уже чувствовался совершенный недостатокъ.

На другой день часамъ къ одиннадцати артельщикъ мой возвратился изъ города и съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ вручилъ мнѣ фунтъ Жукова (его тогда всѣ курили), объявивъ, что сверхъ ожиданія, онъ тотчасъ же продалъ мѣшокъ жолудей по полтинѣ ассигнаціями и что каждый базаръ въ покупателяхъ не будетъ недостатка. За муку выручено было около 6 рублей, за жолуди 5, — и того, за вычетомъ 2, употребленныхъ для меня, оставалось 9 въ пользу команды. Артельщикъ, по своему усмотрѣнію, купилъ соли, луку, постнаго масла и необходимыхъ овощей, и за всѣмъ этимъ отдалъ мнѣ на сохраненіе, какъ теперь помню, два рубля восемь гривенъ ассигнаціями. Однимъ словомъ, въ теченіе нѣдели, которую мы провели въ лѣсахъ, выручено было за жолуди съ прибавкою припека около тридцати рублей ассигнаціями. У насъ, за неимѣніемъ котловъ, появились собственные горшки и чугуны, людямъ варились ежедневно борщъ съ рыбою или мясомъ и густая каша; солдатамъ можно было отпускать къ обѣду чарку водки. Люди быстро поправились, вели себя необыкновенно хорошо и неохотно шли на выписку. Между тѣмъ больные безпрерывно прибывали, такъ-что у меня состояло ихъ болѣе ста человѣкъ, въ числѣ которыхъ иногда попадались заболѣвшіе вторично. Однажды вахмистръ доложилъ мнѣ по секрету, что иные изъ нихъ, выписавшись въ полкъ и находя что съ нами гораздо лучше, натирали себѣ рукавомъ шинели глаза, лишь бы только попасть въ отдѣленіе.... Въ жолудяхъ недостатка не имѣлось, но мы должны были уже далѣе углубляться въ лѣсъ и издерживаться на подвозъ ихъ до деревни. Люди однакоже, во избѣжаніе расхода, переносили жолуди на плечахъ. И точно, что значило взять лишнихъ двадцать сильныхъ солдатъ, которые охотно, кто сколько могъ, носили драгоцѣнный продуктъ, зная что это дѣлалось для ихъ же пользы. Ко мнѣ даже не разъ являлась депутація, чтобъ я бралъ себѣ всю выручку за

жолуди и что одного припека достаточно для продовольствія команды. Но я не измѣнялъ своей системѣ и покупалъ себѣ только чай, сахаръ, табакъ и свѣчи, и то, правду сказать, собственно потому, что жилъ безъ копѣйки. Совѣсть моя была покойна, ибо и я работалъ — не тѣмъ, такъ другимъ способомъ. Всегда было людно у нашей импровизированной кухни, вырытой въ полугорѣ, подъ тѣнью деревьевъ. Въ жирномъ борщѣ клекотали куски говядины, баранины, рыбы; просяная каша, зарумянившись, выпускала какой-то манящій запахъ; тутъ же въ большихъ чугунахъ мучились несчастные раки, и когда большая часть ихъ принимала уже красный цвѣтъ, нѣкоторыя клешни высовывались еще на верхъ, доказывая, что жизнь еще не угасла. Это, можетъ быть, и жестоко, по крайней мѣрѣ нѣтъ другаго способа для приготовления раковъ. Иной разъ лежали цѣлые костры золотистой кукурузы и всегда большое количество дынь и арбузовъ, которыхъ въ томъ году былъ значительный урожай и, слѣдовательно, непомѣрная дешевизна.

Однажды подъ вечеръ неожиданно посѣтилъ меня полковникъ и тотчасъ же приказалъ трубачу заиграть сборъ. Никто этого не ожидалъ, и люди мои были въ разбродѣ—кто на ловлѣ раковъ, кто въ ближнемъ лѣсу: по этому случаю они собирались медленно. Полковникъ сердился; а когда онъ увидѣлъ поистертые рейтузы и дырявые сапоги, то изъ командирскихъ устъ его излетѣло много проклятій и разныхъ непечатныхъ выраженій. Я спѣшилъ однакоже успокоить его, что люди носили собственную одежду.

— А какія у нихъ морды жирныя! сказалъ онъ. — Посмотрите на этихъ ракалій! О, я доберусь до нихъ!

Недождавшись нѣсколькихъ человѣкъ, за которыхъ я поручился въ исправности (сказавъ, что послалъ ихъ ловить раковъ), полковникъ сдѣлалъ смотръ командѣ и остался доволенъ.

Долгъ вѣжливости и гостепріимства заставилъ меня предложить полковнику стаканъ чаю. Онъ согласился, я думаю, больше оттого, что лошади его были всѣ въ мылѣ. Я велѣлъ приготовить чай на дворѣ, и мы помѣстились на единственной хозяйской скамейкѣ, составлявшей всю мою подвижную мебель. Какъ человѣкъ, не упускавшій изъ виду денежныхъ расчетовъ, полковникъ очень хорошо зналъ, какъ давно я не требовалъ уже денегъ, и потому догадался, что въ этомъ молчаніи припекъ игралъ важную роль. Но ему хотѣлось удостовѣриться, въ какой мѣрѣ я пользовался лично благоразумной экономіей. Похваливъ мой чай и закуривъ трубку, полковникъ кликнулъ вахмистра. Максимъ Петровичъ явился въ новенькой курткѣ съ блестящими галунами.

— Котораго года куртка и рейтузы?

— Собственныя, ваше-скобродіе.

— Ну да, вы бестіи, шевронисты, пропасть получаете денегъ. Исправенъ ли у тебя амуничникъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ пришли, ни разу не надѣвали казеннаго, ваше скобродіе.

— То-то. Смотри у меня! Хороша ли мука?

— Доставляютъ хорошую. Разъ была неисправность, такъ ихъ бродіе забраковали и потребовали другой изъ комитета.

— Хозяева хорошо продовольствуютъ?

— Мы кормимся отъ артели, ваше скобродіе.

— Какъ отъ артели? Гдѣ же вы взяли котловъ, а главное—денегъ?

— Это было распоряженіе ихъ бродія.

— А! ну, ступай, да смотри въ оба.

— Счастливо оставаться, ваше скобродіе.

— Какъ же это вы устроили артель? спросилъ полковникъ по уходѣ вахмистра.

— Кое-какими средствами, полковникъ.

— И варите людямъ кашицу?

— Нѣтъ мы варимъ борщъ съ говядиной, густую кашу, раковъ, кукурузу, а людямъ постарше даемъ винную порцію.

— Что-о-о?

Я повторилъ.

— Вы шутите.

— Не смѣлъ бы шутить съ полковымъ командиромъ, гдѣ дѣло касается службы.

— Такъ вѣрно людямъ не весь хлѣбъ отпускаете?... Это впрочемъ ничего.

— Напротивъ, хлѣба сколько угодно. Кромѣ припека, я нашелъ еще одно средство, полковникъ.

— Какое же?

Разсказавъ коротко жолудиную экспедицію, я не скрылъ, что и самъ пользуюсь отъ выручки, насколько нужно для моего личного продовольствія.

Полковникъ засмѣялся.

— Продають жолуди! Ха-ха-ха! Да это капитальная мысль! Вы золотой человекъ, вы просто — министръ финансовъ.... Жолуди! ха-ха-ха!

— Надобно же было что нибудь выдумывать, когда жители бѣдны, а денегъ нѣтъ.

— Значить, эти ракалиі ѣдятъ лучше нашихъ. Смотрите, вы перебалуете мнѣ людей. Ха-ха-ха! Жолуди!

— Люди ведутъ себя отлично.

— И васъ ненадувають вахмистръ и артельщикъ?

— Не думаю. Можетъ быть артельщикъ и попользуется какой нибудь гривной, но, во-первыхъ, нельзя его усчитать. во-вторыхъ, онъ вѣдь и трудится.

— И у васъ много денегъ?

— Въ настоящее время имѣемъ рублей двадцать пять, да надѣмся въ будущій базаръ получить кое-что.

— Ей-богу, батенька, министр! Продовольствовать сто человек жолудями—ха-ха-ха! Да откуда же вамъ пришла эта мысль?

— Я уже вамъ говорилъ.

— Благодарю васъ. Разрѣшаю и впередъ, только посовѣтую не слишкомъ баловать этихъ бестій, пороть ихъ хорошенько и сберегать копѣйку на черный день. Вся эта экономія принадлежитъ вамъ по праву.

— Моя вся цѣль продовольствовать людей, полковникъ, и я очень радъ, что могу это дѣлать собственными средствами.

— И средствами благоразумными. Я очень вамъ доволенъ, корнетъ!...

Напившись чаю, полковникъ уѣхалъ, но, садясь на дрожки, смѣялся и повторялъ: жолуди! министр финансовъ!

Скоро однако же наши жолуди стали истощаться: въ ближайшемъ казенномъ лѣсу мы отрясли всѣ дубы, а въ помѣщичьемъ встрѣтили сопротивленіе, и хотъ нанимали деревья у лѣсничихъ, однако источникъ изсякалъ мало-по-малу. Зато припекъ у насъ былъ большой, такъ что люди не видѣли уменьшенія пищи; я получилъ немного причитавшагося жалованья и не бралъ ни копѣйки изъ артели, да и команда начала убывать по случаю прекращенія болѣзни. Въ сентябрѣ у меня оставалось около пятидесяти человекъ.

Два мѣсяца мелькнули, какъ одинъ день, и я, окруженный книгами, природой—не зналъ, что такое скука. Одинъ только эпизодъ рѣзко выдѣлялся изъ этой пустынной жизни, но и тотъ интересенъ собственно для меня, какъ происшествіе, относящееся лично къ моей особѣ. Въ числѣ писемъ и журналовъ мнѣ принесли однажды пригласительный билетъ на свадьбу къ однимъ знакомымъ. Кумиръ нашей молодежи—хорошенькая сосѣдка выходила за пожилаго помѣщика —ской губерніи. Два мѣсяца я уже не только не видѣлъ общества, но не говорилъ

съ образованными людьми, и мнѣ очень хотѣлось побывать на блестящемъ балѣ. Можетъ-быть меня влекло и еще какое-нибудь чувство; но этотъ праздникъ рисовался мнѣ въ необыкновенно поэтическомъ свѣтѣ... Но какъ попасть на свадьбу? Собственныхъ лошадей у меня никогда не было, нанять крестьянскихъ не представлялось возможности, потому что въ деревнѣ не было и дрянной клячи; оставалось одно средство: взять воловъ до штаба, а тамъ достать обывательскихъ. Но время подходило къ свадьбѣ, а въ объѣздѣ считалось болѣе тридцати верстъ. И вотъ на другой день у меня уже созрѣлъ планъ — совершить самое живописное путешествіе. Отъ моей деревеньки къ знакомымъ не болѣе тринадцати верстъ по прямому направленію, и я рѣшился ихъ пройти пѣшкомъ. Конечно, я рисковалъ отлучиться безъ просу на сутки отъ своей команды; но развѣ корнеты задумываются когда въ подобныхъ случаяхъ? Шансы же у меня были выйти изъ неловкаго пѣшаго путешествія: передъ самой деревней надо было переплыть Донецъ въ лодкѣ, — слѣдовательно, я могъ сказать, что прибылъ по рѣкѣ изъ штаба. И вотъ, поручивъ свою парадную форму каптанисту Правденку и приказавъ вахмистру наблюдать за порядкомъ, я, послѣ сытнаго обѣда, съ ружьемъ въ рукахъ, пошелъ чрезъ живописную лѣсную гору. Августовскій день великолѣпно освѣщалъ панораму придонецкихъ береговъ. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то прохлада. По небу носилась паутина и тучи скворцевъ перелѣтали съ мѣста на мѣсто. Сжатые поля гречихи краснѣли вправо и, примыкая къ лѣсу, рѣзко бросались въ глаза на чертѣ соединенія съ зеленою. Вереницы журавлей гдѣ то высоко издавали отрывистые звуки. На меня нашло то неуловимое одушевленіе, которое каждому дается въ молодости... Я не помню, какъ шелъ впередъ, уносясь мечтами въ будущее, которое и для меня блестѣло всѣми цвѣтами радуги.... Мы прибыли къ Донцу и насилу достали

въ хуторкѣ лодку за полтинникъ, съ тѣмъ, чтобы переѣхать на ней и обратно. На другомъ берегу уже стемнѣло. Когда я подходилъ къ знакомому саду, — по дорогѣ проѣхало нѣсколько экипажей, которые видимо спѣшили. Отправившись въ знакомый флигель, я переодѣлся и пошелъ въ домъ, гдѣ засталъ уже много гостей и товарищей. По обыкновенію меня приняли съ большимъ радушіемъ, но всѣ домашніе были заняты. Невѣста одѣвалась къ вѣнцу. Вскорѣ появилась и она. Красивое лицо ея было необыкновенно серьезно, и хотя она улыбалась, раскланивалась съ нами, однако я убѣжденъ, что она приветствовала массу, не распознавъ никого, потому что выразительные черные глаза ея были подернуты слезою. Вскорѣ произошла сцена благословенія, при которой всѣ близкіе были растроганы, многіе изъ постороннихъ сыграли роль растроганныхъ, и вѣреница отправилась къ великолѣпно освѣщенной церкви. Я выбралъ себѣ мѣсто подальше, но на возвышеніи у клироса, такъ что мнѣ превосходно было видно все во время обряда. Подтянувшійся женихъ, словно помолодѣвъ нѣсколькими годами, гордо озирался вокругъ, какъ бы показывая на молодость и красоту своей будущей супруги. Невѣста въ живописномъ нарядѣ потупила блестящія глазки, и на лице ея, постоянно блѣдномъ, какъ будто темного изнуренномъ, по временамъ появлялись вспышки румянца. Богъ ее знаетъ, что она думала; но замѣтно было, что какъ ни геройски держала она себя, а вѣроятно при взглядѣ на жениха, приближавшагося къ старости, не могла она не подумать, что съ ея умомъ и красотою не трудно было ей стать подъ вѣнцомъ съ человѣкомъ и моложе и красивѣе, который говорилъ бы ея сердцу. Изъ числа многихъ ея поклонниковъ въ сосѣднихъ полкахъ — я не знаю, на кого можно бы указать, кто пользовался бы особеннымъ ея расположеніемъ; она любила немножко пококетничать, что впрочемъ шло къ ней; но выбрать пожилаго, можетъ быть

и достойнаго, господина и выбрать, конечно, подъ вліяніемъ родныхъ — признаюсь, не считалъ ее способною. И странно! когда окончился обрядъ, когда поздравили молодыхъ, и вскорѣ въ большой залъ раздались шумные поздравительные тосты, я прочелъ на лицѣ новобрачной такъ много противоположныхъ чувствъ, что мнѣ стало жаль живую и остроумную дѣвушку. Она была очень ловка, и любила поспорить, но спорила такъ мило и обладала такой неотразимой способностью быстрыхъ отвѣтовъ, подъ-часъ насмѣшливыхъ, что весело было съ нею поболтать. Нѣсколько времени тому назадъ, я помню, мы гуляли съ ней въ саду и какъ-то разговорились о замужествѣ. Разыгрывая роль равнодушной ко всѣмъ обожателямъ, она сказала мнѣ, что если рѣшится когда нибудь выдти замужъ, то избранный ея долженъ быть совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Я посмѣялся надъ нею, и мы почти поссорились. Теперь же на ея свадьбѣ мнѣ уже было какъ-то неловко подходить къ ней, изъ боязни напомнить нашъ давнишній разговоръ. Новобрачный, котораго я зналъ за добраго человѣка, едва полуобразованнаго, безъ претензій, — показался мнѣ совершенно въ другомъ свѣтѣ. Овладевъ хорошенькой, молодой дѣвушкой, которая кружила головы многимъ поклонникамъ, онъ словно переродился: сыпалъ довольно тупыя остроты, ходилъ съ особой припрыжкой, взбивалъ волосы, крутилъ усы и поминутно подходилъ къ женѣ цаловаться.

Окна въ залъ были растворены; сквозь нихъ блистало небо, усѣянное звѣздами, и мы въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ помѣстились у одного окошка потолковать о предстоявшемъ балѣ. Слышу — меня назвали по имени. Оглядываюсь: новобрачная въ своемъ ослѣпительномъ подвѣчномъ нарядѣ съ воздушнымъ покрываломъ остановилась недалеко.

— Вы забыли насъ, Караминскій, сказала она съ улыбкой: — говорятъ, сдѣлались совершеннымъ пустыннымъ.

— Не могъ выбрать времени, а пустынною сталъ дѣйствительно, только поневолѣ.

— Вы однакожь очень грустны, — я слышала, вамъ измѣнили, — но утѣшьтеся.

— Я давно утѣшился.

— Отчего вы въ самомъ дѣлѣ не пріѣзжали? Видите, въ такое короткое время—сколько перемѣнъ... А помните наши прогулки верхомъ по степи? Вѣдь мы оба любили помечтать. Пріѣзжайте въ —скую губернію.

Въ это время мужъ подошелъ къ ней и занялся цалованьемъ, какъ будто безъ свидѣтелей. Мнѣ даже стало непріятно.

Вечеръ прошелъ очень шумно и весело. Я, подобно всѣмъ молодымъ людямъ, увлекся и протанцовалъ до разсвѣта. После ужина всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, приготовляясь назавтра начать танцы съ утра, по деревенскому обыкновенію. Во флигелѣ офицеры ложились въ повалку, другіе суетились разѣзжаться по полкамъ. Отыскавъ Правденка, я переодѣлся, вышелъ втихомолку черезъ садъ къ Донцу, отыскалъ лодку, переправился и побрелъ пѣшкомъ въ свою уединенную деревеньку. Тотъ же яркій августовскій день освѣщалъ мой обратный путь съ тою же обстановкой; но у меня уже впереди какъ-то не было радужнаго простора будущности... Я не знаю, зачѣмъ меня преслѣдовалъ образъ новобрачной въ поэтическомъ нарядѣ, съ этой притворной веселостью на лицѣ, съ этимъ рѣзвымъ хохотомъ, но въ глазахъ ея читалъ я, что все это неправда, что и вышла замужъ она по настоящимъ совѣтамъ родныхъ, что для этого немолодаго и неразвитаго мужа не могло быть у ней завѣтнаго уголка въ сердцѣ... Я довольно скоро возвратился домой. Цѣлый день мнѣ все представлялись и ярко освѣщенный храмъ, и блестящій балъ, и рой молодыхъ, хорошенькихъ дѣвушекъ; но среди всего этого сіяли черные глаза, въ которыхъ такъ ясно виднѣлось сознание и заглу-

шаемое раскаяніе... На другой день я началъ какую-то повѣсть, на третій написалъ стихи, а потомъ уже бродилъ съ ружьемъ по лѣсу, словно все сбывшееся представлялось сновидѣніемъ.

Въ половинѣ сентября получилъ я приказъ выступить съ командой въ штабъ и явиться въ полковую канцелярію. Я давно ожидалъ этого и, казалось, равнодушно началъ дѣлать приготовленія. Вахмистру отдано было приказаніе выступить съ разсвѣтомъ, а самъ я пошелъ посѣтить свои любимыя мѣста надъ Донцомъ, въ особенности къ лужайкѣ, противъ старинной ветхой часовни. Но когда возвратясь съ прогулки, вошелъ я послѣдній разъ въ свою бѣдную хату и подумалъ, что мнѣ придется распрощаться навсегда съ этимъ убогимъ, но спокойнымъ пріютомъ, когда мой Правденко, укладывая вещи, началъ тихо плакать, меня ущемило за сердце. Я ни слова не сказалъ кантонисту, потому что не хотѣлъ застать его врасплохъ и далъ время ему оправиться.

— Можетъ быть, Правденко, ты желаешь чего нибудь.

Онъ отворотился.

— Я ничего не желаю, всѣмъ доволенъ, покорно благодарю.

— Ну, братъ, и тебѣ спасибо.

Кантонистъ не могъ удержать слезъ.

— О чемъ же ты плачешь? спросилъ я нетвердымъ голосомъ.

— Помилуйте, в. б—іе! Два мѣсяца жилъ здѣсь, какъ въ раю,—а завтра что?... Конечно, служить надо, да у насъ эскадронный командиръ... Здѣсь сытъ, не слышишь грубаго слова, не то, что брани... а тамъ не такъ посмотрѣлъ, ошибся въ чемъ нибудь—розги... Да какъ еще сѣкутъ...

— Самъ знаешь, служба...

— Что и говорить! А вотъ вы такой же офицеръ, и сколько было разнаго народу, а посмотрите, какъ васъ любили.

Да если бы кто провинился въ командѣ, такъ товарищи прибили бы его до смерти, чтобъ только не огорчить вашего благородія.

Я потихоньку вышелъ на свѣжій воздухъ. Цѣлую ночь я не могъ сомкнуть глазъ и просидѣлъ до разсвѣта... Раздались перекаты трубы. Ко мнѣ вошли вахмистръ и артельщикъ. Я окончилъ расчетъ. Мы подъ конецъ обѣднѣли, и хотъ людей кормили по прежнему, но денегъ въ остаткѣ было не болѣе рубля серебромъ, который и присужденъ былъ въ награду артельщику. Убогіе жители поднесли намъ хлѣбъ и соль на прощанье. Когда выстроилась моя команда и я вышелъ съ цѣлію произнести рѣчь, у меня не хватило духу: у всѣхъ на глазахъ сверкали слезы, а у нѣкоторыхъ старыхъ служаковъ унижены были ими кончики сѣдыхъ усовъ...

— Благодарю, ребята!... Я... очень... вами доволенъ.

— Радъ стараться! вышло какъ-то неполное и отрывистое.

Я махнулъ рукою, скомандовалъ «маршъ!» Жители пожелали счастливаго пути. Какая-то старушка меня перекрестила...

Разсказъ этотъ взятъ изъ записокъ, переданныхъ мнѣ однимъ старымъ товарищемъ.

МОНШЕРЫ.

Сколько могъ, я познакомилъ читателей съ прежней эпохой въ предыдущихъ очеркахъ, а потому, хотя повѣсть моя происходитъ въ тридцатыхъ годахъ, однако я считаю лишнимъ дѣлать общее обзорѣніе тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ. Но я не могу не обратить вниманія на одинъ военный типъ, пропущенный нашими беллетристами, который стусевался неранѣе крымской кампаніи: это такъ называемые «моншеры», существовавшіе въ иныхъ полкахъ по нѣскольку экземпляровъ. Передъ упомянутой войной мнѣ случалось еще видѣть образчики военного моншера и хотъ этотъ типъ почти уже выродился, однако все еще не терялъ присущей ему своеобразности и по захоlustьямъ дѣлалъ свое дѣло. Когда возникли въ арміи моншеры — сказать утвердительно не могу, потомучто, судя по всему, они существовали задолго до моего поступленія на службу, но въ концѣ тридцатыхъ годовъ они достигли полного развитія. Моншеръ, если хотите, много походилъ на провинціального льва: приличія и «тонъ» прежде всего; но свое львовство, если можно такъ выразиться, моншеръ проявлялъ совершенно въ другой формѣ. Офицеры этой категоріи отличались въ войскахъ разнаго рода оружія: такъ напримѣръ моншеръ-пѣхотинецъ не походилъ на моншера-кавалериста, и

даже моншеръ кирасирскій разнился отъ уланскаго или гусарскаго. Но эти мелочи замѣтны только были глазу опытнаго наблюдателя, и потому я не стану о нихъ распространяться. Вообще моншеръ, къ какому бы ни принадлежалъ оружію, задавался мыслью «жить для тону» и сообразно съ этимъ велъ свои дѣла, не обращая уже вниманія ни на какія распеканціи, даже на аресты, потомучто условія тона весьма часто расходились вразрѣзъ съ условіями службы. Первую обязанность моншера составляло щегольство, а какъ военный костюмъ не допускаетъ прихоти, то изобрѣтена была такъ-называемая бальная форма. Если напримѣръ эполеты носили съ низкой канителью, моншеръ заказывалъ ихъ въ вершокъ толщиною и съ разными блестками и украшеніями; этишкетъ или эксельбантъ свивался тоже особеннымъ образомъ; самый покрой платья отходилъ отъ образца; вмѣсто замшевыхъ перчатокъ употреблялись лайковыя: однимъ словомъ моншеръ, какъ говорилось тогда, «отъ помпона до шпоръ» одѣвался по своему усмотрѣнію. Кромѣ того моншеръ обзаводился лорнетомъ, что было строжайше запрещено, волосы причесывалъ согласно съ господствовавшей модой, что преслѣдовалось еще хуже лорнетовъ, а главное — манкировалъ службой и разѣзжалъ куда бы ни вздумалось. Каждый полкъ непременно имѣлъ своихъ моншеровъ, и въ свое время ходили о нихъ интересные анекдоты, потомучто моншеръ не всегда церемонился, особенно если ему нужно было выкинуть какую-нибудь штуку «для тону». Въ категорію эту попадали обыкновенно люди, получившіе какое-нибудь воспитаніе или, прямѣе выразиться, болтавшіе хоть немного пофранцузски: самое названіе ихъ произошло отъ того, что они постоянно говорили товарищамъ «моншеръ» и даже съ этою фразою обращались къ солдатамъ. Моншеръ, какъ и левъ, неговорившій пофранцузски, былъ немыслимъ, и потому онъ непременно воспитывался въ

какомъ-нибудь пансіонѣ или дома подъ руководствомъ гувернера, вслѣдствіе чего принадлежалъ всетаки къ числу порядочныхъ офицеровъ и очень рѣдко вмѣшивался въ грубые скандалы, происходившіе отъ картежи, пьянства или другого безобразія. Моншеръ по возможности былъ мягокъ и деликатенъ, гонялся за соблюденіемъ приличій, и если иной разъ билъ собственноручно извозчика, лавочника или другую личность, то потому, что въ описываемую эпоху кулачная расправа считалась принадлежностью каждого дворянина, тѣмъ болѣе военнаго офицера. Но вообще моншеръ былъ мягче всякаго другого товарища и нерѣдко « для тону » прощалъ деньщика или крѣпостнаго слугу, особенно при свидѣтеляхъ. И говорить нечего, что каждый моншеръ былъ записной волокита, такъ какъ формировка его начиналась отъ корнетскаго чина и рѣдко переходила до ротмистерской, пока кипѣли молодыя силы и пока честолюбіе и жажда поживы не перерабатывали эту пустую, но порой добрую натуру. При тогдашней обстановкѣ моншеръ былъ счастливъ хоть тѣмъ, что жилъ единственно « для тону », имѣлъ какую-нибудь цѣль, положимъ нелѣпую, но безкорыстную и невредившую товарищамъ вообще, а солдату въ особенности. Моншеръ не входилъ ни во что, очень часто отстаивалъ подчиненныхъ и дарилъ своему взводу по чаркѣ водки, — правда, единственно « для тону », однако ни на комъ не ложился гнетомъ его деспотизмъ, даже, какъ я сказалъ выше, и на собственной прислугѣ.

Въ одномъ полку нашей дивизіи былъ моншеръ, поручикъ Танковъ, котораго всѣ вообще называли monsieur Танковымъ. Подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ и у солдатъ, и у высшаго начальства. Титулъ свой пріобрѣлъ онъ еще въ званіи юнкера. Всегда щегольски одѣтый молоденькій франтикъ, онъ и въ нижнемъ чинѣ еще обнаруживалъ всѣ признаки моншерства, и потому частенько попадался не въ форменной одеждѣ. По

какому-то случаю прибылъ онъ въ корпусную квартиру. Начальникъ штаба былъ строгъ въ высшей степени, и его боялись гораздо больше корпуснаго командира. Проходя по площади, юнкеръ Танковъ встрѣтилъ начальника штаба, котораго впрочемъ зналъ только по имени, и вмѣсто того чтобъ остановиться во фронтъ, снявъ фуражку за четырнадцать шаговъ, раскланялся съ нимъ какъ съ обыкновеннымъ знакомымъ. Генералъ подозвалъ его.

— Какъ ваша фамилія?

— Monsieur Танковъ.

— Очень пріятно познакомиться. Ступайте же прямо на гауптвахту и скажите, что васъ прислалъ monsieur З—ій.

Съ тѣхъ поръ за Танковымъ упрочился титулъ monsieur и сопровождалъ его чрезъ всю служебную карьеру.

Моншеры пользовались расположеніемъ товарищей, во первыхъ потому, что были добрые малые, во вторыхъ—для иного служили предметомъ подражанія, а третьихъ самый закоренѣлый служака хоть и считалъ ихъ никуда негодными, однако усердно смѣялся надъ ихъ продѣлками «для тону». Моншеръ былъ не прочь и подрататься на дуэли, но предпочиталъ дипломатическія соглашенія и развѣ уже рѣшался рубиться «до первой крови», т. е. до первой царапины, а между тѣмъ любилъ на сторонѣ рассказывать о своихъ подвигахъ, рисуясь передъ провинціальными барышнями. Моншеръ всѣми силами добивался одного: чтобы о немъ говорили; заводилъ обширный кругъ знакомства, хорошо танцевалъ, судилъ вкривь и вкось о французской лѣтературѣ; записочки, даже къ казначею о присылкѣ «въ счетъ жалованья», писалъ на раздушенныхъ бумажкахъ, и величайшимъ несчастьемъ въ жизни считалъ надѣть грязные перчатки. Моншеръ всегда и вездѣ радъ былъ увильнуть отъ службы и опредѣлялся въ полкъ собственно для военнаго мундира, который даетъ извѣстную долю значенія въ обществѣ,

Моншеръ въ караулѣ обыкновенно располагался какъ дома и стоялъ не такъ какъ прочіе офицеры, что позволяли себѣ разстегнуть форму или заснуть какъ-нибудь на неуклюжемъ диванѣ, а велѣлъ стлать себѣ пуховикъ, раздѣвался какъ слѣдуетъ и ложился на покой безъ церемоніи. И многимъ изъ нихъ это сходило съ рукъ, тогда какъ другой исправный офицеръ за бѣздѣлицу подвергался взысканіямъ. Истинный моншеръ не зналъ ни аза въ глаза въ службѣ, и если ему доводилось командовать взводомъ, онъ портилъ ученье, ломалъ эскадронъ и потомъ безропотно отправлялся на гаупвахту. Онъ даже тщеславился этимъ и весело рассказывалъ кому-нибудь о своей продѣлкѣ. Однажды въ маѣ во время кампаша я былъ боленъ лихорадкой и лежалъ въ госпиталѣ. Хорошая погода вызвала меня въ садъ, и, блуждая по крайней аллеѣ, я прислушивался къ сигналамъ, раздававшимся на плацу, гдѣ начальникъ штаба смотрѣлъ полкъ нашъ. Раздался конскій топотъ. Передо мною остановился корнетъ К...

— Что ты? спросилъ я, поздоровавшись.

— Отправляюсь, моншеръ, на гаупвахту.

— За что?

— Цѣлая исторія! Ха-ха-ха! Представь: скомандовали по моему взводу строить полкъ налѣво.

— То-есть перемѣна фронта?

— Не знаю. Мнѣ вахмистръ подсказалъ, что командовать, но я ошибся, и вслѣдствіе этого полкъ построился хвостами къ генералу. Ха-ха-ха!

— И распекли?

— Налетѣли какъ ястребы. На гаупвахту, на недѣлю!

— Мнѣ помнится, тебѣ ни одно ученье не проходило даромъ.

— Послѣ кампаша выпрошусь въ отпускъ, а тамъ или поѣду за ремонтомъ, или пойду въ адъютанты къ генералу Н...

— То-то заживешь!

— Ужь конечно задамъ не такого тону.

Нашъ кавалерійскій моншеръ имѣлъ кое-какія средства, потомучто званіе его требовало иногда издержекъ, немислимыхъ при одномъ жалованьи; но пѣхотные моншеры, какъ люди преимущественно недостаточные, ухитрялись моншерствовать и при весьма ограниченномъ содержаніи. Но въ какой бы ни былъ моншеръ формѣ,—въ адъютантской ли, полковой, наконецъ въ гарнизонной,—онъ оставался вѣренъ своему призванію и несмотря ни на какую, даже самую неблагопріятную обстановку, наслаждался жизнью, разумѣется по-своему, настолько, насколько могъ, покупая эти наслажденія кучею распеканцій, долговременнымъ арестомъ, неочереднымъ карауломъ и т. п. Моншеръ не пропускалъ ни одного бала не только у сосѣднихъ помѣщиковъ, но и въ другихъ губерніяхъ, за всѣми хорошинькими ухаживалъ сплошь и рядомъ, бывалъ иногда влюбленъ (произнося это слово съ носовымъ *и*) и во имя этой любви готовъ былъ на всякія глупости, особенно если послѣднія, по его мнѣнію, требовались для поддержки тону.

Моншерство, какъ я уже говорилъ, не простиралось далѣе ротмистра, впервыхъ потому, что истинный моншеръ рѣдко дослуживалъ и до этого чина, вовторыхъ—съ лѣтами, соскучась бить баклуши и небудучи уже въ состояніи скакать на балахъ, многіе переставали жить для тону и начинали обдѣлывать дѣлишки. Моншеры впрочемъ не составляли особой касты, но при встрѣчѣ другъ съ другомъ охотно сближались и задавали тону всевозможными способами, нерѣдко переходя безъ церемоніи границу благоразумія.

Кавалерійскій моншеръ вообще любилъ побуянить, особенно тамъ, гдѣ надѣялся на поддержку товарищей, но буйство его не заходило дальше какой нибудь исторіи со статскимъ или пѣхотинцемъ, которые въ то время, незнаю ужъ почему, па-

совали передъ кавалеристами. Мы такъ были увѣрены въ своемъ превосходствѣ передъ пѣхотой, что съ явнымъ высокомеріемъ смотрѣли на этотъ родъ войска и какбы считали обязанностью дѣлать разныя штуки пѣхотинцамъ. Въ это время дразнили ихъ фразой: «пѣхота, не пыли!» На смотрахъ, гдѣ сталкивались войска разнаго рода оружія, послѣ дождя, когда бывало кавалерійская колонна несется на рысяхъ мимо пѣхотнаго строя, брызжетъ грязью на бѣлые панталоны, и какой-нибудь отчаянный всадникъ произнесетъ эту фразу, — пѣхота выходитъ изъ себя и несмотря что во фронтѣ, осыпаетъ кавалеристовъ ругательствами. Кавалерійскій моншеръ важничалъ передъ пѣхотинцемъ, потомучто прекрасный полъ того времени бредилъ кавалеристами. Столкновенія съ пѣхотой у насъ были иногда чрезвычайно комичны, и я здѣсь кстати не могу не припомнить одного произшествія, которое нѣсколько обрисуетъ нравы и обычаи эпохи и вмѣстѣ покажетъ отношенія войскъ обоихъ родовъ оружія. Полкъ нашъ стоялъ въ поселеніи. На работы къ намъ приходила резервная пѣхотная дивизія. Для пѣхотныхъ батальоновъ устроены были особые бараки, и пѣшіе офицеры не только не смѣшивались съ нами, но рѣдко даже встрѣчались и не были знакомы. Изрѣдка развѣ любопытные смотрѣли ученье — мы у нихъ, они у насъ, причемъ наши обыкновенно надъ ними подсмѣивались. Даже кавалерійскіе солдаты подшучивали надъ пѣхотинцами.

Былъ у насъ изъ вольноопредѣляющихся одинъ юнкеръ М., добрый малый лѣтъ за двадцать-пять, но такой страшный картежникъ, что постоянно день и ночь металъ и понтировалъ. Иногда бывало продуется до нитки и сидитъ дома безъ рейтузъ, иногда навыйгрываетъ пропасть денегъ, вещей, экипажей, лошадей, серебра, — и тогда у него разливное море. Ъздилъ онъ какъ-то въ корпусную квартиру и возвратился оттуда въ прекрасной коляскѣ, навезъ вещей, золота и асигна-

цій. Разумѣется первымъ дѣломъ было созвать товарищей, задать пиръ, а потомъ пустить выигрышъ въ дѣло. Въ штабѣ находились многіе офицеры, всѣ юнкера, такъ что на пирушку собралось человѣкъ тридцать. Дѣло прсиходило лѣтомъ. М. въ пышномъ халатѣ и вышитой ермолкѣ, сидя у окна, курилъ изъ дорогого янтаря не простой жуковъ, а пятирублевый Р. А.,—табакъ, считавшійся верхомъ роскоши. Къ намъ только-что опредѣлился юнкеръ З., молоденькой мальчикъ, едва успѣвшій надѣть форму. Онъ подходилъ уже къ квартирѣ М., и увидя хозяина въ окнѣ, остановился съ нимъ разговаривать. Въ это время по какому-то случаю проѣзжалъ мимо командиръ резервнаго батальона. И теперь пѣхотинцы не мастера ѣздить верхомъ, но въ то время невозможно представить себѣ ничего комичнѣе пѣхотнаго ученья, на которомъ разѣзжали штабъ-офицеры и адъютанты, часто на упряжныхъ лошадяхъ, принимая самыя уморительныя позы. Господа эти при встрѣчѣ съ нами обыкновенно ѣхали шагомъ, потому что на этомъ аллюрѣ могли еще сохранить кавалерійскую посадку. Замѣтивъ кружокъ офицеровъ и юнкеровъ, пѣхотный майоръ подбоченился молодцомъ и даже подобралъ лошадь. Юнкеръ З., засмотрѣвшись ли на ѣздока, или по оплошности, не снялъ фуражку и майоръ, подѣхавши къ нему, началъ распекать молодого человѣка. Тогда М., обратясь къ З., закричалъ ему:

— Г. юнкеръ! извольте отправиться на гауптвахту, вы забываетесь! А васъ, г. майоръ, прошу извинить новичка: онъ плохо еще понимаетъ дисциплину.

Майоръ раскланялся и позабывъ осторожность, пустился рысью, причемъ потерялъ посадку, одно стремя и скрылся за лавки, болтая локтями. Мы едва удерживались отъ смѣха въ продолженіе всей этой сцены. На другой день полковникъ смотрѣлъ юнкерскую ѣзду въ манежѣ. Незнаю уже, зачѣмъ батальонному командиру нужно было видѣть нашего полковника,

онъ пріѣхалъ прямо въ манежъ и остался смотрѣть юнкеровъ по приглашенію послѣдняго. М. ѣздилъ первымъ номеромъ. Замѣтивъ пристальные взгляды майора, онъ по возможности старался отворачиваться и дѣлалъ страшныя гримасы, чтобъ не быть узнаннымъ. Майоръ, обратясь къ одному изъ пѣшихъ юнкеровъ, спросилъ фамилію перваго номера.

— Юнкеръ М., отвѣчалъ спрошенный и догадался прибавить: — у него есть братъ, который командуетъ эскадрономъ.

Майоръ удовольствовался отвѣтомъ.

Изъ моншеровъ бывали и картежники, но это случалось довольно рѣдко, потомучто картежникъ не имѣлъ времени жить «для тону», а моншеръ не могъ существовать иначе. Задавать тонъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, вочто бы то ни стало, даже въ ущербъ своему карману и репутаціи — моншеръ считалъ первой обязанностью, и продѣлывалъ «для тону» такія вещи, какія теперь не могутъ придти въ голову новѣйшимъ самодурамъ.

Въ то время Печоринъ казался недосыгаемымъ героемъ, — а это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, человѣкъ съ образованіемъ. Чѣмъ же могло казаться большинство армейскихъ офицеровъ, воспитывавшихся много-много что въ какомъ-нибудь пансіонѣ? Не говорю собственно о служакахъ, фронтовикахъ, которые, сроднившись съ формалистикой, рѣшили всю жизнь оставаться на службѣ — кто изъ желанія чего-нибудь добиться, кто сколотить копѣйку, а кто просто изъ любви къ искусству: эти служили понимая свои обязанности по-своему. Но молодежь, такъ называемые панычи, имѣвшіе состояніе, опредѣлявшіеся въ полкъ для мундира — тѣ рѣшительно въ полномъ смыслѣ слова убивали время. И я право не вижу, отчего моншеръ «для тону» убивалъ его неприличнѣе, нежели другой для кутежа и тому подобныхъ удовольствій, поглощавшихъ не только досуги, но и недосуги субальтернъ-офицеровъ.

Съ небольшимъ какихъ-нибудь десятка три лѣтъ, а какъ подумаешь, становится страшно даже при воспоминаніи о той безотрадно-глухой порѣ, въ которую провинціальная жизнь представляла какое-то безвыходное болото, втягивавшее въ себя молодыя силы. Въ то время, когда въ столицѣ люди начинали вырабатывать здоровыя понятія о жизни и пускать ихъ въ оборотъ, насколько было у нихъ возможности, провинція спала непробуднымъ сномъ, и лишь молодежь, разумѣется не вся, и то до окончанія курса, трудилась для науки и выказывала благородные стремленія. Но съ аттестатомъ въ рукахъ юноша поскорѣе записывался въ полкъ или въ канцелярію, спѣшилъ проникнуться убѣжденіями новой среды, незамѣтно и быстро втягивался въ рутину и послѣ самъ же смѣялся надъ своими прежними вѣрованіями и воззрѣніями.

Молодежь прозябала въ полномъ смыслѣ слова, и поэтому-то моншеры, при строгомъ взглядѣ на предметъ, не должны казаться аномаліей. Теперь молодой человѣкъ, прослуживъ немного въ полку и видя, что военная служба не его призваніе, дѣлается мирнымъ гражданиномъ и занимается сельскимъ хозяйствомъ, или становится торговцемъ, или пріобрѣтаетъ какія-нибудь спеціальныя познанія, и никто не ставитъ ему въ укоръ никакого честнаго занятія, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ мѣдныхъ лбовъ, которые были, есть и будутъ въ каждомъ обществѣ. Но въ то время — другое дѣло. Барышничать на примѣръ лошадьми и надувать что-называется отца родного — не считалось предосудительнымъ, но заняться торговлей — фи, какой срамъ! Впрочемъ на это все дворянство смотрѣло подобными глазами. Помѣщикъ, самъ копавшійся въ навозъ, пересчитывавшій тальки, собиравшій гнилыя яблоки и торговавшій всякой дрянью въ имѣніи, свысока третировалъ купечество и низачто не очутился бы за офиціальнымъ прилавкомъ. Предразсудки такъ еще были тверды въ то время,

что величайшимъ оскорбленіемъ считался «неровный бракъ», то-есть если супруги происходили не изъ одной и той же среды. Какой-нибудь молодой человѣкъ, увлекшійся страстью, женился на примѣръ на бѣдной гувернанткѣ. Мало того, что родители иногда лишали его за это наслѣдства и предавали проклятію, но и посторонніе кричали, что онъ «опозорилъ сѣдины отца», «бросилъ неизгладимое пятно на древнее имя», «поругался надъ законами приличія». Всѣ эти формы впрочемъ повторяются и до настоящаго времени въ извѣстномъ кругу общества, омертвѣвшемъ въ своемъ печальномъ застоѣ. Слой этотъ оградилъ себя прочною стѣною отъ всякаго соціального движенія впередъ и упорно продолжаетъ выполнять отжившія преданія, несмотря-что отовсюду жизнь двинулась къ лучшимъ стремленіямъ.

Великосвѣтскіе франты, будь они сорванцы, шелопуты, служили образцомъ «хорошаго тона» даже для людей, стоявшихъ неизмѣримо выше ихъ по развитію и образованію. Этотъ несчастный «хорошій тонъ» погубилъ не одну даровитую натуру, немогшую подняться выше уровня свѣтскости, окончательнаго тогдашняго мѣрила всѣхъ достоинствъ человѣческихъ. У насъ въ арміи, гдѣ все служили провинціалы, невидавшіе столицы, образцами для подражанія были отпускные гвардейцы, которые считали обязанностію задавать тону въ провинціи. Конечно теперь танцы потеряли много, хотя все еще ничуть не выводятся: въ благородномъ собраніи на примѣръ въ Петербургѣ нерѣдкость видѣть полькирующихъ и колѣноподобную лысину и почтенныя сѣдины; но въ эпоху, о которой рѣчь, танцы составляли во первыхъ единственное общественное развлеченіе, во вторыхъ служили средствомъ выказывать свои достоинства. Отличный мазуристъ или вальсеръ нерѣдко пользовались снисхожденіемъ начальства, и не одинъ офицеръ попадалъ въ адъютанты только за то, что не имѣлъ соперника

въ танцахъ. Теперь, если безъ танцевъ можно слыть порядочнымъ человѣкомъ и побѣждать женскія сердца, то прежде, въ провинціи, да еще офицеру, немисленно было считаться порядочнымъ, если онъ танцевалъ дурно. Не танцевать рѣшительно не допускалось.

Вслѣдствіе этого и моншеры, къ какому бы роду оружія ни принадлежали, непременно были записные танцоры и любили первенствовать на всѣхъ балахъ, тщеславясь своими хореографическими способностями. Нѣкоторые изъ нихъ посвящали цѣлые дни на изобрѣтеніе какой-нибудь замысловатой фигуры въ мазуркѣ, показавъ которую на балѣ, бывали довольны имени авторовъ, присутствующихъ въ театрѣ при первомъ представленіи своей пьесы. Танцоровъ преимущественно обожали барышни, и были примѣры, что хорошенькая и образованная дѣвушка влюблялась въ обыкновеннаго господина только потому, что онъ ловче другихъ танцевалъ и умѣлъ рисоваться по баламъ. Конечно и не изъ моншеровъ встрѣчались хорошіе танцоры и страстные любители этого искусства въ ту танцевальную эпоху, однако моншеры занимались этимъ исключительно и вездѣ получали пальму первенства. Въ какой бывало домъ ни пріѣдешь, гдѣ только есть дѣвицы и какое-нибудь фортепьяно, наконецъ разбитый органъ, тотчасъ затѣвались танцы въ четыре, даже въ двѣ пары и продолжались до разсвѣта, возобновляясь на другой день послѣ завтрака, и могли бы образовать *perpetuum mobile*, если бы пары могли не раставаться. Для влюбленнаго много прелести въ танцахъ, въ которыхъ дѣйствительно удобно и говорить, и показывать чувства, но истинные полотеры въ наше время не смотрѣли на это, а отхватывали до утра изъ любви къ искусству, собственно занятые процесомъ, и были такіе, извѣстные впрочемъ далеко въ околodкѣ, которыхъ хозяева наперерывъ приглашали на балы, потомучто эти неутомимые плясуны танцевали

сколько и съ кѣмъ угодно, лишь бы совѣсть оставалась чиста, что они не пропустили ни одного танца. Такому аматеру хозяйка могла смѣло предложить, не только для легкихъ танцевъ и кадрили, но и на мазурку, всѣ балльные обноски, всю калечь, ненаходившую добровольныхъ мучениковъ, а лишь та хозяйка казалась вполнѣ гостепріимной и популярной, у которой въ домѣ всѣ танцовали. У иныхъ помѣщиковъ обыкновенно послѣ ужина вытаскивались изъ-за картъ и толстяки и старцы, и тутъ-то примѣнялась гоголевская фраза: «пошла писать вся губернія!»

Моншеры знали всѣ балы за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ въ смежныхъ уѣздахъ и губерніяхъ, и будь пора ученій, караульная очередь или смотръ, — моншеръ летѣлъ на балъ пожинать лавры, еслибы за это долженъ былъ поплатиться долговременнымъ арестомъ или предложеніемъ начальства оставить полкъ.

Однимъ словомъ моншеры всегда и вездѣ были вѣрны себѣ, вѣрны своему принципу, и несоставляя отдѣльной, замкнутой касты, дѣйствовали единодушно для тону, жертвуя иногда и личной свободой, и служебной карьерой.

Штабъ — скаго уланскаго полка походилъ на прочія поселенныя деревни утомительнымъ однообразіемъ построекъ, одинаковостью крышъ, ставень, и только кое-гдѣ отличался пышными деревьями, которыхъ не успѣли вырубить начальники, заботившіеся объ истребленіи дорогихъ садовъ, воспитанныхъ нѣсколькими поколѣніями. На половинѣ длинной, тянувшейся въ нѣсколько верстъ улицы разбита была правильная площадь, посреди которой стояла церковь, а во кругъ съ двухъ сторонъ шли офицерскіе дома, совершенно одинаковой архитектуры, обнесенные выбѣленными заборами и обстроенные необходимыми службами, тоже стоявшими въ ранжиръ, словно на парадѣ. На

третьей во всю длину стоялъ гошпиталь съ недурнымъ садомъ, а на четвертой сторонѣ площади вытянулись небольшой гостиный дворъ, трактиръ и въ самомъ углу гаупвахта противъ квартиры полкового командира. У нѣкоторыхъ домиковъ, огороженныхъ палисадниками, росли кустарники и цвѣты, но общій видъ на эту площадь и на все село производилъ тяжелое, гнетущее впечатленіе. Въ извѣстные часы двигались по площади извѣстные люди, проходили смѣны часовыхъ, проводили лошадей на водопой, да подъ-вечеръ выходило гулять все чиновное населеніе. Въ довершеніе всего ни одна проѣзжая дорога не пролегала чрезъ поселеніе, и въ немъ никого не было видно кромѣ военныхъ. Одна только круглая шляпа, принадлежавшая откупному повѣренному, нарушала однообразіе форменныхъ фуражекъ, да статское платье носили нѣсколько лакеевъ у записныхъ франтовъ. Нѣкоторые джентльмены шили слугамъ партикулярное платье изъ шку, а другіе для того, чтобы на балахъ подтрунивать надъ статскими щеголями.

Въ одномъ изъ офицерскихъ домиковъ три окна на улицу были украшены кисейными занавѣсками и на нихъ стояло нѣсколько алебастровыхъ фигуръ, доставляемыхъ намъ итальянцами, которые разносятъ ихъ не только по столицамъ, но и въ провинціи. Это была квартира поручика Балабайкина, перваго франта въ полку и отъявленнаго моншера. Внутренность его помѣщенія такъ рѣзко не походила на помѣщенія прочихъ офицеровъ, что молва объ этомъ далеко разнеслась по окрестнымъ помѣщикамъ, и каждый изъ постороннихъ, кто по какому бы то ни было случаю попадалъ въ штабъ полка, считалъ обязанностью посѣтить Балабайкина и собственными глазами убѣдиться въ роскоши и изысканности мебели и комфорта. Собственно говоря ничего этого не было у франта-поручика, но принявъ во вниманіе, что прочіе офицеры жили

далеко не комфортабельно и рѣшительно не заботились объ убранствѣ квартирѣ, меблировка и разныя вещи Балабайкина могли казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ. Въ прихожей комнатѣ у него всегда торчалъ опрятно-одѣтый мальчикъ, «грумъ» на языкѣ офицерскомъ и «громъ», какъ называли его солдаты, въ будничные дни сывавшій шинели и вообще ничего недѣлавшій, но который по праздникамъ никого не пускалъ безъ предварительнаго доклада. Последнее заведено было Балабайкинымъ «для тону», что сперва оскорбляло товарищей, которые впрочемъ привыкли къ подобному порядку впоследствии. Изъ передней дверь вела въ гостинную, довольно большую комнату, гдѣ сносная мебель загромождала все пространство, такъ что пройти было некуда. На овальномъ столѣ передъ диваномъ стояла бронзовая лампа, а по угламъ этажерки съ разными незатѣйливыми бездѣлками. Полъ покрытъ былъ полинялымъ ковромъ; на стѣнахъ въ золоченыхъ рамкахъ висѣли плохія гравюры. На спинкахъ креселъ и стульевъ висѣли анти-макссары, а на диванѣ лежали три или четыре вышитыхъ подушки—сувениры знакомыхъ барышень, за которыми ухаживалъ неутомимый Балабайкинъ. Но что больше удивляло посѣтителей—это кабинетъ франта-поручика, то-есть большая длинная комната, которую ситцевая перегородка раздѣляла на двѣ неровныя части. Въ этой комнатѣ въ углу стояло тусклое трюмо, а противъ окна небольшой столъ съ высокимъ зеркаломъ, отъ верху котораго полосы кисеи спускались до самаго пола. Самый столъ покрывался такой же кисеей, и на немъ въ удивительномъ порядкѣ разложены и расставлены были различныя туалетныя принадлежности, даже въ нѣсколько экземплярахъ. Вдоль перегородки стоялъ низенькій диванъ, а передъ нимъ пальцы, служившія Балабайкину пріятнымъ развлеченіемъ въ минуты скуки, потомучто поручикъ буквально ничего не читалъ, во первыхъ по весьма пло-

хому знанію грамоты, воторыхъ — по отзывамъ львовъ ближайшаго губернскаго города, находившихъ, что чтеніе вообще и въ особенности порусски свойственно людямъ *mauvais genre* и прилично только учителяшкамъ и тому подобнымъ ничтожествамъ. Балабайкинъ преимущественно сидѣлъ въ кабинетѣ, а въ гостинную выходилъ когда собиралось довольно товарищей, которые впрочемъ неслишкомъ любили посѣщать его по причинѣ этикета, господствовавшаго у него въ квартирѣ. Однажды у Балабайкина подали чай въ чашкахъ, и когда офицеры, привыкшіе попивать этотъ напитокъ большими стаканами, начали протестовать, онъ объявилъ, что въ губернскомъ городѣ у аристократовъ нигдѣ не подаютъ иначе, и пить чай изъ стакана — просто *more*, словно въ трактирѣ, а онъ живетъ рѣшительно «для тону».

Владиміръ Аркадьичъ Балабайкинъ, сынъ достаточнаго помѣщика, до двѣнадцатилѣтняго возраста находился подъ надзоромъ гувернантокъ и гувернеровъ, бѣгло болталъ пофранцузски, понѣмецки, но положительно не учился ничему на томъ основаніи, что былъ единственный сынъ и страшный баловникъ матери. Отецъ его проводилъ весь вѣкъ на охотѣ, и всѣ заботы о воспитаніи сына возложилъ на жену, происходившую изъ старосвѣтскаго дома и вслѣдствіе этого питавшую къ наукамъ порядочное отвращеніе. Она разсуждала, что мальчику положимъ полезно еще говорить пофранцузски и понѣмецки, потому что въ свѣтѣ это принято и молодой человѣкъ безъ этого прослыветъ необразованнымъ; но учить *русскія книжки* или какую-нибудь *латынь* подобно семинаристу или гимназисту — по ея мнѣнію неприлично дворянину. Нѣкоторые сосѣди по благодушію убѣждали ее въ противномъ, однако добрая женщина твердо стояла на своемъ и такъ разбаловала Володю, что когда пришло время отдать его хоть года на два въ пансіонъ, для него мать переѣхала въ губернскій городъ. — Во-

лодя оказался безграмотнѣе семилѣтняго мальчика. Содержатель пансіона смѣкнулъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, нѣкоторые учителя тоже, поваръ Балабайкиныхъ былъ хорошъ, деревня близко — и Володя втеченіе двухлѣтняго пребыванія мало подвинулся впередъ на поприщѣ образованія. Тупость его и невѣжество доходили до того, что онъ служилъ единственнымъ примѣромъ воспитанника, который въ четырнадцать лѣтъ не умѣлъ отличать имени прилагательнаго отъ существительнаго. Писалъ онъ ужасно, читалъ едва не по складамъ, но акуратно получалъ похвальные листы за успѣхи и благонравіе. Плотный, рослый мальчуганъ, онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ, и кулакъ его сдѣлался грозою для насмѣшниковъ, имѣвшихъ частые поводы донекать ему по всѣмъ предметамъ, исключая однихъ танцевъ, въ которыхъ Володя былъ неподражаемъ и считался первымъ танцоромъ въ пансіонѣ. Всѣ трудныя, но употребительныя въ то время па Володя выдѣлывалъ искусно и отчетливо. На публичномъ экзаменѣ сама директорша нашла, что Балабайкинъ «душка», а на вечерахъ, гдѣ по недостатку военныхъ фигурировали гимназисты и пансіонеры, въ Володю серьезно влюбилась одна взрослая дѣвица. На вакаціяхъ Балабайкинъ, объѣвшись фруктовъ, заболѣлъ лихорадкой и не могъ пріѣхать въ срокъ для окончанія курса; потомъ осенью отецъ подарилъ ему верховую лошадь и началъ брать съ собою на охоту, потомъ это занятіе очень понравилось мальчику, и онъ остался дома до семнадцатилѣтняго возраста. Проѣзжіи ремонтеры взялся опредѣлить Володю въ полкъ, и дѣло было кончено. Отбывъ кое-какъ юнкерскую службу, изъ которой далась ему одна верховая ѣзда, Балабайкинъ былъ произведенъ въ корнеты, часто ѣздилъ въ губернскій городъ, отличался на балахъ, съ дочерью начальника дивизіи танцевалъ мазурки и сдѣлался записнымъ моншеромъ, усвоивъ себѣ кое-что отъ заѣзжихъ гвардейцевъ и отъ мѣстныхъ губернскихъ

львовъ, получившихъ названіе «gants jaunes», «genre frac», «incroyables», и т. п. На большихъ торжественныхъ балахъ губернскаго города эти джентльмены являлись въ чулкахъ и башмакахъ, что дѣлали и пріѣзжіе гвардейцы, а Балабайкинъ съ прискорбіемъ узналъ, что гвардейскіе уланы и при дворѣ появляются не иначе какъ въ сапогахъ, хотя все-таки на всякій случай заказалъ себѣ башмаки съ великолѣпными пряжками.

Балабайкинъ недурно говорилъ пофранцузки, имѣлъ порядочную коляску, четверню сѣрыхъ и потому принять былъ хорошо не только у помѣщиковъ, но и въ высшемъ свѣтѣ губернскаго города, лежавшаго недалеко отъ полка и приманивавшаго офицеровъ своими посильными развлеченіями — плохимъ театромъ, ресторанами, балами и проч. Начальство смотрѣло на Балабайкина какъ на безвреднаго офицера, который не дѣлалъ ничего предосудительнаго, и оказывало снисхожденіе, потому что онъ былъ ѣздокъ и имѣлъ отличную ординарческую лошадь. Если онъ не приносилъ пользы въ караулахъ и на ученьяхъ, то на смотрахъ всегда почти являлся на ординарцы и съ пріѣзжими генералами разговаривалъ понѣмецки, что очень нравилось послѣднимъ. Моншерство обнаруживалось въ немъ еще съ юнкерскаго чина, но какъ надобно было служить и подчиняться дисциплинѣ, то Балабайкинъ ограничивался какимъ-нибудь несоблюденіемъ формы на балахъ; вполне же въ моншера преобразился по производствѣ въ корнеты, когда онъ съ матерью съѣздилъ въ Москву и провелъ тамъ кажется три недѣли. Навезъ онъ оттуда разныхъ вещицъ, понабрался разныхъ привычекъ, тотчасъ же завелъ грума, о которомъ сказано было выше, и потомъ не измѣнялъ уже своимъ обыкновеніямъ. Постепенно въ полку онъ забиралъ въ свои руки законодательство моды и тона, такъ что самые порядочные офицеры, стоявшіе выше его по образованію, приходили къ нему справляться о примѣненіи того или другого приличія къ данному

случаю, и Балабайкинъ съ видомъ авторитета разрѣшалъ спорные вопросы по части причесокъ, французскихъ фразъ, поздравленій и тому подобныхъ мелочей, занимавшихъ и занимающихъ до сихъ поръ извѣстнаго рода человѣчество. Балабайкинъ держалъ себя прилично, въ карты не игралъ, вообще не дѣлалъ значительныхъ долговъ, не кутилъ, но постоянно разѣзжалъ по гостямъ и усердно поклонялся прекрасному полу. Съ товарищами онъ не водилъ особенной дружбы, хотя и не имѣлъ недоброжелателей; онъ держался какъ-то въ сторонѣ отъ офицеровъ — во первыхъ по чрезвычайной сухости натуры, а во вторыхъ оттого, что съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ понятіе о своемъ превосходствѣ и считалъ товарищей «мовешками», которые не въ состояніи были поддержать въ обществѣ хорошаго тона. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ стремились подражать ему, и къ этимъ онъ немного благоволилъ, потому что имѣлъ случай выказывать свои познанія въ дѣлѣ моды, но избраннымъ губернскимъ львамъ невыгодно отзывался о своихъ офицерахъ.

Балабайкинъ былъ большаго роста, красивъ собой, одѣвался щегольски, и не смотря на свою неразвитость, тупоуміе, слылъ у окрестныхъ барышень «интересномъ кавалеромъ», танцовать мазурку съ которымъ считалось особенной честью, такъ-что дѣвица, удостоиваемая этой чести, смотрѣла уже на прочихъ не-удостоенныхъ съ какимъ-то высокомеріемъ. Балабайкинъ влюблялся довольно часто и могъ бы составить партію, какъ говорится въ свѣтѣ, его даже ловили не въ одномъ домѣ; но на женитьбу онъ имѣлъ свои воззрѣнія и мечталъ или о какой-нибудь княжнѣ, или о московской купчихѣ, за которой дали бы большое приданое. Въ описываемую эпоху аристократы самой чистой крови пошатнулись уже въ своихъ принципахъ и словомъ *mésalliance* обозначали только союзъ съ дѣвушкой, стоявшей ниже по общественному положенію, которая не при-

носила значительнаго приданаго. Балабайкинъ не принадлежалъ къ *сливкамъ*, однако считалъ себя аристократомъ, и усвоивая понятія этого класса, волочился за хорошенькими безъ всякой матримоніальной цѣли, а тагъ, для удовлетворенія самолюбія. Раза два серьезно ухаживалъ онъ за богатыми и знатными дѣвицами, но какъ-то не умѣлъ возбудить симпатіи, потому ли, что дѣвицы эти считали его ниже себя, или можетъ-быть онъ встрѣчался съ образованными личностями, которыя, непрельщаясь наружностью, искали въ человѣкѣ чего-нибудь важнѣе красиваго лица и ловкихъ танцевъ. Конечно, подобныя дѣвицы въ то время попадались очень рѣдко, однако нельзя же сказать, чтобы ихъ не было безусловно.

Несмотря на видимое знаніе свѣтскости, на умѣнье рисоваться, манеры Балабайкина были не только не джельтменскія, а напротивъ въ нихъ замѣчалось что-то болѣе ухорское, и какъ онъ ни корчилъ гвардейскаго моншера, ему никогда не удавалось это подражаніе. Положимъ и петербургскій пустозвонъ могъ быть точно такой какъ Балабайкинъ, могъ даже танцовать хуже нашего поручика, но самыя глупости говорилъ какъ-то мягче, не такъ ломался, умѣлъ подлетѣть къ дамѣ и вообще могъ доказать, что ему нипочемъ паркетъ, тогда какъ иной армейскій моншеръ серьезно боялся паркета, какъ большой рѣдкости въ провинціи. Паркетъ можно было встрѣтить развѣ у очень богатаго помѣщика, да и то если послѣдній не принадлежалъ къ числу людей, которые придерживались старосвѣтскихъ обычаевъ; а до какой степени паркетъ не были знакомы большинству, можно видѣть изъ того, что многіе танцоры и танцорки натирали себѣ подошвы мѣломъ, изъ боязни упасть на балѣ, и если съ кѣмъ случалась подобная катастрофа, то это нисколько не конфузило, потому что на паркетѣ, между тѣмъ растянувшійся на обыкновенномъ полу подвергался насмѣшкамъ.

Въ полку, въ которомъ служилъ Балабайкинъ, было доволь-

но женатыхъ офицеровъ, и дамы жаловали красавца-поручика, такъ что если моншеръ не уѣзжалъ никуда въ окрестность, онъ не имѣлъ времени скучать и пріятно проводилъ свои дни и вечера. Большинство офицеровъ, не любившее «бабскую компанію», нисколько ему не завидовало, и только молоденькіе юнкера да три-четыре корнета посматривали на моншера съ завистью и называли его счастливецемъ. Балабайкинъ дѣйствительно имѣлъ успѣхъ у прекраснаго пола, иной разъ перебывая дорогу людямъ, гораздо его достойнѣйшимъ, но которые не обладали ловкостью красиваго невѣжды, имѣвшаго «умъ въ ногахъ», доставлявшихъ ему всю его громкую извѣстность. Къ нему заходили товарищи, преимущественно приговариваясь къ баламъ, иные прямодушно выпрашивать какихъ-нибудь новѣйшихъ обыкновеній, новыхъ фигуръ, а другіе — узнать обо всемъ этомъ исподтишка, не унижаясь до открытаго признанія моншерскаго авторитета. Балабайкинъ не замѣчалъ этого, и всѣмъ одинаково объяснялъ разныя нововведенія въ кодексъ модъ и приличій, особенно по возвращеніи изъ губернскаго города, гдѣ онъ постоянно посѣщалъ мѣстныхъ аристократовъ, дружилъ со львами и заботливо справлялся у единственнаго парикмахера о современномъ развитіи его искусства. Довольный подобнымъ посѣтителемъ, болтунъ-французъ выдумывалъ порой ужасную ерунду и всегда сбывалъ ему нѣсколько флаконовъ разныхъ разностей для укрѣпленія волосъ, для нѣжности кожи, для блеска усовъ и т. п. Немногіе свободные часы во время пребыванія на стоянкѣ, гдѣ онъ аккуратно дѣлалъ визиты, Балабайкинъ посвящалъ уборкѣ волосъ съ помощью небольшихъ щипцовъ и заботливой чисткѣ ногтей, а если оставался по какому-нибудь случаю дома, тогда садился за пальцы и порядочно вышивалъ по канвѣ гарусами. Последнимъ обстоятельствомъ Балабайкинъ рѣшительно покорялъ сердца чадолюбивыхъ маменекъ, которыя ставили его въ при-

мѣръ взрослымъ сыновьямъ и умиляясь представляли имъ восхитительное зрѣлище, какъ храбрый воинъ не предается кутежу, подобно буйнымъ товарищамъ, а отдыхъ отъ трудовъ находитъ въ мирныхъ занятіяхъ. Конечно, мирное это занятіе не находило подражателей, и матушкины сынки предпочитали свободное время коротать или въ оргіяхъ, или за карточнымъ столомъ, однако шитье по канвѣ все-таки оставалось лишнимъ хорошимъ качествомъ для Балабайкина. А ужъ его мать какъ радовалась этому направленію и всегда защищала его противъ отца, который, невидя въ немъ страсти къ псовой охотѣ, не показывалъ ему особенной нѣжности и въ шутку называлъ его «бабой», совѣтуя выучиться обращенію съ прялкой.

При всей своей пустотѣ Балабайкинъ очень хорошо усваивалъ новѣйшія приличія и владѣя порядочно разговорнымъ французскимъ языкомъ, довольно ловко подражалъ тогдашней модѣ мѣшать русскія фразы съ французскими, что заслужило ему особенное расположеніе эскадроннаго командира, который, самъ ничего незная, лѣзъ приступомъ въ моншеры, хотя и былъ службистомъ въ глазахъ самого требовательнаго начальства. Ротмистръ Переѣловъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, пріобрѣтая съ трудомъ познаніе въ російской грамотѣ, былъ записанъ въ полкъ однимъ благодѣтелемъ, и прилежаніемъ и строгимъ исполненіемъ обязанностей скоро достигъ офицерскаго чина. Онъ былъ не умнѣе Балабайкина, но не имѣя даже фальшиваго лоска, полученнаго послѣднимъ, не могъ играть ни малѣйшей роли въ женскомъ обществѣ, до котораго былъ большой охотникъ, и притомъ танцевалъ чрезвычайно плохо. Безъ всякихъ средствъ, живя однимъ жалованьемъ, Переѣловъ постоянно казнился мыслью, что онъ хуже другихъ, но помочь горю не видѣлъ никакой возможности. Судьба толкнула его въ образцовый полкъ, гдѣ получилъ онъ чинъ за отличіе, а по возвращеніи изъ Петербурга ему неожиданно достался

эскадронъ, представлявшій въ то время извѣстныя выгоды. Не успѣлъ Переѣловъ скопить сотни двѣ-три рублей, то-есть составить такъ называемую экономію, какъ у него возгорѣлась охота учиться пофранцузски и на фортепьяно. Еслибы онъ учился иностранному языку съ цѣлью расширить кругъ своихъ познаній знакомствомъ съ новой литературой, и еслибы принялся за музыку по призванію, объ этомъ слѣдовало бы отозваться только съ похвалою; но Переѣловъ и то и другое дѣлалъ собственно изъ моншерства, чтобы понравиться барышнямъ и прослыть у нихъ образованнымъ человѣкомъ. Въ штабѣ поселеннаго полка еще можно было найти какіе-нибудь средства научиться читать или болтать пофранцузски, но музыкальнаго учителя не было положительно, а Переѣлову хотѣлось играть ходъ какъ-нибудь вочто бы то нистало. По совѣту съ однимъ юнкеромъ, взявшимся давать ему уроки во французскомъ языкѣ, молодой ротмистръ рѣшился купить разбитое фортепьяно, объявленное въ продажу лекаремъ, который подалъ въ отставку; а какъ въ полку ни изъ офицеровъ, ни изъ юнкеровъ никто не зналъ музыки, капельмейстеръ же былъ одинъ на цѣлую дивизію и на зиму всѣ трубачи собирались въ дивизьонный штабъ, то, къ прискорбію Переѣлова, долго не могло начаться его музыкальное образованіе. Препятствія разжигаютъ желаніе, а Переѣлову, какъ говорится, приспичило играть на фортепьяно непременно по нотамъ, для чего и выписалъ онъ фортепьянную школу. Переиспытавъ безуспѣшно всѣ способы отыскать какого-нибудь музыканта, ротмистръ рѣшился на послѣднее средство. Однажды при утреннемъ рапортѣ онъ приказалъ вахмистру развѣдать подъ рукою, нѣтъ ли въ эскадронѣ такого солдата, который смыслилъ бы что нибудь въ музыкѣ. Послѣ обѣда вахмистръ пришелъ доложить, что въ третьемъ взводѣ есть карабинеръ Головки, отданный въ солдаты изъ дворовыхъ, который игралъ у помѣщика на

скрипкѣ и можетъ настраивать фортепьяны. Переѣловъ едва не подпрыгнулъ отъ радости и велѣлъ позвать драгоцѣннаго карабинера. Объ этомъ впрочемъ надо передать словами самого Переѣлова, какъ онъ рассказывалъ пріятелямъ, которые нарочно подбивали его на рассказъ занимательнаго событія.

«Входитъ Головка, дубина вершковъ десяти. Я его зналъ хорошо. Онъ былъ извѣстный пьяница, но славный ѣздокъ и исправный солдатъ, только любилъ, чтобъ его раза два въ мѣсяцъ выпороли. Недавно еще передъ тѣмъ я ему задалъ жаркую баню.

«— Ты умѣешь играть на фортепьянахъ? спрашиваю его.

«— Умѣю в. б—іе.

«— И ноты знаешь?

«— И ноты знаю.

«— Отчегоже ты не объявилъ? Тебя взяли бы въ трубачи.

«— Виновать, в. б—іе. Во фронтѣ получше, да признаться мнѣ и у барина надоѣло въ музыкантахъ.

«— А можешь ты, примѣромъ, обучать?

«— Смогу в. б—іе.

«— Еслибы я приказалъ обучать меня, можешь?

«— Не смѣю, в. б—іе.

«— Какъ не смѣешь!

«— Помилуйте, в. б—іе: наука извѣстно...

«— Да чего же, говорю, ты боишься?

«— Да какже, в. б—іе, учить эскадроннаго командира.

«— Я буду стараться.

«— Вы не выучитесь, в. б—іе. Примѣрно ученикъ долженъ бояться своего учителя.

«— Ну ты мнѣ хорошенько рассказывай.

«— Это не поможетъ, в. б—іе. Меня учили нѣмецъ Карло Карлычъ, и какъ ни рассказывали, бывало ничего въ толкъ не возьмешь, а если отдубасятъ по пальцамъ линейкой, или взявши за чубъ пригнуть къ клавишамъ, гдѣ и умѣнье возьметсѣ.

« — Такъ ты, бестія, говорю, хочешь и меня валять по пальцамъ?

« — Сохрани Богъ, в. б—іе.

« — А ты учи меня хорошенько, тебѣ же будетъ лучше.

« — Радъ стараться, в. б—іе.

« — Съ сегодняшняго дня, говорю, я тебѣ положу по рублю въ мѣсяцъ жалованья. Ну, садись-ка за фортепьяны и сыграй что-нибудь.

« Головка сѣлъ и какъ началъ бестія перебирать по клавишамъ, просто я удивился. Мы и начали уроки. Признаюсь, трудно мнѣ было понять ноты; я уже думалъ, что у меня нѣтъ никакихъ способностей и разъ даже, скрѣпя сердце, хотѣлъ приказать Головку отвалить меня по рукамъ линейкою, но подумалъ, что могу уронить свое достоинство. Полагалъ я было за каждый неудачный урокъ бранить учителя, но тоже рассудилъ, что это не поведетъ ни къ чему и изобрѣлъ новое средство. Знаете, дѣйствительно учителю трудно втолковать безъ угрозы, вотъ я и говорю Головку:

« — Всякій разъ когда я беру урокъ, мы позовемъ пуделя Валета—пусть лежитъ возлѣ. Чуть я что не такъ, ты и ругай его какъ самъ знаешь и даже можешь вытянуть хлыстомъ: ты сорвешь сердце, а я буду лучше стараться.

« Такъ мы и сдѣлали. Чтоже вы думаете? Ученье мое пошло гораздо успѣшнѣе. Только и помѣхи, если мой учитель запьетъ, а его послѣ этого выпорютъ хорошенько: дня два притворялся больнымъ. Послѣ этого онъ бываетъ очень золъ и лунить бѣднаго Валета за малѣйшую мою ошибку. Но послѣднѣе время Валетъ сталъ пропадать дня по два, такъ что мы съ учителемъ оставались въ затруднительномъ положеніи. »

Съ помощью карабинера Переѣловъ въ годъ умѣлъ бречать нѣсколько маршей и вальсовъ, а его знаніе французскаго языка простиралось до того, что онъ могъ уже, разумѣет-

ся очень плохо, балтать съ барышнями, и то больше предлагая вопросы, потому что отвѣчать могъ не всегда, съ трудомъ понимая особенно быстрыя фразы. Но во всякомъ случаѣ онъ достигъ цѣли: о немъ заговорили какъ о человѣкѣ образованномъ, который игралъ на фортепьяно и говорилъ по-французски.

Какъ ни простъ былъ Балабайкинъ, однако видѣлъ плохіе успѣхи своего эскадроннаго командира и понималъ, что не слѣдовало заявлять объ этомъ Переѣлову, а лучше хвалить въ глаза и такимъ образомъ пріобрѣтать расположеніе ближайшаго начальства. При встрѣчѣ гдѣ бы то ни было съ Переѣловымъ, Балабайкинъ начиналъ разговоръ по-французски, что очень льстило ротмистру, который предложилъ поручику быть на балахъ постояннымъ *vis-à-vis*, и повременамъ посылалъ ему четверти двѣ овса для упряжныхъ лошадей, въ знакъ признательности.

Былъ еще въ полку младшій лекаръ вродѣ моншера, большой охотникъ плясать и увиваться за барышнями, но этотъ при всемъ стремленіи къ джентльменству не могъ отрѣшиться отъ чарки и льнулъ душою преимущественно къ партіи, гдѣ козыряли отъ утра до утра, а на балы смотрѣли какъ на службу, требовавшую извѣстной формы и извѣстныхъ условій. Впрочемъ по понятіямъ Балабайкина, усвоеннымъ впоследствии и его эскадроннымъ командиромъ, лекаръ не могъ быть членомъ высшаго общества, на томъ основаніи, что получалъ деньги за трудъ. Такъ Балабайкину изъяснялъ одинъ губернский левъ, служившій для всего аристократическаго круга оракуломъ моды и утонченныхъ обычаевъ.

Въ окрестностяхъ полка, о которомъ рѣчь, всѣ помѣщики жили открыто и радушно принимали офицеровъ, какъ гостей,

помогавшихъ убивать время, и какъ жениховъ для многочисленныхъ невѣстъ, изобиловавшихъ въ окологкѣ. Кавалеристы въ дѣйствующихъ полкахъ не могли назваться охотниками до женатой жизни, но въ полкахъ поселенныхъ брачныя узы не казались обременительными, и поэтому обзаводились семьей. Многие офицеры даже изъ тѣхъ, которые жили однимъ жалованьемъ. Самый небогатый помѣщикъ, немогшій дать за дочь денегъ, всегда имѣлъ возможность посылать ей провизію, снабжалъ прислугою, и такимъ образомъ женатый офицеръ покрайней-мѣрѣ не терпѣлъ недостатка. У женатыхъ проживали обыкновенно свояченицы, и въ иномъ полку имѣлось постоянно значительное женское общество, вслѣдствіе чего завязывались будущія интимныя отношенія. Между офицерами и окрестными помѣщиками существовала тѣсная связь, такъ что окологкѣ на извѣстное пространство считалъ полкъ чѣмъ-то роднымъ, тѣмъ болѣе что сосѣдняя молодежь поступала въ него преимущественно. Если напримѣръ офицеры пикировались съ офицерами другого полка, то и барышни считали обязанностью становиться въ враждебныя отношенія къ сосѣднимъ. Нѣкоторыя изъ дѣвицъ отличались такою приверженностью къ своему полку, что ленты и отдѣлку платья носили по цвѣту киверовъ, и измѣнить подобную форму казалось имъ нарушеніемъ долга. Нерѣдко дѣвицы вступали между собою въ серьезный споръ о превосходствѣ того или другого полка не только относительно любезности и образованности офицеровъ, но просто даже о выѣздѣ лошадей, выправкѣ солдатъ, выказывая даже нѣсколько познаній въ службѣ.

При подобныхъ отношеніяхъ трудно представить себѣ, чтобы офицеры не заводили волокитствъ по окрестнымъ помѣщикамъ, и дѣйствительно половина, т. е. за исключеніемъ женатыхъ и кутилъ, увивалась за барышнями, которыя въ свою очередь восхищались—кто красотою, кто ловкими танцами, кто

щегольствомъ и тому подобными качествами, отличавшими въ то время молодца-офицера. Часть, разумѣется самая маленькая, волочилась съ матерьяльной цѣлью, другіе для препровожденія времени, третьи отъ нечего дѣлать, а четвертые для тону и вмѣстѣ для удовлетворенія самолюбія. Волочились и эскадронный командиръ, и молоденькій юнкеръ, и даже остзейскій нѣмецъ, который въ прочихъ случаяхъ ничего не дѣлалъ безъ намѣренія, а тутъ измѣнялъ нѣмецкому правилу и усердно вытанцовывалъ на балахъ и вечеринкахъ. Порой и нѣкоторые полковые командиры изъ холостыхъ пускались въ танцы, но тѣ уже съ болѣе опредѣленной цѣлью, предпочитая барынь, а на дѣвицъ обращали вниманіе только тогда, если послѣднія пользовались соблазнительнымъ титуломъ «богатой невѣсты».

Описываемый полкъ походилъ на прочіе полки своей дивизіи, имѣя только ту разницу, что окружонъ былъ имѣніями достаточныхъ помѣщиковъ. Мы уже видѣли, что первымъ щеголемъ въ немъ считался поручикъ Балабайкинъ, который круглый годъ разъѣзжалъ по баламъ, ухаживая за всѣми хорошенькими, отбивалъ возлюбленныхъ у товарищей, бѣсилъ всѣхъ статскихъ кавалеровъ и упивался своими побѣдами. По крайней-мѣрѣ, по его мнѣнію, онъ не имѣлъ соперниковъ, и лишь на балахъ въ губернскомъ городѣ смущали его иногда пріѣзжіе гвардейцы, передъ которыми онъ почти переставалъ рисоваться и думалъ только объ одномъ, — какъ бы не уронить своего достоинства. Переѣловъ, несмотря на чинъ ротмистра, на умѣнье болтнуть кое-что пофранцузски и пробарабанить на фортепьяно небольшую пьесу, отодвигался на второй планъ и втайнѣ завидовалъ поручику, который ухаживалъ за кѣмъ хотѣлъ и слылъ въ обществѣ образцомъ, любезности. Былъ еще одинъ офицеръ, штабсъ-ротмистръ Колѣнцовъ, котораго нельзя не причислить къ моншерамъ, во-

первыхъ потому, что онъ поминутно употреблялъ это слово, во-вторыхъ выдѣлывалъ иногда такія вещи, какія не снились самому Балабайкину. Онъ скорѣе принадлежалъ къ категоріи кутиль, не проявляя однакожъ ни цинизма, ни наклонностей къ буйству, а напротивъ охорашивался передъ барышнями и если не очень нализывался, пожалуй непрочъ былъ и приволонуться. Ему чрезвычайно понравилась фраза: «для тону», входившая какъ-то въ моду въ дивизіи между моншерами, и онъ сперва насмѣхался надъ послѣдними, потомъ началъ сблизаться съ ними и наконецъ взялъ себѣ за правило озадачивать ихъ самыми неожиданными выходками. Всегда прежде исправный офицеръ по службѣ, онъ сталъ удивлять выходками, свойственными развѣ молоденькому мальчику, и разумѣется подвергался взысканіямъ. Въ трезвомъ состояніи онъ еще мало обнаруживалъ оппозиціи, но чуть «убилъ муху» или «урѣзалъ», какъ говорилось, тогда ему хоть трава не расти, и Колѣнцовъ непремѣнно считалъ обязанностью надѣлать штукъ, которыя, несмотря на вредныя для самаго послѣдствія, разсмѣшили бы товарищей. Такъ его одинъ разъ обошли чиномъ поручика...

Разсказывая собственно о моншерахъ, я не касаюсь всего полка, въ которомъ были порядочные люди, хотя конечно не въ большомъ количествѣ, а обрисовываю только личности, имѣющія отношенія къ настоящей повѣсти. Конечно офицеровъ, зараженныхъ моншерствомъ, было нѣсколько, но они еще не успѣли достаточно сформироваться, чтобы вполне перейти въ эту категорію, какъ перешолъ сознательно Балабайкинъ и безсознательно ротмистръ Переѣловъ, странно умѣвшій сочетать педантизмъ служаки съ вертопрашествомъ патентованнаго моншера. По поводу послѣдняго между офицерами завязывались иногда жаркіе споры, куда отнести Переѣлова: къ служакамъ ли, потомучто дѣйствительно эскадронъ его былъ изъ поря-

дочныхъ , или къ « верхолизкамъ » , какъ назывались отъявленные поклонники прекраснаго пола ? Въ томъ же полку служилъ одинъ штабсъ-ротмистръ Вардаковъ , слывшій за очень умнаго и дѣльнаго человѣка , — покрайней-мѣрѣ такого мнѣнія о немъ были большинство товарищей и начальство. Офицеръ этотъ , безъ образованія , любилъ кое-что почитывать и не прочь былъ приводить иногда цитаты для подкрѣпленія своихъ аргументовъ. Но кажется не столько это способствовало его авторитету , сколько громкій и рѣзкій голосъ , которымъ онъ словно трубою заглушалъ возраженія своихъ противниковъ , вслѣдствіе чего постоянно оставался побѣдителемъ. Вардаковъ слѣдующимъ образомъ выражался о Переѣловѣ.

— Чортъ его знаетъ какъ и понимать этого человѣка ! На службѣ собаку съѣлъ , ѣздитъ отлично , уставъ знаетъ , не пропуститъ ни малѣйшей неисправности , — а заиграла музыка , мелькнула юбка — онъ уже растаялъ какъ самый молоденькій верхолизка. Первая попавшаяся дѣвченка будетъ водить его за носъ , и я самъ свидѣтель , какъ онъ ухаживалъ за тринадцатилѣтней дочкой помѣщика Тайтанова. Кто верхолизничаетъ , какъ на примѣръ Балабайкинъ , тотъ не смыслить ни аза въ глаза въ службѣ , а Переѣловъ и молодцомъ ведетъ эскадронъ , и пускаетъ слюнки передъ каждою юбкой.

Глазолизничать , верхолизничать и еще третьимъ глаголомъ обозначалось ухаживанье или волокитство безъ цѣли , а просто изъ любви къ искусству , въ чемъ упражнялись офицеры особенно съ тѣхъ поръ , какъ ухорство пошатнулось въ своемъ основаніи и уже перестало быть главнымъ мѣриломъ достоинства. Верхолизки служили разсадникомъ моншерства , которое опредѣлялось и облекалось въ замѣтныя формы послѣ значительнаго количества кадрили , отплясанныхъ на всевозможныхъ вечеринкахъ , начиная отъ поповской свадьбы до баловъ у такъ-называемыхъ аристократовъ.

Вардаковъ не принадлежалъ ни къ числу верхолизокъ, ни къ моншерамъ, ни даже къ партіи красносизыхъ носовъ, а представлялъ типъ тѣхъ самозванныхъ ораторовъ, которые, воображая себя мудрецами, а главное—обладая громкимъ голосомъ, существуютъ только для того, чтобъ защищать свое мнѣніе, какъ бы оно нибыло нелѣпо, и поставить на своемъ съ помощью неугомоннаго горла. Люди, подобные Вардакову, во всѣхъ слояхъ общества, кончаютъ тѣмъ, что пріобрѣтаютъ себѣ кругъ постоянныхъ слушателей и распоряжаются въ немъ деспотически, становясь непогрѣшимымъ авторитетомъ какъ для него, такъ и для новичковъ, недающихъ себѣ труда вникнуть въ предметъ спора. Нѣсколько офицеровъ поумнѣе, но миролюбиваго характера, хотя и давали Вардакову настоящую цѣну, однако не имѣли охоты пробовать съ нимъ силу горла и не вступали ни въ какія пренія, а остальные вѣровали въ него какъ въ оракула. Балабайкинъ и Переѣловъ просто его боялись, потому что Вардакову ничего не значило рассказать въ обществѣ какія нибудь смѣшныя ихъ продѣлки. Конечно здѣсь не было ничего непріязненнаго и Вардаковъ трубилъ не съ цѣлью обидѣть товарищей, но любилъ выводить на чистую воду волокитство моншеровъ, чтобъ посмѣяться, а больше показать свое сильное остроуміе. Напримѣръ о Балабайкинѣ, въ присутствіи послѣдняго и какой-нибудь изъ его возлюбленныхъ, онъ выражался громогласно:

— Нашъ Балабайкинъ хорошій ѣздокъ и добрый товарищъ, но такой отъявленный волокита, что готовъ ухаживать въ одно и тоже время за барышней и за горничной. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго случая.

И Вардаковъ рассказывалъ одну сцену изъ жизни Балабайкина, гдѣ моншера дѣйствительно барышня, за которой онъ ухаживалъ, застала въ пламенномъ объясненіи съ горничной.

Разумѣется Балабайкинъ не съ удовольствіемъ выслушивалъ

подобныя вещи и всѣми возможными способами старался задобрить горластаго штабсъ-ротмистра, который иногда съ особеннымъ рвеніемъ допекалъ моншеровъ, особенно если послѣдніе овладѣвали вниманіемъ прекраснаго пола, что впрочемъ случалось обыкновенно. Переѣлова доѣзжалъ онъ его музыкальными уроками, рассказывая какъ строгій карабинеръ училъ его нотамъ и какъ отдувался бѣдный Валетъ за ошибки своего барина. Положимъ, эти рассказы постоянно бывали одни и тѣже, однако тѣмъ неменѣе ихъ герои не всегда находили умѣстными приключенія изъ своей жизни, передаваемые во всеуслышаніе.

Фраза: «для тону» повторялась нѣсколькими офицерами и юнкерами, готовыми усвоить моншерскіе принципы, но собственно два человѣка примѣняли ее къ дѣйствительной жизни: Переѣловъ, жертвуя только матерьяльными средствами, да Балабайкинъ, который не останавливался ни передъ выговорами начальства, ни передъ арестомъ. Оба одѣвались франтами, съ тою только разницею, что ротмистръ позволялъ себѣ отступленіе отъ формы на балахъ, а поручикъ выѣзжалъ иногда и во фронтъ. О бальномъ его костюмѣ и говорить нечего: у него на примѣръ былъ колетъ съ бархатными отворотами, который онъ сдѣлалъ къ одному большому балу, за что и сидѣлъ цѣлую недѣлю на гаупвахтѣ.

Въ описываемомъ полку произошло довольно важное событіе. Полковой командиръ, добрый человѣкъ и большой хлѣбосоль, выходилъ въ отставку и готовился сдавать полкъ, — обстоятельство, представлявшее въ то время не мало затрудненій. Новый полковникъ, прибывшій изъ другого корпуса, смотрѣлъ какимъ-то нелюдимомъ и весь погрузился въ счеты, желая получить больше съ своего предмѣстника, и потому во всемъ полку закипѣла дѣятельная работа; непрерывно въ штабъ съѣзжались эскадронные командиры на совѣщаніе, а штабные ни минуты не имѣли покоя, исполняя приказаніе то стараго, то но-

ваго полкового командира. Когда наконецъ дѣло удалось съ помощью начальника дивизіи, все общество рѣшилось дать прощальный балъ прежнему командиру, впервыхъ для заявленія единодушной любви къ нему, вовторыхъ для показанія новому, что подчиненные умѣютъ цѣнить заслуги начальства. Подписная сумма была живо собрана, назначены распорядители, а Вардаковъ, Переѣловъ и Балабайкинъ поѣхали приглашать помѣщиковъ по окрестности. Балъ вышелъ на славу. Веселились до упаду. Балабайкинъ рѣшительно пожиналъ лавры: всѣ хорошенькія дѣвицы оказывали ему особенное расположеніе, такъ что Вардаковъ разсердился и обѣщалъ оборвать моншера при удобномъ случаѣ. На проводы полкового командира собрались рѣшительно всѣ офицеры, даже тѣ, къ кому не весьма благоволилъ онъ, и только недоставало одного штабсъ-ротмистра Колѣнцова. Никто не зналъ причины, потому что Колѣнцовъ подписалъ больше многихъ, всѣ видѣли его передъ вечеромъ здрава и невредима, и хотъ онъ пожалуй могъ закусить, однако трудно было предположить, чтобы ему подобная штука пришла въ голову. Генералъ послалъ освѣдомиться; Колѣнцовъ передалъ, что не можетъ пріѣхать по случаю нездоровья. А дѣло было въ томъ, что послѣ какой-то распекаціи Колѣнцовъ далъ товарищамъ честное слово не говорить съ полковникомъ иначе какъ по службѣ.

Балъ заключился шумнымъ ужиномъ, послѣ котораго уѣхали дамы, а офицеры остались пировать до разсвѣта. Тамъ же было рѣшено проводить стараго полкового командира верхомъ до горы, лежавшей верстахъ въ трехъ отъ селенія. Дѣйствительно на другой день возлѣ экипажа прежняго начальника скакали офицеры, юнкера и подѣзжали справа и слѣва разговаривать съ генераломъ и съ генеральшей. Когда въ сопровожденіи шумной свиты карета взѣхала на гору и всѣ остановились, чтобы еще разъ попрощаться, одинъ юнкеръ закричалъ,

что кто-то несется во всѣ лопатки изъ штаба. Всѣ оборотились и узнали Колѣнцова, который летѣлъ какъ изъ лука стрѣла на своемъ Коршунѣ. Очевидно онъ спѣшилъ попрощаться съ старикомъ, и послѣдній былъ тронутъ. Колѣнцовъ однакоже разыгралъ никѣмъ неожиданную сцену. Пріѣхалъ онъ на попонгѣ съ бутылкой шампанскаго въ рукѣ и поклонился генералу. Не успѣлъ послѣдній опомниться, какъ онъ, выхватилъ саблю, отбилъ горлышко, осушилъ бутылку, поклонился вновь, поворотилъ направо-кругомъ и пустился назадъ въ карьеръ въ одно мгновеніе ока. Когда товарищи догнали его, онъ объяснилъ, что обѣщавъ не говорить съ старикомъ, онъ сдержалъ слово, но попрощаться пріѣхалъ изъ желанья показать, чло позабылъ его несправедливость.

— Лихо, моншеръ, для тону! сказалъ Балабайкинъ. — Вотъ это я люблю.

Колѣнцовъ, посмотрѣвъ на него, покачалъ головою.

— Для тону, да для тону! А что вы дѣлаете для тону? Пугнете какого-нибудь штафирку, или надѣнете лорнетъ на ученье!

— А чтоже прикажешь дѣлать, моншеръ?

— Пронесемъ маршъ-маршъ мимо квартиры полкового командира! отозвался молоденькій корнетъ.

— И будетъ глупо, замѣтилъ Колѣнцовъ. — Нѣтъ, давай, Балабайкинъ, съ тобою на пари: отмочимъ какую-нибудь штуку для тону.

— Изволь. Я напрімѣръ проѣду съ дамскимъ зонтикомъ по улицѣ.

— Чертъ знаетъ какая дичь! Господа, кто держитъ дюжину шампанскаго: я на своемъ Коршунѣ проскачу взадъ и впередъ по гошпитальному коридору.

— Ай да молодецъ! раздались голоса.

Всѣ подъѣхали, и Вардаковъ началъ утверждать, что Колѣнцовъ этого не сдѣлаетъ.

— Ну, когда не сдѣлаю, дюжина за мною, а проскачу, — ты угощаешь всѣхъ.

— *Cela bon*, чертъ побери, для тону! сказалъ Переѣловъ съ нѣкоторою завистью, что ему не пришла подобная штука въ голову, и съ грустью, что еслибы и пришла, то ему нельзя было бы исполнить ее въ качествѣ эскадроннаго командира.

Колѣнцовъ подбочился и поѣхалъ крупной рысью къ селенью, послѣдуемый всѣми товарищами, изъ которыхъ старики разсуждали, что блажить малый и нарочно проигрываетъ шампанское. Всѣ однако спѣшили за удалымъ штабсъ-ротмистромъ, направлявшимся прямо къ гошпитальнымъ воротамъ. У входа обыкновенно стоялъ часовой, который, увидя толпу прискакавшихъ офицеровъ, сталъ въ порядокъ, вытянулся и сдѣлалъ «саблю впередъ» для отданія должной почести. Онъ даже не обратилъ вниманія, что взлетѣвъ на лошади на крыльцо, Колѣнцовъ вскочилъ въ коридоръ и къ величайшему изумленію больныхъ и здоровыхъ поскакалъ на другой конецъ по гладко-вымощенному полу. Черезъ минуту онъ возвратился назадъ съ торжествующей улыбкой.

— Молодецъ! Для тону! Лихо! Браво! раздались голоса.

Но по гошпиталю распространилась тревога. Дежурный офицеръ смѣялся, хватаясь за бока, но лекаръ долженъ былъ послать къ старшему доктору. Смотритель прибѣжалъ въ испугѣ, больные переполошились и произошелъ необыкновенный скандалъ. Вардаковъ поставилъ дюжину, но Колѣнцову она обошлась очень дорого, потому что онъ долженъ былъ перемостить полъ, на которомъ оставались глубокіе слѣды отъ подковъ, да келейно обязанъ былъ удовлетворить кого слѣдовало, чтобъ избѣжать формальнаго дѣла. Полковой командиръ по этому случаю ѣздилъ къ начальнику штаба, и Колѣнцовъ просидѣлъ мѣсяцъ на гаупвахтѣ.

Въ губернскомъ городѣ готовился цѣлый рядъ баловъ по какому-то случаю, и какъ въ провинціи балы удаются только тогда, когда много военныхъ кавалеровъ, то въ описываемый полкъ прислали десятка полтора билетовъ и кромѣ того нѣсколько именныхъ, въ числѣ которыхъ разумѣется и Балабайкину. Полкъ зашевелился, потому что предстоявшіе балы выходили изъ ряда обыкновенныхъ и требовали какъ формы и костюма съ иглочки, такъ и больше времени, потому что должны были продолжиться почти цѣлую недѣлю. Хотя послѣ кампашента продолжительная отлучка не представляла затрудненій, однакоже надо было кому выпроситься, кому достать денегъ, кому переѣзжиться караульною очередью и т. п. Балабайкинъ, какъ истый моншеръ, о подобныхъ пустякахъ не заботился: дня за три до перваго бала онъ уѣхалъ, взялъ въ долгъ новенькую форму и принялся за обычный образъ жизни, разъѣзжая по мѣстнымъ аристократамъ съ визитами въ своей коляскѣ съ грумомъ на запяткахъ.

Остановился онъ въ Петербургской гостинницѣ, преимущественно-посѣщаемой военными, гдѣ буфетчики, номерные, дворники не только знали всѣ полковыя различія, но и всѣхъ почти офицеровъ и ихъ біографіи. Ближніе помѣщики, особенно семейные, никогда уже тамъ не останавливались, во первыхъ во избѣжаніе какого-нибудь происшествія, во вторыхъ—по отсутствію спокойствія, потому что вокругъ въ номерахъ происходили вещи, пояснять которыя считаю излишнимъ. Балабайкинъ занялъ большой номеръ, съ цѣлью помѣстить въ немъ Переѣлова, и размѣстивъ удобно всѣ свои принадлежности, приготовился провести пріятно цѣлую недѣлю.

Наканунъ бала, когда уже гостинница биткомъ была набита пріѣзжими офицерами, передъ вечеромъ какой-то проѣзжій чиновникъ занялъ послѣдній маленькій номеръ по сосѣдству съ Балабайкинымъ. Проѣзжій этотъ, слыша вокругъ пѣсни, шумъ,

позвалъ было номерного и просилъ о возстановленіи тишины, но получилъ отвѣтъ, что здѣсь стоятъ «офицера» и что у нихъ такая уже поведенція. Удовольствовался ли проѣзжій отвѣтомъ, разсудилъ ли, что надо подчиниться обстоятельствамъ, и потребовавъ себѣ ужинать, легъ спать, обѣщая выѣхать на разсвѣтъ.

Часу въ одиннадцатомъ вечера Балабайкинъ возвратился изъ театра и отказавшись отъ картежи, ходилъ по своему номеру, обдумывая новую фигуру для мазурки, которою ему хотѣлось блеснуть на балѣ и пустить пыль въ глаза одному изъ губернскихъ львовъ, славившемуся въ этомъ отношеніи. Притомъ же Балабайкинъ былъ немного встревоженъ: въ театрѣ онъ видѣлъ двухъ или трехъ гвардейцевъ, на которыхъ обращены были всѣ бинокли мѣстныхъ «сливокъ» — обстоятельство, всегда отравлявшее самыя лучшія радости нашего моншера.

Вдругъ въ коридорѣ произошелъ шумъ и раздался особенный звукъ.

— Я вамъ докладывалъ, ваше благородіе, что всѣ номера заняты.

— Я знать ничего не хочу, понимаешь ли ты, моншеръ? возразилъ кто-то спокойно. — Я привыкъ здѣсь останавливаться и иначе не могу.

— Я же чѣмъ виновать!

— Какъ, моншеръ! Развѣ ты не знаешь, что меня пригласилъ генераль-губернаторъ? Ну, извини за обиду: полуимперьялъ за мной. Только номеръ мнѣ непременно.

— Боже мой, чтоже мнѣ дѣлать? Последній номеръ занялъ недавно проѣзжій.

— А кто онъ?

— Какой-то штатскій.

— Штатскій! И ты, болванъ-моншеръ, не могъ мнѣ сказать! Въ которомъ онъ номерѣ?

— Въ семнадцатомъ, ваше благородіе.

Балабайкинъ отворилъ дверь и увидѣлъ красиваго гусарскаго офицера, который съ хлыстомъ въ рукѣ подошелъ къ сосѣднему номеру и постучался.

— Кто тамъ? раздался изнутри голосъ проѣзжаго.

— Послушай, моншеръ штатскій: уступи мнѣ свой номеръ.

— Что это такое?

— Я иначе не могу!

Высокій унтеръ-офицеръ появился въ коридорѣ. Но многія двери уже отворились, и офицеры повысовывали головы. Балабайкинъ выскочилъ изъ номера.

— У меня большая квартира, сказалъ онъ, обращаясь къ гусару: — неудобно ли пока помѣститься со мною? Оставьте проѣзжаго въ покоѣ.

— Благодарю, моншеръ.

— Эй, Пантюшка! ступай помоги вносить вещи, сказалъ Балабайкинъ своему жокею.

Жокей бросился исполнять приказаніе, а гусаръ вошелъ въ номеръ къ Балабайкину.

— Имѣю честь рекомендоваться: корнетъ Самограевъ.

— Поручикъ Балабайкинъ.

— Вы на балъ

— Даже на три.

— Лихо! Я пріѣхалъ верстъ за триста для тону. Хочу ближе познакомиться съ здѣшнимъ обществомъ. Я только бывалъ здѣсь проѣздомъ и всегда останавливался въ этой гостиницѣ, потомучто она военная.

— Пожалуста, моншеръ, будьте какъ дома. Вы на почтовыхъ?

— На курьерскихъ, моншеръ, я иначе не могу.

— И прекрасно. У меня своя коляска къ вашимъ услугамъ.

— А нельзя ли достать карету для тону?

— Въ самомъ дѣлѣ недурно. Мы завтра разузнаемъ.

— Надо правду сказать, моншеръ, ваши уланы не умѣютъ жить для тону.

Балабайкинъ сперва хотѣлъ было обидѣться, но подумалъ, что дѣйствительно истинный джентльменъ ѣдетъ на балъ въ каретѣ, и отвѣчалъ:

— Да у насъ это не принято.

— То-то не принято? Значить мовѣ.

Въ это время нѣсколько офицеровъ вошли къ Балабайкину познакомиться съ прїѣзжимъ гусаромъ, а поручикъ Сазинъ объявилъ, что у нихъ идетъ стосикъ для препровожденія времени.

— Я въ карты не играю, сказалъ Самограевъ и занялся чисткою ногтей небольшимъ опилкомъ.

— Отчего же? спросилъ Сазинъ. — Это такое интересное занятіе. Вѣрно у васъ въ полку играютъ?

— И очень; но у меня есть болѣе серьезныя занятія.

— Нѣтъ, господа, сказалъ Балабайкинъ: — ступайте себѣ играть, а Самограеву нужно отдохнуть съ дороги, приготовиться къ балу.

— А напрасно, замѣтилъ Сазинъ: — мы съ братомъ сегодня мечемъ неудачно: рублей двѣсти уже проиграли.

Самограевъ оказался ремонтеромъ-дилетантомъ, рыскавшимъ безъ всякой цѣли. Ему видимо понравился Балабайкинъ, и оба моншера по уходѣ лишнихъ завели интимный разговоръ, въ которомъ однакоже и тотъ и другой вдавались поминутно въ хлестаковщину. Кликнувъ своего слугу, завитаго франта, подъ названіемъ Санкюлота, Самограевъ скинулъ дорожную форму, облекся въ шолковый халатъ съ кистями, надѣлъ ермолку, приказалъ разложить на столѣ туалетныя принадлежности и закурилъ трубку изъ дорогого чубака съ янтаремъ, разлегшись на трактирномъ диванѣ. Нежелая ударить лицомъ въ грязь передъ гусаромъ, Балабайкинъ тоже нарядился въ щегольской халатъ и закурилъ богатую трубку.

— Не поужинать ли намъ, моншеръ? обратился онъ къ своему гостю.

— Пожалуй, только я думаю здѣсь мове.

— А не лучше ли одѣться и съѣздить въ Hôtel du Nord?

— Не хочется выходить изъ халата. Мы потребуемъ сюда карту, и я распоряжусь какъ слѣдуетъ. Моншеръ! обратился онъ къ жокею: — сходи принеси карту и кстати подай сюда буфетчика.

Черезъ нѣсколько минутъ молоденькій помощникъ буфетчика явился съ почтительнымъ поклономъ и подалъ карточку ужина.

— Фи, какая мерзость! отозвался Самограевъ. — Здѣсь ничего ѣсть нельзя порядочному человѣку. Я не понимаю какъ уланы это терпятъ. Помилуй, моншеръ: котлеты съ горошкомъ, мозги, жаркое гусь! Начто это похоже? Позволь, Балабайкинъ, я распоряжуся ужиномъ.

— Сдѣлай милость, моншеръ, будь какъ дома.

— Буфетчикъ, послушай: подать намъ паштетъ изъ дичи, жаркое куропатки и хорошее мороженое.

— Пашкету вовсе не имѣется, куропатки вышли, а мороженое приготовимъ-съ.

— Знать ничего не хочу, потомучто я иначе не могу, гу, гу! Понимаешь? Я не привыкъ ужинать посвински. Я плачу вдвое, только желаю поужинать хорошенько для тону.

— Какъ же пашкетъ...

— Можешь послать въ Hôtel du Nord.

— Это нельзя, ваше благородіе.

— Не разсуждать! Я заказалъ ужинъ. Маршъ! И помни, что корнетъ Самограевъ иначе не можетъ.

Растерянный буфетчикъ вышелъ. Балабайкинъ безмолвно удивлялся новому пріятелю, и у него уже вертѣлась мысль перейти въ гусары, гдѣ по всему служили люди лучшаго тона. Самограевъ послалъ приказаніе подогрѣть къ ужину бутылку

лафиту и заморозить бутылку шампанскаго, и въ ожиданіи наговорилъ Балабайкину съ три короба о своей стоянкѣ и о своихъ офицерахъ. Балабайкинъ съ своей стороны описывалъ быть поселеннаго полка и окрестныхъ помѣщиковъ, но у него не доставало духу прихвастнуть порядкомъ, потомучто Самограевъ безъ церемоніи дѣлалъ свои замѣчанія о видѣнныхъ имъ поселенныхъ офицерахъ и рѣшилъ, что между ними трудно встрѣтить истинный тонъ, такъ-сказать *genre fracas*, который изъ всей кавалеріи возможенъ только въ гусарахъ и то въ полкахъ извѣстныхъ.

— Я по всему вижу, что ты, моншеръ составляешь исключеніе, заключилъ Самограевъ, — и потому мнѣ пріятно сойтись дружески съ тобою.

Балабайкинъ молча протянулъ руку гусару, и на лицѣ его просіяла радость.

— Благодарю тебя, моншеръ; теперь я могу откровенно признаться, что думаю перейти или въ гвардію, или въ гусары.

— Зачѣмъ въ гвардію! Я своего полка не промѣняю ни на какой гвардейскій. Впервыхъ тамъ строгости въ службѣ, вовторыхъ, чтобъ жить весело, надо имѣть огромное состояніе.

— У насъ очень скучно.

— Еще бы, моншеръ, закупориться въ поселеніи! Духъ не тотъ. Положимъ и въ нашихъ полкахъ большая часть офицеровъ мове, — зато отчаянные сорвиголовы.

— Кутить-то мастера и наши.

— Какіе у васъ кутежи! Я видѣлъ, моншеръ, вашихъ ремонтеровъ: просто срамъ, дрожатъ надъ каждой копѣйкой.

— Народъ все небогатый.

— Стало-быть дрянъ, моншеръ! Они положимъ хорошіе люди, но у нихъ за душой нѣтъ ни гроша.

Въ подобныхъ разговорахъ моншеры дождались наконецъ ужина, который былъ принесенъ самимъ буфетчикомъ.

— Я тобой очень доволенъ, сказалъ ему Самограевъ. — Помни, что если чего требуетъ гусаръ, слово «нельзя» должно быть вычеркнуто изъ твоего лексикона. Понимаешь?

— Понимаю, в. б—іе.

— Ступай! Полуимперьяль за мной!

Братья Сазины оба являлись приглашать Самограева на стосикъ и божились, что имъ не везетъ ужасно, однако Самограевъ отказалъ на-отрѣзъ и прибавилъ, что играетъ въ карты въ одномъ только случаѣ: если неудастся интересное волокитство.

Послѣ ужина Самограевъ потребовалъ номерного.

— Послушай, моншеръ, сказалъ онъ ему: — когда проснется штатскій, скажи, чтобъ зашолъ ко мнѣ передъ отъѣздомъ. Скажи молъ полковникъ Самограевъ требуетъ.

— Слушаю, в. б—іе.

— Онъ долженъ извиниться передо мной, потомучто я иначе не могу. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, пошолъ. Полуимперьяль за мной.

— Это уже будетъ другой.

— Какъ!...

— Одинъ обѣщали, когда изволили ударить меня по уху. Самограевъ на ночь намазалъ лицо какой-то помадой и предложилъ тоже сдѣлать Балабайкину, который непременно воспользоваться дружескимъ совѣтомъ.

Самограевъ, личность исключительная даже между моншерами, былъ очень неглупъ и порядочно образованъ, но что-называется напустилъ на себя ультра-моншерство и сперва дурчился въ тѣсномъ кружкѣ, а потомъ это вошло у него въ привычку, и онъ хоть и признавалъ смѣшное въ иныхъ своихъ

выходкахъ , однако зашолъ уже такъ далеко , что не имѣлъ силы отрѣшиться отъ принятой роли. Самограевъ дѣлалъ все «для тону» , но главной черты его шалостей невозможно передать перомъ , потомучто оно заключалось въ интонаціи и манерахъ , съ которыми произносилъ онъ свои фразы. Такъ иногда приходила ему фантазія повторять по нѣскольку разъ окончаніе каждаго слова. «Я иначе не могу, гу, гу;» «мнѣ это нравится, авится» ; «я тебѣ говорю, рю, рю» и т. п. Всѣ эти выходки смѣшили товарищей , изъ которыхъ иные пускались тотчасъ же въ подражаніе, но дурачество Самограева выходило у нихъ чрезвычайно нелѣпо. Каждую офицерскую шалость того времени Самограевъ передѣлывалъ на свой ладъ «для тону» и былъ неистощимо разнообразенъ въ своихъ выходкахъ , доставившихъ ему извѣстность даже между начальствомъ. На смотрахъ порой строгій генералъ , невзирая на свою серьезную мину , часто недовольный исполненіемъ того или другого маневра, при встрѣчѣ съ Самограевымъ не всегда могъ удержаться отъ смѣха. Въ одномъ уѣздномъ городкѣ западныхъ губерній , гдѣ стоялъ полкъ ихъ , въ ненастное время почва превращалась въ невылазную грязь , такъ что перебраться черезъ улицу невозможно было иначе какъ верхомъ и другого средства не представлялось попасть изъ квартиры въ квартиру. Евреи тотчасъ изобрѣли способъ передвиженія : за ничтожную плату они перевозили желающихъ на спинѣ , и многіе гусары такимъ образомъ совершали даже довольно продолжительныя путешествія. Наконецъ евреи , изъ желанія имѣть большую практику, придѣлывали себѣ на спину нѣчто вродѣ сѣделъ съ веревочными стременами. Разумѣется молодежь не упускала случая пошалить , хотя это возмутительно теперь , но въ то время нѣкоторые шпорили евреевъ , строили иногда въ шеренгу, заставляли ихъ идти въ галопъ, однимъ словомъ находили въ этомъ шумное развлеченіе. Са-

мограевъ для тону выбралъ себѣ отличнаго еврея; но вскорѣ моншеру это надоѣло, потомучто стало дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Во время хорошей погоды онъ втайнѣ отъ товарищей устроилъ себѣ богатый паланкинъ съ занавѣсками, заключилъ контрактъ съ четырьмя дюжими евреями и послѣ перваго дождя, когда молодежь выѣхала по улицамъ на двуногихъ буцефалахъ, Самограевъ показался въ своемъ красивомъ паланкинѣ въ великолѣпномъ халатѣ, въ ермолкѣ и съ завѣтнымъ янтаремъ, пуская клубы дыма. Зрѣлище было такъ ново и интересно, что самъ полковой командиръ долго смотрѣлъ на него изъ оконъ и только замѣтилъ Самограеву, чтобъ онъ ѣздилъ въ сертукѣ, во избѣжаніе скандала. Долго тѣшился моншеръ для тону, пока кто-то другой не сдѣлалъ паланкина, а послѣ этого тотчасъ же торжественно сжогъ свои носилки и ѣздилъ уже просто верхомъ на евреяхъ. Анекдотовъ о Самограевѣ ходило множество, но были между ними и такіе, которые переходили за границу всякаго вѣроятія и дѣлали изъ него сказочнаго героя. Иногда ему самому случалось выслушивать рассказы, переиначенные стоустою молвою, что его чрезвычайно утѣшало, и моншерство наконецъ поглотило всѣ его помысленія. Сознавая иной разъ самъ нелѣпость какого-нибудь своего поступка, Самограевъ немогъ однакожь удержаться. Сначала при первомъ знакомствѣ онъ велъ себя какъ слѣдуетъ и только спустя нѣкоторое время позволялъ себѣ разныя выходки; но послѣ прямо начиналъ своей ролью и не выходилъ изъ нея, потѣшая почтеннѣйшую публику. Дошло наконецъ до того, что если Самограевъ говорилъ порядочно, не ломался, не употреблялъ своихъ выраженій съ извѣстными пріемами, на него смотрѣли какъ на человѣка въ ненормальномъ положеніи и каждое серьезное слово считали шуткой.

Надобно сказать, что тогда въ кругу помѣщиковъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ, при многочисленныхъ сѣздахъ,

мужчины по утрамъ долго сидѣли по своимъ комнатамъ, собираясь чаще гдѣ-нибудь въ просторной квартирѣ, и кромѣ записныхъ картежниковъ, по суткамъ продолжавшихъ игру, всѣ занимались болтовней и выходками специалистовъ по части штукъ съ какимъ-нибудь бѣднякомъ или идіотомъ, служившимъ обыкновенно игрищемъ сосѣдей. Но гдѣ появлялся Самограевъ, тамъ слушали только его одного, и онъ иногда вралъ такую ахинею, что помѣщики надрывались со смѣху, тѣмъ болѣе, если онъ избиралъ для своихъ нападеній какую-нибудь не безотвѣтную личность. Самограевъ такъ уже самъ привыкъ къ своей роли, что нерѣдко дома съ человѣкомъ разговаривалъ извѣстной манерой, описывая большимъ пальцемъ впереди себя кругъ по усвоенному издавна обычаю.

Имѣя хорошее состояніе, Самограевъ никогда не стѣснялся относительно исполненія своихъ прихотей, и если даже во фронтъ выѣзжалъ не всегда въ строгой формѣ, то можно себѣ представить его бальные костюмы, особенно гдѣ-нибудь въ захолустьяхъ, куда по его соображенію не могло заглянуть высшее начальство. У него былъ доломанъ съ толстыми шнурами, между которыми блестѣли крупныя стразовыя пуговицы. Несмотря на уничтоженіе у армейскихъ гусаръ чикчировъ и ботфортъ, Самограевъ носилъ чикчиры буквально всѣ вышитыя золотомъ, ботфорты же заказалъ чисто фантастическіе, какихъ вѣроятно не создавало ни одно воображеніе: переды изъ лакированной кожи, каблуки окованы серебромъ съ золотыми шпорами, голенища бархатныя съ небольшими шолковыми отворотами, на которыхъ болтались кисточки изъ серебряной канители. Въ то время у армейскихъ гусаръ оставались еще вице-мундиры и Самограевъ являлся на балы не иначе какъ въ вице-мундирѣ, въ чулкахъ, башмакахъ и при шпагѣ, разумѣется гдѣ-нибудь по ярманкамъ. Временные коменданты уже и не привязывались къ Самограеву, потомучто онъ въ сущности былъ добрый ма-

лый. Притомъ Самограевъ и ему подобные моншеры имѣли привычку ссылаться на новые приказы, въ силу которыхъ они будтобы надѣвали ту или другую форму.

Проснувшись довольно поздно, моншеры усѣлись въ халатахъ за чай и покуривая трубки толковали о предстоявшемъ вечерѣ. Балабайкинъ, довольно впрочемъ несмѣло, заявилъ опасеніе относительно нѣсколькихъ гвардейцевъ.

— Кавалеристы или пѣхота? спросилъ Самограевъ.

— Кажется все пижосы.

— Да хоть бы и кавалеристы, моншеръ, — не обращать на нихъ вниманія, и дѣло съ концомъ!

— Положимъ такъ, да наши дамы очень падки на гвардейцевъ.

— Надобно, моншеръ, показать себя и заставить этихъ франтихъ отдать намъ полную справедливость.

— Притомъ же у насъ въ полку мало тонёровъ, и всего человекъ пять говоритъ пофранцузски, да и то съ грѣхомъ пополамъ.

— Я видѣлъ разъ здѣшнее общество: оно очень бонтоно.

— Какъ ты получилъ приглашеніе къ генералъ-губернатору?

— Я, моншеръ, не получалъ никакого приглашенія, а пріѣхалъ просто для тону.

— И къ губернскому предводителю?

— Тоже самое. Помилуй, моншеръ, они должны за честь считать мое посѣщеніе.

Балабайкинъ уставилъ глаза на собесѣдника: ему казалось, что гусаръ шолъ прямо вопреки приличій. Самограевъ должно-быть понялъ это и улыбнулся.

— У насъ такъ погусарски, моншеръ, сказалъ онъ: — и если ты незнакомъ съ дамами, я тебя представлю какъ моего пріятеля.

— Я знакомъ съ первыми аристократическими семействами.

— Радуюсь твоей радости. Меня только смущает одно....
Сказать откровенно?

— Напримѣръ?

— Я хотѣлъ ѣхать въ чулкахъ и башмакахъ при шпагѣ...
Но эти гвардейцы!.. Впрочемъ истинный дженльтменъ не дол-
женъ робѣть ни въ какомъ случаѣ. Эй, Санкюлотъ!

Явился камердинеръ.

— Подать мнѣ лучшаго портного!

— Здѣсь лучший военный портной Пырѣевъ вѣроятно зава-
ленъ работой, да онъ и не поѣдетъ, замѣтилъ Балабайкинъ.

— Вотъ вздоръ. Поѣзжай, Санкюлотъ, къ этому Пырѣеву,
скажи молъ гусарскій корнетъ Самограевъ требуетъ, и при-
бавь для тону, что платить безъ торгу. Маршъ!

Въ это время вошли къ Балабайкину нѣсколько товарищей
и въ томъ числѣ Вардаковъ, который, потребовавъ трубку и
чаю, улегся на широкомъ креслѣ. Самограевъ посмотрѣлъ на
него какъ-то непріязненно, тѣмъ болѣе что Вардаковъ явился
въ засаленомъ халатѣ, немытый и съ необыкновенно нахаль-
ной фizioноміей.

— Ну что, Балабашка, сказалъ горластый штабсъ-рот-
мистръ:—приготовляешься плѣнять, побѣждать? А?

— Имѣю уже на три кадрили и на мазурку.

— А мазурку съ кѣмъ, позвольте спросить?

— Съ Тетеркиной.

— Вишь верхолизка!

— А что, моншеръ, эта Тетеркина порядочная? спросилъ
Самограевъ.

— Образованная и милая дѣвица, отвѣчалъ Балабайкинъ.

— Только очень уже задираетъ носъ, такъ что и проучить
немѣшало бы, замѣтилъ Вардаковъ.

— Можетъ-быть просто дѣвица хорошаго тона? сказалъ
Самограевъ.

— Что значить хорошій тонъ! закричалъ Вардаковъ. — На балѣ всѣ кавалеры равны, а она перебираетъ. Я сдѣлаю ей исторію — вотъ и все.

— Тотько не тогда какъ будетъ танцовать со мною, молвилъ спокойно Балабайкинъ.

— А еслибы и тогда?

— Значить надо имѣть исторію со мной.

— Полноте, господа! вмѣшала толстой поручикъ: — гдѣ еще балъ, какъ еще будетъ вести себя Тетеркина, а вы уже готовы поссориться!

— Да чтожъ это такое въ самомъ дѣлѣ! горячился Вардаковъ. — Она мнѣ никогда не даетъ слова на мазурку. Что я не франтъ, не болтаю пофранцузски, не умѣю верхолизничать...

Но въ эту минуту вслѣдъ за Санкюлотомъ вошелъ въ номеръ высокій малый.

— Вотъ портной, сказалъ камердинеръ.

— Ты моншеръ, самъ хозяинъ? спросилъ Самограевъ.

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе, — подмастерье. Нашъ хозяинъ очень занятъ.

— Все равно. Возьми мои новые варшавскіе рейтузы и къ вечеру сдѣлать мнѣ по этой мѣркѣ черные, съ золотыми лампасами, только чтобъ сидѣли какъ вылитые.

— Слушаю. Будутъ готовы. А какого это полка?

— Шампанскаго гусарскаго.

Подмастерье улыбнулся.

— Такого полка не слыхали.

— Много будешь знать, моншеръ, скоро состарѣешься. Но не въ томъ дѣло. Хороши выйдутъ рейтузы, поспѣютъ вовремя, — получишь полуимперьялъ на водку; испортишь, — не заплачу денегъ. Маршъ!

Подмастерье улыбнулся.

Балабайкину очень непріятно было присутствіе товарищей,

которые повидимому стѣсняли Самограева, но выжить ихъ онъ не могъ придумать средства, тѣмъ болѣе что Вардаковъ укоренился въ креслѣ, готовясь произнести какой-нибудь спичъ по поводу Тетеркиной, дѣвы довольно зрѣлой, но за которой, какъ носилась молва, давали сто тысячъ приданого. Вардаковъ давно уже мѣтилъ на нее, но какъ онъ былъ дурень собой и неуклюжъ, то Тетеркина тяготилась даже видѣть его въ числѣ своихъ поклонниковъ.

Между тѣмъ подошли еще офицеры и составилось шумное совѣщаніе относительно костюма: иные полагали не отступать ни на волосъ отъ формы, но нѣкоторые рѣшались явиться въ бальныхъ эполетахъ, съ бальными сабелями и волосы завить по послѣдней модѣ. Кто-то отозвался, что страшный начальникъ штаба заболѣлъ, и вслѣдствіе этого можно было позволить себѣ маленькую вольность въ костюмѣ. Самограевъ молчалъ и только улыбался, потомучто онъ еще ниразу въ жизни не одѣвался какъ прочіе, и ему было странно слушать, что этому придавали такую важность кавалерійскіе офицеры. Соскучивъ однакоже въ этомъ обществѣ, онъ предложилъ Балабайкину потолкаться по магазинамъ съ цѣлью встрѣтить гдѣ-нибудь хорошенькихъ.

— Нѣтъ ужъ лучше, моншеръ, сказалъ Балабайкинъ, — ты одѣнься какъ слѣдуетъ: я лучше познакомлю тебя съ однимъ домомъ, а оттуда пройдемъ къ здѣшнимъ львамъ, съ которыми немѣшаетъ сойтись.

— Штатскіе?

— Да служатъ, или лучше-сказать считаются при генералъ-губернаторѣ. Это, моншеръ, не простые штафирки, а *genre fracas*.

— Ну пожалуй, только прежде къ барышнямъ, потомучто я давно не волочился.

— Поѣхалъ бы и я съ вами, отозвался Вардаковъ, — да

вы, какъ вижу, оба порядочные бонжуры. А что, ребятёжь, обратился онъ къ прочимъ офицерамъ, — не пойдёмъ ли ужарить на белендрясъ?

Всѣ изъявили согласіе и ушли въ бильярдную, а моншеры занялись туалетомъ и въ коляскѣ Балабайкина поѣхали съ визитами.

Балабайкинъ представилъ Самограева въ двухъ аристократическихъ домахъ какъ своего лучшаго пріятеля, и всѣ дамы нашли гусара очень интереснымъ, который дѣйствительно былъ красивый, неглупый малый и на первое знакомство не чудилъ, не ломался, недурно говорилъ пофранцузски и велъ себя очень прилично. Мѣстные львы тоже нашли въ Самограевѣ всѣ условія истиннаго джентльмена, и какъ они оба жили вмѣстѣ и были дружны съ Балабайкинымъ, то обѣщали достать гусару приглашеніе на прочіе балы.

Моншеры обѣдали за общимъ столомъ, гдѣ Самограевъ погусарски угостилъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ шампанскимъ, такъ что самъ Вардаковъ нашолъ его добрымъ малымъ. Но цѣль Самограева была не удовлетвореніе самолюбія, не выпивка для тону, а пріобрѣтеніе себѣ поддержки на случай исторіи съ гвардейцами, о которыхъ онъ за обѣдомъ и пустилъ въ ходъ мысль, что они-де обыкновенно смѣются надъ армейцами при каждомъ удобномъ случаѣ. Подгулявшая компанія уланъ единодушно объявила, что на балѣ у генераль-губернатора должны хозяйничать мѣстные кавалеры, а не какіе-нибудь чужіе шаркуны.

Къ концу обѣда пріѣхалъ Переѣловъ и съ первыхъ же минутъ не только полюбилъ Самограева, но предался ему душою и послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго предложилъ гусару быть на ты и танцовать съ нимъ постоянно *vis-à-vis*. Но въ послѣднемъ предупредилъ его Балабайкинъ, что чуть не привело Переѣлова въ отчаяніе.

Передъ баломъ всѣ легли уснуть для подкрѣпленія силъ, а когда Самограевъ проснулся, портной давно уже ожидалъ его съ новыми рейтузами. Получивъ деньги за работу, подмастерье счелъ ихъ и переминался съ ноги на ногу.

— Я тобой очень доволенъ, сказалъ ему гусаръ.

— В. б—іе изволили обѣщать на водку.

— Ты уже получилъ, моншеръ, полтинникъ.

— Помнится, вы посулили полуимперьялъ...

— Это говорится, моншеръ, для тону.

Къ десяти часамъ всѣ офицеры длинной вереницей потянулись къ дому генералъ-губернатора.

Пышность въ то время начинала уже входить въ провинціи въ обыкновеніе, особенно въ описываемомъ городѣ она сдѣлалась необходимостью извѣстнаго круга, и балъ у иного мѣстнаго аристократа нерѣдко поглощалъ полугодовой доходъ его. Съ пріѣздомъ генералъ-губернатора, пышнаго вельможи, изнѣженнаго гастронома, роскошь начала доходить до ужасающихъ размѣровъ, такъ что нѣкоторые члены губернскихъ «сливокъ» мигомъ вошли въ неоплатные долги изъ желанія не отстать отъ другихъ, и веселость закипѣла въ городѣ. Разорительнѣе всего въ этомъ случаѣ были дамскіе туалеты и великолѣпные ужины, такъ что принадлежности для первыхъ выписывались изъ Петербурга и даже изъ Парижа, а для вторыхъ нанимались въ столицѣ повара за баснословную цѣну. Строй тогдашняго провинціального общества сохранился до нынѣ, и главной преобладающей чертой его было слѣпое подражаніе обычаямъ каждаго новаго начальника. Казалось бы иному частному и вполнѣ независимому человѣку не предстояло никакой надобности обезьянничать и перемѣнять свои привычки; но такова уже закваска высшаго провинціального обще-

ства, что недѣлимая, его составляющія, изъ всѣхъ силъ стремятся за временнымъ свѣтиломъ и дѣлаются неотступными его спутниками. Генераль-губернаторъ любилъ поѣсть—и всѣ мѣстные аристократы спѣшили задавать обѣды, а какъ въ провинціи трудно имѣть подъ рукою необходимые припасы, то нерѣдко живые осетры или какіе-нибудь рѣдкіе плоды привозились за сотни верстъ на курьерскихъ. Генераль-губернаторъ любилъ хорошихъ лошадей — и мѣстные аристократы заводили орловскихъ рысаковъ, закладывали имѣнія, женины брильянты, чтобъ только не ударить въ грязь лицомъ и не отставать отъ прочихъ. Однимъ словомъ все высшее общество только и думало какъ бы угодить вельможѣ и быть въ числѣ избранныхъ, то-есть кого приглашаютъ не только на парадные балы, но и на домашніе вечера, въ близкій кружокъ, куда разумѣется попадали весьма немногіе. Генераль-губернаторъ былъ человѣкъ умный и образованный, но слишкомъ гордый, чтобы допускать сближеніе съ униженными губернскими тузами, разбогатѣвшими—кто посредствомъ взятокъ, кто откупами: съ другой стороны, любя общество, онъ не хотѣлъ быть одинъ и потому окружилъ себя весьма небольшимъ кружкомъ изъ тѣхъ, кого нашелъ порядочнѣе. На маленькихъ вечерахъ онъ и жена его знали всѣхъ гостей, но на большихъ официальныхъ балахъ, на которые приглашалось полгорода, хозяева считали обязанностью только раскланиваться привѣтливо и разсыпать мимоходомъ самыя любезныя фразы.

Въ девять часовъ подъѣздъ генераль-губернаторскаго дома былъ освѣщенъ великолѣпно, и къ нему непрерывно подъѣзжали разнообразныя экипажи отъ щегольской вѣнской кареты до дрянныхъ извозчичьихъ дрожекъ, привозя гостей, изъ которыхъ иные взбѣгали на лѣстницу просто какъ домой, а другіе съ трепетомъ сердца и дрожаніемъ поджилковъ. Дамы, короткознакомыя съ хозяевами, презрительно оглядывали дамъ,

являвшихся два раза въ годъ ; лъвы въ бѣлыхъ галстукахъ съ сожалѣніемъ смотрѣли на джентльменовъ , одѣтыхъ не въ шикарное платье, и даже ливрейное лакейство фамиллярно кивало головою тѣмъ, кто былъ вхожъ къ генералъ-губернатору, а незнакомымъ гостямъ оказывало свое холопское высокомеріе. Дежурные адъютантъ и чиновникъ встрѣчали дамъ въ передней и проводили въ залу, гдѣ волновалась значительная толпа, а на хорахъ играла музыка.

По провинціальному обычаю дамы стояли и сидѣли особо , а мужчины особо ; изрѣдка только адъютантъ или мѣстный левъ рѣшались нарушить это обыкновеніе , да пріѣзжіе гвардейцы, бойко скользя по паркету, ходили съ двумя сестрами, считавшимися самыми гордыми и недоступными дѣвицами. Моншеры наши, въ томъ числѣ и Переѣловъ, пріѣхали въ то время, когда хозяйка приказала играть вальсъ, которымъ начинали уже открывать балы вмѣсто полонеза.

Балабайкинъ, какъ человѣкъ, танцовавшій раза два-три съ генералъ-губернаторшей , смѣло подошелъ къ ней и раскланявшись представилъ ей своего эскадроннаго командира Переѣлова и искренняго друга Самограева. Послѣдній, проговоривъ нѣсколько французскихъ фразъ , видимо понравился хозяйкѣ , которая очень любезно приняла заѣзжаго гусара. Тутъ же стояла ея наперсница, довольно полинялая, но еще интересная барыня , и генералъ-губернаторша передала ей Самограева.

— Возьми , *ma chère*, сказала она , — пріѣзжаго на свою отвѣтственность. Уланы — наши всегдашніе гости, они здѣшніе, а гусаръ не имѣетъ никого знакомыхъ. Вы конечно танцуете? спросила она Самограева.

— Непремѣнно, какъ истинный гусаръ, замѣтилъ Балабайкинъ , которому было досадно , что его не удостоили самой простой фразы.

Самограевъ самодовольно осмотрѣлся и отставилъ впередъ

одну ногу, любуясь новенькимъ блестящимъ лампасомъ. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ, почти неотступавшемъ отъ формы, только вмѣсто суконнаго съ бархатнымъ воротникомъ, на которомъ положена была не простая цыфровка, а фантастическое шитье, разбросанное прихотливыми арабесками. На шею намоталъ онъ длинную золотую цѣпочку отъ лорнета, изъ-подъ вицъ-мундира болталось множество привѣшенныхъ къ часамъ брелочковъ. Но главное украшеніе Самограева составляла шляпа съ султаномъ, которыя впрочемъ были уже отмѣнены у фронтовыхъ офицеровъ, а носились еще подъ шумокъ, особенно моншерами. Султанъ у него былъ дѣйствительно необыкновенный: такое изобиліе перьевъ и такихъ длинныхъ трудно себѣ представить, и Самограевъ нарочно держалъ шляпу лѣвою рукою такъ, чтобъ всѣмъ въ глаза бросался вѣликолѣпный султанъ, дѣланный ему на заказъ въ Варшавѣ за какую-то баснословную цѣну.

— Я еще незнакомъ съ его превосходительствомъ, сказалъ Самограевъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — и былъ бы счастливъ, еслибъ могъ быть представленъ очаровательнѣйшею изъ дамъ.

Это было проговорено съ такой миной, что будь даже генераль-губернаторша не такъ хороша собою, она не могла бы не принять на свой счетъ. Она немного сконфузилась, но ее выручила наперсница.

— Очаровательная изъ женщинъ видите какъ занята — сказала она — непрерывно прибывающими гостями, а если позволите, васъ представить генералу обыкновенная смертная. Моншеръ поклонился.

— Я никогда не назвалъ бы васъ простой смертной: вы такъ любезны, у васъ столько изящнаго вкуса, такая жантильность, просто *première qualité à la Pompadour*.

Хозяйка и ея наперсница разсмѣялась.

— Надо правду сказать, замѣтила послѣдняя, — что эти гуса-

ры незамѣнимы. Пойдемте, *mon protégé*, я представлю васъ генералу. Васъ, *monsieur* Балабайкинъ, нечего рекомендовать.

Балабайкинъ брызнулъ шпорами.

— Я имѣю счастье быть знакомымъ и только представлю ротмистра Переѣлова.

— Смотрите однакоже, господа, въ кабинетѣ сидитъ гроза всѣхъ военныхъ — начальникъ штаба Зворскій.

При этомъ извѣстїи Балабайкинъ смѣшался немного, потому что хотя онъ и не посмѣлъ надѣть неформеннаго платья, однако особенный заказной этишкетъ свой развѣсилъ точь-вточь эксельбантъ, полагая навѣрное не встрѣтитъ начальника штаба. Но раздумывать было некогда, и онъ съ Переѣловымъ отправился вслѣдъ за баронессой, которая вела Самограева.

Въ кабинетѣ сидѣло нѣсколько военныхъ и статскихъ генераловъ, которые переливали изъ пустого въ порожнее. Генераль-губернаторъ привсталъ при входѣ офицеровъ. Баронесса отъ имени супруги отрекомендовала ему Самограева, а Балабайкинъ представилъ Переѣлова. Хозяинъ, принявъ ихъ очень любезно и поговоривъ нѣсколько минутъ съ гусаромъ пофранцузски, просилъ молодыхъ людей быть безъ церемонїи и танцовать какъ можно побольше. Зворскій давно уже пристально разсматривалъ всѣ отступленія отъ формы у офицеровъ и не могъ вытерпѣть.

— Вы какого полка? спросилъ онъ, обращаясь къ Самограеву.

— *** гусарскаго.

— Вѣроятно вышла недавно новая форма?

— Недавно, отвѣчалъ моншеръ.

— Удивляюсь какъ я пропустилъ приказъ. А шляпа съ султаномъ?

— Мы донашиваемъ, ваше пр—во.

— Такъ. А у васъ, поручикъ Балабайкинъ, тоже вышли новые этишкеты?

— Знаете что, генераль, замѣтилъ хозяинъ:—я желалъ бы видѣть всѣхъ своихъ гостей веселыми и довольными. Пойдемте лучше составимъ партію, а молодежь пусть танцуетъ.

— Я только такъ, в. п—во, сказалъ начальникъ штаба.

Раскланявшись, моншеръ поспѣшилъ выдти въ залу.

Самограевъ предложилъ руку баронессѣ и послѣдуемый Балабайкинымъ съ его эскадроннымъ командиромъ, торжественно шолъ по направленію къ хозяйкѣ, возлѣ которой въ граціозной позѣ стояли два пѣхотныхъ гвардейца, завитые и раздушонные. Балабайкинъ и Переѣловъ тотчасъ же присмирѣли при видѣ петербургскихъ героевъ, но Самограевъ почувствовалъ противоположное стремленіе, гордо выпрямился и распустилъ до полу косицы своего султана. Ловко-составленной французской фразой обратился онъ къ хозяйкѣ съ просьбой осчастливить его какой-нибудь кадрилию.

— Очень жалѣю, отвѣчала генераль-губернаторша,—а должна отказать вамъ, потомучто послѣднія двѣ кадрили отдала гг. гвардейцамъ; но если хотите, могу танцовать съ вами мазурку.

— Почту за счастіе, сказалъ Самограевъ и посмотрѣлъ на гвардейцевъ съ видомъ, что-де не одни вы имѣете право на вниманіе.

Балабайкинъ съ Переѣловымъ только переглянулись. Первый однакоже сдѣлалъ шагъ впередъ къ хозяйкѣ дома и сказалъ пофранцузски:

— Покрайней-мѣрѣ на балѣ у губернскаго предводителя позвольте надѣяться на кадрили?

— Охотно.

Моншеръ отошелъ охорашиваясь, а Переѣловъ хотѣлъ было и себѣ пригласить важную даму, но оробѣлъ и не могъ проговорить ни слова. Между тѣмъ много гостей уже вальсировало, а во кругъ танцующихъ образовалась густая стѣна зрителей.

Не считаемъ необходимымъ описывать этотъ балъ, похожій на всевозможные балы, да это и небыло у насъ въ предположеніи, но представимъ читателю нѣсколько эпизодовъ, поясняющихъ дѣйствующихъ лица нашего разсказа.

Въ одной изъ гостинныхъ комнатъ, убранныхъ съ большимъ вкусомъ и роскошью, на мягкомъ диванѣ, прислонясь уютно въ уголъ, сидѣла баронесса, возлѣ ней дѣвица Тетеркина, а подальше одна молоденькая дама, ушедшая отъ быстрыхъ танцевъ и рѣшившаяся отдохнуть передъ долговременной мазуркой. Вокругъ на креслахъ и стульяхъ въ болѣе или менѣе живописныхъ позахъ помѣщались Самограевъ, Переѣловъ, Балабайкинъ, мѣстный левъ князь Калгаяровъ и одинъ изъ гвардейцевъ, затянутый въ блестящій мундиръ и обутый въ щегольскіе лакированные полусапожки. Баронесса, фамилію которой рѣдко кто зналъ, извѣстная всѣмъ подъ именемъ Генріеты Карловны, была барыня среднихъ лѣтъ, но во первыхъ она очень хорошо сохранилась, во вторыхъ тогда Бальзакъ пустилъ въ ходъ поклоненіе немолодымъ женщинамъ, убѣдивъ львовъ, что сорокъ лѣтъ для женщины — вѣкъ истинной красоты, и только доживъ до этого почтеннаго возраста красавица достигаетъ своего апогея. Генріета Карловна не достигла еще магической цифры, но обладала тайной освѣженія прелестей и проживая у генералъ-губернаторши въ качествѣ пріятельницы, служила предметомъ всеобщаго вниманія. Полная, бѣлая, съ высокоразвитою грудью, при умѣньи одѣваться къ лицу, Генріета Карловна была не дурна собою, и обладая способностью переливать изъ пустого въ порожнее, она пользовалась репутаціею умной и острой собеседницы, каламбуры которой повторялись въ высшемъ обществѣ.

Дѣвица Тетеркина — кумиръ холостяковъ, худошавая дѣвица далеко за дватцать за пять, съ большими черными глазами, съ маленькой ножкой — не такъ еще давно заблестала на горизонтѣ губернскаго свѣта. До двадцати двухъ лѣтъ ее ни-

кто не зналъ, потомучто она была дочь какого-то неважнаго чиновника, и появлялась лишь на вечерахъ купческаго собранія, гдѣ танцовали съ ней знакомые студенты и канцелярскіе, но нетолько безъ цѣли сдѣлать ей предложеніе, а даже не удостоивали мимолетнымъ волокитствомъ. Вдругъ какъ-то неожиданно досталось ей большое наслѣдство, и съ тѣхъ поръ Тетеркина, попавъ въ высшій свѣтъ, сдѣлалась предметомъ постоянного поклоненія. Воспитанная на сентиментальныхъ романахъ, на жизнь смотрѣла она съ особенной точки зрѣнія и влюбившись въ осьмнадцать лѣтъ въ одного красавца-студента, который постоянно насмѣхался надъ нею, долго не могла позабыть своего идола. Когда неожиданное богатство, закруживъ ей голову, сперва перестало уже для нея казаться сновидѣніемъ, когда она узнала настоящую ему цѣну, идолъ ея давно уже былъ женатъ и мало-помалу началъ изглаживаться изъ ея памяти. Желаніе выйти замужъ снова овладѣло Тетеркиной, но богатая наслѣдница рѣшилась отдать свою руку только по самой страстной любви, и вслѣдствіе этого она была разборчива. Здѣсь не шли въ расчетъ пожилые совѣтники и полковники, но самую молодежь держала она очень строго, и если иной изъ ея поклонниковъ, для краснаго словца, выражался какъ-нибудь легкомысленно о любви, тотчасъ же терялся въ ея мнѣніи. Окрестные офицеры ухаживали за нею, но не смѣкали въ чемъ самая суть, а мѣстные львы не могли плѣнить ее, потомучто она знала ихъ прежнія шашни, а ей хотѣлось сердца дѣвственнаго, которое только къ ней забилося бы любовью впервые. Вслѣдствіе этой *idée fixe* Тетеркина преимущественно обращала вниманіе на юнкеровъ и студентовъ, но какъ тогдашняя молодежь не умѣла притворяться, а личность Тетеркиной была не изъ тѣхъ, чтобъ могла вдохнуть обожанье, то и поиски ея за страстно-влюбленнымъ мужемъ неподвигались далеко, и она уже начинала сомнѣваться въ существованіи

любви, какая описывалась въ романахъ. Ни Павлины («Фрегатъ Надежда»), ни Желалледины (повѣсть Зенеиды Р.) не попадались ей въ обществѣ, а она была настолько опытна, чтобы прочихъ поклонниковъ не отнести къ искателямъ богатаго приданого. Ее даже заглазно сваталъ одинъ вице-губернаторъ; но когда она увидѣла длинную высохшую фигуру нѣмца въ рыжемъ парикѣ, который каждыя пять минутъ набивалъ носъ табакомъ, ей даже сдѣлалось дурно, и мысль быть важной дамой, немного ее занимавшая, отлетѣла безвозвратно. Никакія убѣжденія родныхъ и знакомыхъ не могли покорить ея рѣшимости, и она прямо отказала высохшему нѣмцу. Въ описываемое время ей нравился немного Балабайкинъ, хотя моншеръ вообще не отставалъ отъ своей привычки и любезничалъ со многими. Съ Тетеркиной онъ нѣженъ былъ собственно потому, что она считалась дѣвицей высшаго круга и кромѣ того имѣла за сто тысячъ приданого. Появленіе Самограева и двухъ гвардейцевъ измѣнило нѣсколько мысли Тетеркиной, и она рѣшилась кокетничать съ пріѣзжими, вслѣдствіе чего принялась разыгрывать роль веселой и беззаботной, хохотала, остряла и вертѣлась какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Третья дама была хорошенькая жена одного чиновника особыхъ порученій, которая не любила разговаривать и только хохотала, чтобы ни рассказывали.

На этотъ разъ вниманіе всѣхъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ маленькой гостиной, обращено было на Тетеркину, и даже Самограевъ, дѣйствовавшій всегда по вдохновенію, думалъ избрать ее предметомъ своихъ преслѣдованій до мазурки, во время которой рѣшился для тону пріударить за генераль-губернаторшей.

Баронесса постоянно покровительствовала Тетеркиной. Трудно судить, было-ль это изъ привязанности или изъ какихъ видовъ, но всегда и вездѣ Генріета Карловна отзывалась о Тетеркиной самымъ лучшимъ образомъ и всячески старалась ус-

троить судьбу ея, хотя богатая невѣста и противилась этимъ стараніямъ. Предположивъ Самограева богатымъ человѣкомъ, баронесса тотчасъ же вознамѣрилась раскинуть на него сѣти для своей protégée, но затруднялась во первыхъ присутствіемъ другихъ поклонниковъ, во вторыхъ — она не знала понравился ли гусарь самой невѣстѣ. Нетеряя однакоже изъ виду своего предположенія и несмотря на неблагопріятную обстановку, баронесса рѣшилась дѣйствовать энергически и завела съ Самограевымъ разговоръ, который по ея мнѣнію могъ все-таки служить ея цѣли.

Только-что Переѣловъ окончилъ какой-то безсвязный рассказъ о приключеніи своемъ во время поѣздки изъ полка, стараясь вводить побольше французскихъ рѣченій, какъ баронесса обратилась къ Самограеву:

— Вотъ вы, гусары, только вѣтреничаете, сказала она: — говорятъ у васъ въ полкахъ не больше какъ по два, по три женатыхъ офицера. А брали бы примѣръ съ нашихъ уланъ.

— Уланъ гусару не указчикъ, это первое; второе — истинный гусарь долженъ жить для тону.

— А развѣ жениться — не въ тонѣ?

— Смотря какъ жениться. Вотъ пѣхота женится на каждой дневкѣ. Повѣрьте, если встрѣтится приличная партія, порядочный чловѣкъ рискнетъ и закается.

Баронесса взглянула на Тетеркину, а послѣдняя опустила глаза и покраснѣла, считая себя приличной партіей.

— Что же у васъ называется приличной партіей? спросила баронесса.

Самограевъ протянулъ ноги, приставилъ къ глазамъ лорнетъ и нѣсколько секундъ глядѣлъ на свою собесѣдницу.

— Приличная партія требуетъ, чтобъ невѣста была не *mauvais genre*, образована, и... *pour la boue bonche*, имѣла не менѣе тысячи душъ.

— Ого ! эдакихъ невѣсть немного. А любовь не входитъ въ расчетъ?

— Безъ любви се тре маль , замѣтилъ Переѣловъ.

— Любовь , говорилъ Самограевъ , необращая вниманія на слова ротмистра , — штука хорошая , но въ супружествѣ не всегда полезная.

— Какъ? невольно спросила Тетеркина , которая начинала было интересовываться Самограевымъ.

— Это ужъ , извините меня , чисто погусарски , сказалъ гвардеецъ , поглаживая свои полуказенныя , полудипломатическія бакенбарды.

— А позвольте васъ спросить , monsieur , что вы разумѣете подъ словомъ погусарски? отозвался спокойно Самограевъ , обращаясь къ гвардейцу и наводя на него лорнетъ.

— Я разумѣю... то-есть вы сами очень хорошо знаете , что у васъ въ гусарахъ смотрятъ довольно легко на извѣстныя вещи.

— Можетъ-быть у васъ въ гвардіи.

— Но мы удалились отъ предмета разговора , продолжалъ Самограевъ.

— Да я хотѣла бы знать , сказала Тетеркина , — какъ это любовь мѣшаетъ супружеству?

— Потомучто не позволяетъ дѣйствовать разсудку.

— Но какъ же можно жениться или выходить замужъ безъ любви? спрашивала Тетеркина.

— Также точно какъ можно любить , неимѣя намѣренія жениться или выйти замужъ. Очень просто , отвѣчалъ Самограевъ.

— Села маль , отозвался Переѣловъ.

— Вы проповѣдуете ужасныя вещи , monsieur Самограевъ , вымолвила баронесса , — и вѣроятно не безъ причины.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины , села веритѣ , вмѣшался Переѣловъ: — это сказалъ какой-то философъ.

— А ты вѣришь, моншеръ, философамъ? Они врутъ, замѣтилъ Балабайкинъ, которому давно хотѣлось сказать что-нибудь.

— Есть такіе добрые люди, сказалъ мѣстный левъ, слушавшій до сихъ поръ небрежно бесѣду окружавшихъ. — Хороши всѣ эти древніе философы, ходившіе въ грязныхъ рубищахъ, жившіе въ бочкахъ, являвшіеся босыми...

— Фи, какая гадость! воскликнула наконецъ захохотавъ жена чиновника особыхъ порученій: — вы рассказываете гадости.

— Просто историческіе факты. Я внимательно слушалъ интересный споръ о современномъ вопросѣ, какъ ротмистру угодно было упомянуть про философа.

— Но вы, князь, какого мнѣнія о любви? спросила Тетеркина, искоса поглядывая на Самограева.

Левъ призрительнымъ взоромъ окинулъ всѣхъ собесѣдниковъ, неисключая и пріятеля своего Балабайкина.

— Я не выслушалъ еще всѣхъ мнѣній, но мнѣ кажется, что monsieur Самограевъ не слишкомъ удалился отъ истины. Любовь, какъ описываютъ ее въ романахъ, невозможна, а та, что встрѣчается въ жизни — неудовлетворительна.

— Позвольте, замѣтилъ гвардеецъ: — можетъ-быть та любовь, что встрѣчается въ жизни, вообще и неудовлетворительна, но которая принята въ порядочномъ кругу, между людьми хорошаго тону....

— Если я говорю о жизни, отвечалъ левъ, сдѣлавъ презрительную мину, — то неужели вы полагаете, могу подразумѣвать какое-нибудь мѣщанство или общество нашихъ уѣздовъ?

— Фи! сказала баронесса.

— Надо брать чисто большой свѣтъ въ полномъ значеніи этого слова, молвилъ гвардеецъ, лаская бакенбарды: — именно тотъ, гдѣ все безукоризненно, гдѣ блестящіе умы сообразили каждую вещь и назначали ей настоящее мѣсто.

Левъ немного сконфузился. Но Самограевъ замоталъ правою рукою, описывая спиральные круги указательнымъ пальцемъ.

— Вы хотите сказать, обратился онъ къ гвардейцу, — что на жизнь смотреть правильно только въ столичномъ высшемъ кругу общества. Я спорить не буду съ вами даже и для тону. Но позвольте вамъ замѣтить, что аристократъ въ душѣ одинъ и тотъ же въ столицѣ и въ провинціи.

— Я объ этомъ и не говорю, отвѣчалъ гвардеецъ съ двусмысленной улыбкой: — во многихъ губернскихъ городахъ избранный кругъ почти тотъ же, что и въ столицѣ, но тамъ онъ очень великъ.

— Но позвольте, господа, эдакъ я никогда не выскажу моего мнѣнія о любви, началъ Левъ. — Я хотѣлъ только сказать, что пламенная или страстная любовь, о которой мечтаютъ молодыя дѣвицы, не должна входить въ расчетъ при женитьбѣ порядочнаго человѣка.

— Ну это ужъ слишкомъ! воскликнула Тетеркина.

— Мнѣ кажется можно примирить разногласіе, отозвался гвардеецъ: — я признаю любовь необходимой для брака, но любовь, какъ она понимается въ высшемъ кругу общества.

— Развѣ любовь разбираетъ званія? вмѣшался Переѣловъ. — Села этоннѣ. Конечно необходимо образованіе, нужно говорить пофранцузски, танцовать, играть на фортепьянахъ...

— Все это дичь, моншеръ, перебилъ Самограевъ: — можно говорить пофранцузски, играть на фортоплясѣ и быть мовешкой. Одинъ лишь истинный аристократъ въ душѣ можетъ жить для тону.

— Какое же это все имѣетъ отношеніе къ любви? добивалась баронесса, желавшая выяснитъ себѣ образъ мыслей Самограева.

— Вы, напримѣръ, способны влюбляться?

Гусаръ замоталъ указательнымъ пальцемъ.

— Всегда способенъ, только боюсь, чтобъ не потерять свободы, которая дороже всего истинному гусару. Ухаживать для тону—готовъ во всякое время.

— Вотъ monsieur Балабайкинъ, я увѣрена, другого мнѣнія.

— Я могъ бы сильно любить только тогда, еслибы я видѣлъ взаимность; иначе я слишкомъ гордъ.

— Такъ неужели же дѣвица сама должна показать свое чувство?

— Села офансè! замѣтилъ Переѣловъ.

— Такую дѣвицу трудно встрѣтить, молвилъ гвардеецъ, — развѣ ужъ съ позволенія сказать—отъявленная кокетка.

— Села ранконтръ, сказалъ Переѣловъ:—у насъ въ полку одному офицеру дѣвица сама объяснилась, и онъ послѣ того сдѣлалъ ей предложеніе.

— Эта дѣвица мове-тонъ, воскликнулъ Самограевъ.—Женщина можетъ кокетничать сколько ей угодно, можетъ дѣлать авансы, но признаваться въ любви первой—фи!

— Всѣ наши разговоры ни къ чему не ведутъ, замѣтила баронесса:—никто изъ кавалеровъ не высказалъ положительнаго мнѣнія о женитьбѣ, а всѣ отдѣляются только пустыми словами. Антрактъ кончился, заиграла музыка: пора въ залу.

И вся небольшая компанія встала съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ Самограева, который продолжалъ сидѣть, развѣсивъ въ креслѣ и протянувъ ноги.

— Здѣсь такъ хорошо, сказалъ онъ, — что я дорого бы далъ, еслибъ можно было остаться для тону...

— Кто-жъ мѣшаетъ? перебилъ Балабайкинъ.

— Нельзя, моншеръ: хозяйка мнѣ всучила на эту кадрили какую-то упитанную дѣвицу.

— Ахъ какой вы насмѣшникъ! проговорила Тетеркина:—съ вами опасно быть знакомой.

— Я иначе не могу...

Но Самограевъ не продолжалъ , потомучто всѣ уже вышли изъ комнаты. Нехотя всталъ онъ съ кресла и поплелся въ залу, разсуждая самъ съ собою :

— Если правда , что за этой Тетерей сто тысячъ наличными , — кушъ чортъ побори заманчивый. Не пристроиться ли и не наклеить ли носъ всѣмъ этимъ обожателямъ? Уланьё что-то киснетъ передъ нею. Но мнѣ она рѣшительно не нравится.

И вооружась лорнетомъ, Самограевъ отправился отыскивать свою даму.

Мазурка была полемъ торжества для нашихъ моншеровъ, въ особенности выдѣлывали чудеса Балабайкинъ и Самограевъ , такъ что гвардейцы, привлекшіе было вниманіе прекраснаго пола, отодвинулись на второй планъ и съ завистью смотрѣли на армейцевъ, которыхъ постоянно выбирали во всѣ фигуры. Напрасно петербургскіе элэганы предлагали разныя нововведенія : Самограевъ, танцовавшій въ первой парѣ, отвергалъ всякое вмѣшательство и подстрекаемый успѣхомъ , тутъ же импровизировалъ разнообразныя фигуры.

Окончивъ игру , генераль Зворскій вышелъ въ залу и съ свойственной ему быстротой замѣтилъ всѣ отступленія отъ формы офицеровъ своего корпуса, за что мысленно рѣшилъ уже наказать провинившихся сообразно съ проступкомъ....

— Довольны ли вы нашей молодежью, в. п—во? спросилъ Зворскій , вытягиваясь во фронтъ передъ хозяйкой дома и заложивъ пальцы правой руки по квартирамъ.

— Чрезвычайно довольна, генераль: ваши офицеры такіе любезные, и благодаря только имъ оживляются танцы.

— Весьма радъ, говорилъ Зворскій, искоса посматривая на Самограева.

— Ваши офицеры прекрасные молодые люди.

— А какъ вы изволите полагать, наши уступаютъ въ танцахъ гг. гвардейцамъ?

— У васъ много отличныхъ танцоровъ.

— Это правда, в. п — во, гораздо меньше исправныхъ слугъ.

— Развѣ одно мѣшаетъ другому?

— Этого сказать нельзя, и въ наше время дѣйствительно балы не мѣшали службѣ, а теперь...

Какъ нарочно хозяйку выбралъ гвардеецъ и увелъ на средину залы.

И моншеръ съ большимъ еще одушевленіемъ пустился выдѣлывать фигуры мазурки. Подъ конецъ онъ однакожъ усталъ и надо сказать правду, въ буфетѣ неумѣренно подкрѣпился шампанскимъ, такъ что любезность его истощилась и онъ уже немогъ поддерживать веселой болтовни. Но моншерскіе принципы и здѣсь его не оставили. Наклонясь немного къ своей дамѣ, онъ хотя и не говорилъ ни слова, однако шевелилъ губами и улыбался, для показанія постороннимъ, что онъ съ ней въ короткихъ отношеніяхъ.

Переѣловъ даже приходилъ въ отчаяніе: бывъ нѣсколько разъ въ домѣ генералъ-губернатора, онъ никогда еще не рѣшался просить на кадрили хозяйку, а гусаръ впервыхъ танцевалъ съ ней мазурку, а ввторыхъ обходился безцеремонно.

— Посмотри, сказалъ онъ Вардакову, — полюбуйся: вотъ дьяволъ!

— Ужаснѣйшій угаръ и больше ничего! Видишь какъ нашоуптываетъ ей разныя финтифлюшки.

— Я думаю, что нашъ Балабайкинъ совсѣмъ противъ него пасъ.

— Убирайся ты съ своимъ Балабайкинымъ! Онъ таетъ передъ этой Тетерей, которая водить его за носъ и баста.

— Однако они частенько танцуютъ вмѣстѣ мазурку.

— А пусть сдѣлаетъ предложеніе—и останется съ носомъ. Дѣвка упрямая и надутая. Надобно бы ее проучить. Незнаю отчего нѣтъ Колѣнцова, а онъ могъ бы выкинуть ей штуку.

Въ это время какъ нарочно пронесся мимо ихъ съ своей дамой Балабайкинъ. Задѣтый за живое громаднымъ успѣхомъ Самограева и обезкураженный холодностью Тетеркиной, которая, подтрунивая надъ нимъ, безпрестанно выбирала высокаго гвардейца, Балабайкинъ старался превзойти себя и удивительно витанцовывалъ мазурку. Последнюю фигуру онъ все время употреблялъ вновь изобрѣтенное имъ па и такъ-сказать проѣзжалъ на шпорахъ отъ одного конца залы до другого.

За ужиномъ, который приготовленъ былъ на маленькихъ столикахъ, каждый кавалеръ садился возлѣ своей дамы, съ кѣмъ танцовалъ мазурку. Одного Самограера судьба лишила этого удовольствія, потомучто его дама въ качествѣ хозяйки должна была обходить всѣхъ гостей и каждому сказать какую-нибудь официальную любезность.

За однимъ столикомъ, гдѣ сидѣли Переѣловъ и Балабайкинъ со своими дамами, къ Тетеркиной пристроился гвардеецъ и любезничалъ съ нею напропалую, къ величайшему огорченію ея кавалера, который, истощивъ бесполезно всѣ средства къ заявленію своего неудовольствія, злился и молилъ судьбу, чтобъ только товарищи не замѣтили его неудачи. Видѣлъ ли Самограевъ это обстоятельство или ни видѣлъ, но соскучась одиночествомъ, подошолъ къ своему новому пріятелю и ударилъ его по плечу.

— Ты кажется, моншеръ, не въ своей тарелкѣ? сказалъ онъ.

— Усталъ, Самограевъ: поминутно выбирали.

— Чтоже это, моншеръ, ты позволяешь другимъ любезничать съ твоей дамой? шепнулъ гусаръ: — у меня этотъ щеголь скоро потерялъ бы охоту пользоваться чужой собственностью.

— Право, моншеръ, не хочется заводить исторію, тѣмъ болѣе что, говоря откровенно, я здѣсь равнодушенъ: мой предметъ далеко отсюда.

— Все равно, если я ухаживаю и для тону, никто не смѣй становиться мнѣ на дорогѣ. Это мовѣ, и еслибъ ты служилъ у насъ въ гусарахъ, тебя осмѣяли бы товарищи.

Балабайкинъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Положимъ Переѣловъ, занятый составленіемъ французскихъ фразъ, не замѣтилъ положенія моншера; пусть даже Самограевъ, мнѣніе котораго было дорого для Балабайкина, видѣлъ ясно предпочтеніе, оказываемое гвардейцу; но это все еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, еслибы прочіе товарищи замѣтили его отставку, то-есть полученіе носа именно въ то время, когда онъ подготавливалъ торжественную побѣду, которою заблаговременно хвасталъ въ кругу товарищей. Не успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ уже судьба послала ему самое горькое испытаніе. Вардаковъ, весь вечеръ находившійся въ раздраженномъ состояніи и куликнувшій довольно неумѣренно, давно уже искалъ случая придраться къ Тетеркиной и усѣлся по ближе къ ней, подобравъ себѣ компанію изъ нѣсколькихъ офицеровъ. Наблюдая за Тетеркиной и увидивъ, что любезность ея относилась не къ товарищу-сопернику, а къ заѣзжему гвардейцу, Вардаковъ ощутилъ нѣкоторое удовольствіе, и хоть душа его не переставала требовать мести за оскорбленіе самолюбія, однако месть эта сдѣлалась гораздо легче и наконецъ перешла только въ желаніе подсмѣяться надъ Балабайкинымъ. Вслѣдствіе этого горластый штабсъ-ротмистръ всталъ и подошелъ къ нашему моншеру.

— Ну что, Балабашка, сказалъ онъ по обычаю громко: — доволенъ ли своимъ вечеромъ?

— Какъ тебѣ сказать?..

— Да что тутъ говорить! Видно явились почище бонжуры, что спустилъ носъ на квинту — вотъ и все.

Балабайкинъ боялся уже не за то, чтобъ Вардаковъ не замѣтилъ его печальнаго положенія, а страшился скандала со стороны послѣдняго, такъ какъ Вардаковъ не стѣснялся никакими приличіями.

— Балъ былъ такой веселый, началъ онъ.

— Разсказывай! Знаемъ мы твою веселость. Такъ тебѣ и надо: впередъ будешь умнѣе.

Балабайкинъ очень хорошо понималъ къ чему клонилась рѣчь Вардакова, но жертвуя своимъ самолюбіемъ, онъ уже не оспаривалъ, а придумывалъ средство, какъ бы приличнѣе отдѣлаться отъ угрожавшей опасности.

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, продолжалъ Вардаковъ, — не связывайся съ тѣми, кто задираетъ носъ высоко.

Рѣзкій и громкій голосъ Вардакова непріятно подѣйствовалъ на Тетеркину, которая оборотилась и вѣроятно опомнившись, что оставила безъ вниманія присяжнаго кавалера, начала разговаривать съ Балабайкинымъ. Послѣдній повеселѣлъ немного и невольно взглянулъ на Вардакова.

— Послѣ ужина горчица! проговорилъ горластый штабсъ-ротмистръ.

Но тутъ очень кстати явилась баронесса и предупредила исторію, могшую принять непріятное направленіе. Она намекнула кавалерамъ, что хотя и не предполагалось никакого тоста за ужиномъ, но не мѣшало бы выпить за здоровье хозяйки, которая такъ радушно принимала своихъ посѣтителей. Кавалеры поспѣшили схватить свои бокалы, и скоро генералъ-губернаторшу окружила толпа съ шумными восклицаніями.

Послѣ ужина, вопреки провинціальному обычаю, танцевъ не было и гости начали разѣзжаться.

Когда моншеры начали спускаться съ лѣстницы, Самограевъ, бренча по ступенькамъ распушенной саблею, — пріемъ, въ то время принадлежавшій моншерамъ, потомучто порядоч-

ные офицеры пѣшкомъ носили ее на крючкѣ, — обратился къ Балабайкину.

— Знаешь ли, моншеръ, сказалъ онъ: — я придумалъ великолѣпную штуку.

— Напримѣръ?

— Завтра для развлеченія поѣдемъ къ Тетеркиной, я приглашу ее на мазурку и сдѣлаю ей предложеніе.

— Какъ!..

— Просто для тону! Неужели ты думаешь, что Самограевъ рѣшился бы жениться на эдакой картофели?

Балабайкинъ, который не могъ еще простить Тетеркиной предпочтенія, нѣсколько обрадовался.

— Да ты шутишь? проговорилъ онъ, когда гусаръ приказалъ кричать экипажъ Самограева, и два-три голоса повторили это приказаніе.

— Стану я шутить! Притомъ же кажется она пожала мнѣ руку...

— Однако ты позабылъ, что мой кучеръ не знаетъ твоей фамиліи? Постой-ка я скомандую.

Когда раздался крикъ: «экипажъ поручика Балабайкина!» коляска мигомъ подъѣхала, и моншеры поплелись поужаснѣйшей мостовой къ своей гостинницѣ.

— Такъ ты не шути, Самограевъ, готовъ отколоть для тону отличную штуку?

— Я иначе не могу, гу, гу!... Только ты пожалуйста никому не рассказывай.

Всѣ вообще офицеры были утомлены порядочно, и потому, добравшись до номеровъ, поспѣшили залечь, и даже самые записные картежники рѣшились отложить до утра свое обычное занятіе.

Моншеры проснулись позже другихъ и какъ только за чаемъ Самограевъ завелъ разговоръ о хорошенькихъ, которыхъ замѣ-

тилъ на вчерашнемъ балѣ, то Балабайкинъ подумалъ, что вѣроятно гусаръ позабылъ свое предположеніе, высказанное вполпьяна спускаясь съ лѣстницы.

— А чтоже, моншеръ, поѣдемъ къ Тетеркиной? спросилъ онъ.

— Непремѣнно, и ты посмотришь какъ я сыграю свою роль.

— Мнѣ все не вѣрится, Самограевъ; притомъ же она не такая дѣвица, чтобы можно было позволить съ ней обидную шутку.....

— Какъ я вижу, моншеръ, вы просто прокисли въ своихъ поселеніяхъ... Дай мнѣ только завиться и вычистить ногти, — а то они съ трауромъ по королевѣ мадагаскарской, — и ты увидишь какъ обдѣлываютъ дѣла истинные гусары.

Самограевъ кликнулъ Санкюлота, которому велѣно было приготовить знаменитый доломанъ, фантастическіе чикчиры, ботфорты и всѣ принадлежности самаго торжественнаго туалета. Послѣ этого гусаръ, занявшись чисткою ногтей, началъ развѣдывать про обстановку Тетеркиной и къ удовольствію узналъ, что она принимала гостей почти одна, ибо хотя при этомъ и присутствовала старушка тетка, однако глухота послѣдней гарантировала вообще отъ всѣхъ дальнѣйшихъ пересудовъ и перетолковъ.

— Ну, а если Тетеркина приметъ твое предложеніе? спросилъ серьезно Балабайкинъ.

— А ты, моншеръ, испугался, Ха-ха-ха! Утѣшься, я постараюсь сдѣлать предложеніе такимъ образомъ, чтобы она попросила сроку обдумать.

— Я ничего... мнѣ все равно...

Пришло нѣсколько посѣтителей посмѣяться надъ неудачей Балабайкина, возвратился и Переѣловъ, который съ ранняго утра уходилъ куда-то за покупками, но моншеры, песообщая

никому своего плана, начали одѣваться и часу во второмъ вышли съ визитами.

Когда пріятели позвонили у Тетеркиной, она была уже одѣта и приняла ихъ чрезвычайно любезно, хотя человѣку болѣе внимательному моншеровъ нетрудно было замѣтить принужденность въ каждомъ ея словѣ. Она какъ будто прислушивалась къ стуку cadaго проѣзжавшаго экипажа. Начался пустой, ничего незначащій разговоръ, темой котораго служилъ вчерашній балъ. Черезъ нѣсколько минутъ однакоже Тетеркина оживилась, и хотя косвенно, однако несовсѣмъ умѣренно начала хвалить любезность гвардейцевъ.

— Неужели вы не допускаете любезности и въ арміи? спросилъ Самограевъ.

— Я этого не сказала.

— Но подумали!... Вѣрьте, что и армейскія, особенно кавалерійскія сердца умѣютъ биться при встрѣчѣ съ достойной и прекрасной особой...

Тетеркина взглянула какъ-то особенно на Самограева, который сидѣлъ скрестивъ руки и положила ногу на ногу.

— Чувствамъ этимъ вообще трудно вѣрить, сказала она.

— А мнѣ кажется имъ можно повѣрить скорѣе, нежели столичнымъ любезностямъ.

— Я не могу васъ понять, monsieur Самограевъ: вчера вы проповѣдывали совсѣмъ другое.

— Въ большомъ обществѣ не говоришь всего что на-сердцѣ.

— Вы отвергали даже любовь...

— Отвергалъ для тону. А между тѣмъ видѣлъ тамъ особу, красота, любезность и вкусъ которой...

Онъ какъ будто замялся, вынулъ лорнетъ и навелъ его на Тетеркину, покраснѣвшую отъ неожиданнаго оборота разговора.

— Вѣроятно генераль-губернаторша?...

— Къ сожалѣнію дѣвица.

— Отчего же къ сожаленію?

— Оттого что она легко можетъ не повѣрить... Да вотъ напримѣръ еслибы я вамъ сказалъ, что я васъ люблю больше всего въ мірѣ, что я страдаю...

Тетеркина окончательно смѣшалась, тѣмъ болѣе что тутъ же торчалъ Балабайкинъ, который издали напѣвалъ ей о нѣжности. Но и ее, и Самограева спасъ отъ скандала новый звонокъ, вслѣдъ за которымъ въ гостиной появился вчерашній гвардеецъ. Твердой поступью подошелъ онъ къ хозяйкѣ, освѣдомился о здоровьи и развязно сѣлъ на указанное кресло, слегка поклонившись моншерамъ. Черезъ минуту робко вошелъ Переѣловъ, и затѣя Самограева не могла уже исполниться. Гусару даже не удалось воспользоваться и мазуркой, которая вчера еще обѣщана была гвардейцу.

Когда пріятели садились въ коляску, Балабайкинъ замѣтилъ, что не помѣшай посѣтители, штука удалась-бы отлично.

— Развѣ, моншеръ, ты не замѣтилъ, что Тетеркина глупа и мове во всѣхъ отношеніяхъ? Притомъ же она должно-быть очень скупа, потомучто отъ нея несло московской помадой... Поѣдемъ лучше, моншеръ, являться къ коменданту: не будетъ ли веселѣе?..

Балы у губернскаго предводителя и еще у одного аристократа не отличались ничѣмъ отъ генераль-губернаторскаго, но имѣли особую важность только для Балабайкина, потому что Тетеркина успѣла влюбиться въ одного изъ гвардейцевъ, который предложилъ ей руку, сердце и чинъ штабсъ-капитана. Балабайкинъ, какъ истинный моншеръ, не показавъ даже виду, что это ему непріятно, и тутъ же началъ ухаживать за какой-то молоденькой дѣвушкой и первый распустилъ подъ рукою, что сто тысячъ приданого неболѣе какъ пухъ. Вѣсть

эта достигла чудовищныхъ размѣровъ по разнымъ гостинымъ. Моншеру хотѣлось только отбить у Тетеркиной жениха, который однакожъ вѣроятно навелъ болѣе положительныя справки и съ удвоенной нѣжностью преслѣдовалъ предметъ своего поклоненія.

Отпировавъ всѣ балы, на которые не по формѣ являлся одинъ Самограевъ, моншеры сблизились между собою такъ, что разставаться имъ было довольно грустно, особенно Балабайкину съ гусаромъ. Новые пріятели однакожъ рѣшили, что Балабайкинъ подастъ переводъ для совмѣстнаго служенія съ Самограевымъ, который назовется его двоюроднымъ братомъ. При переходѣ изъ одного полка въ другой требовались уважительныя причины, то-есть близкое родство, безъ котораго переводъ могъ состояться только тогда, если этого желало само начальство.

По возвращеніи въ полкъ Балабайкинъ поспѣшилъ подать переводъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ въ губернскомъ городѣ пошатнулась его репутація — допущеніемъ отбить у себя невѣсту, вовторыхъ товарищи безпрестанно допекали ему этимъ обстоятельствомъ. На время, пока шла переписка, Балабайкинъ выпросился въ отпускъ, прожилъ довольно долго у матери и когда уже вышелъ переводъ, тогда только счелъ обязанностью прибыть въ полкъ и угостить на славу прежнихъ товарищей.

Надѣвъ красивую форму — скаго гусарскаго полка, Балабайкинъ еще нѣсколько дней порисовался въ сосѣднемъ губернскомъ городѣ, въ особенности передъ Тетеркиной, которая приготавлилася къ свадьбѣ. Обѣ эти личности находили удовольствіе пикироваться и пускались иногда въ такія глупыя разсужденія, что несмотря на обыкновенную дичь, преобладавшую въ разговорахъ большаго свѣта, ораторство это казалось невыносимымъ. Самый избранный губернскій левъ Кошельковъ ни-

когда не несъ такой ахинеи, какую пускалъ Балабайкинъ подъ вліяніемъ неудавшагося волокитства. Зато моншеръ въ новомъ нарядѣ произвелъ большой эффектъ въ домахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, куда ѣздилъ съ прощальными визитами. По немъ нѣкоторыя дѣвицы просто страдали, и надарили ему множество сувенировъ, что чрезвычайно польстило его самолюбію.

По пріѣздѣ въ новый полкъ Балабайкинъ не засталъ Самограева, который рыскалъ гдѣ-то въ качествѣ ремонтера; но общество офицеровъ приняло его привѣтливо, и онъ съ первыхъ же дней началъ моншерствовать, задавая тону. Служба въ полевыхъ полкахъ была гораздо легче нежели въ поселеніи, а потому Балабайкинъ, при отличномъ умѣньи ѣздить и при кое-какихъ познаніяхъ во фронтѣ, прослылъ хорошимъ служивымъ.

Къ осени явился и Самограевъ, который, поиздержавшись значительно и промахнувшись на ремонтъ, рѣшился прожить цѣлый годъ въ полку для поправленія обстоятельствъ. Ему не трудно было устроить назначеніе въ одинъ эскадронъ съ Балабайкинымъ, и тутъ-то моншеры въ мѣстечкѣ, окруженномъ помѣщиками, собирались вполнѣ развернуть свою дѣятельность.

Недалеко отъ эскадроннаго штаба въ богатомъ имѣніи графа М*** жилъ управляющій, скромный дворянинъ, обремененный большимъ семействомъ. У него были двѣ взрослые дочери, изъ которыхъ меньшая слыла красавицей и сводила съ ума офицеровъ. Молодежь безпрестанно навѣщала управляющаго, всѣ наперерывъ ухаживали за хорошенькой Машей, однако никто и не думалъ о предложеніи. Самограевъ тоже былъ въ числѣ ея поклонниковъ и даже пользовался расположеніемъ дѣвушки, хотя волочился для тону и только замѣчая, что кто-нибудь начиналъ перебивать ему дорогу, дѣлалъ Маше полусерьезные намеки. Старикъ-управляющій видѣлъ все это, и

по свойству ли своего миролюбиваго характера, увѣренный ли въ красотѣ дочери — удерживался высказать молодымъ людямъ неумѣстность частныхъ визитовъ. Въ окологдѣ трубили о сговорѣ Маши то за одного, то за другого изъ офицеровъ, даже поздравляли ее, но дѣло не подвигалось ни наволось впередъ, и самый пламенный ея обожатель увлекся какой-то княжной и неожиданно уѣхалъ за ремонтомъ. Маша плакала, грустила послѣ отъѣзда Самограева и начала вести себя осторожнѣе съ прочими офицерами.

Самограевъ тотчасъ же сообщилъ Балабайкину о своемъ романѣ и выразился, что еслибъ Маша была не такого темнаго происхожденія да имѣла тысячъ пятьдесятъ приданаго, онъ не задумался бы жениться. Балабайкинъ зналъ Машу и принимался уже волочиться за нею, но дѣвушка держала себя такъ, что въ полку никто не могъ похвалиться ея особеннымъ вниманіемъ. На другой или на третій день своего пріѣзда Самограевъ предложилъ пріятелю отправиться къ Машѣ провести вечеръ. Балабайкинъ согласился съ удовольствіемъ.

Лѣтнимъ вечеромъ по берегу извилистой рѣчки ѣхали моншеры въ открытой коляскѣ, и Самограевъ рассказывалъ Балабайкину нѣкоторыя подробности изъ своего волокитства за Машей и признавался, что несмотря на ухаживанье для тону, были моменты, когда онъ серьезно думалъ сдѣлать этой дѣвчкѣ предложеніе.

— Она дѣйствительно очень хороша, замѣтилъ Балабайкинъ.

— Восхитительная, моншеръ, особенно физика, чортъ возьми!

— И я удивляюсь какъ она до сихъ поръ не вышла замужъ.

— Голь, — вотъ вся бѣда.

— Чтожъ, ты опять примешься за старое?

— Врядъ ли, моншеръ. Мы были съ ней въ отличныхъ

отношеніяхъ, да я разомъ покончилъ, увлекся одной княжной для тону и уѣхалъ за ремонтомъ. Въ обожателяхъ, я думаю, нѣтъ недостатка : не только офицеры, но и юнкера присутствуютъ тамъ на безсмѣнныхъ ординарцахъ. Выходила бы замужъ, лучше было бы.

— Повѣса ты, Самограевъ.

— Я иначе, моншеръ, не могу, гу, гу.

Когда коляска подъѣхала къ деревянному дому, занимаемому управителемъ, вся семья за исключеніемъ Маши выбѣжала навстрѣчу Самограеву, потому что его всѣ любили, въ особенности меньшія дѣти, которымъ онъ возилъ гостинцы. Мелюзга эта повторяла его фразы и пищали разными голосами. Самограевъ дружески со всѣми поздоровался и представилъ Балабайкина.

— Мы уже имѣли удовольствіе видѣть ихъ у себя, сказала хозяйка и попросила гостей въ залу, чай пить.

— А гдѣ же Марья Константиновна?

— Маса замузъ идетъ! обозвался черноглазый мальчуганъ.

— Какъ?

— Для тону, отвѣчала кудрявая дѣвочка лѣтъ одиннадцати.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ старикъ: — третьяго дня былъ сговоръ.

— За кого это? спросилъ Самограевъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— За Готлиба Крестьяныча, нашего почтеннаго аптекаря. Самограевъ не сказалъ ни слова, и всѣ вошли въ залу.

— Гдѣ же наши женихъ съ невѣстой? хлопотала мать. — Гриша! бѣги отыщи ихъ по саду и скажи Машѣ, что пора чай пить и старый молъ знакомый пріѣхалъ.

Мальчуганъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

Усѣвшись по ближе къ столу и закуривъ трубку, Самограевъ

пустился рассказывать свои ремонтерскія походы, но какъ ни старался онъ казаться веселымъ, не могъ замаскировать своего волненія и безпрестанно поглядывалъ на дверь балкона. Старшая сестра Маши, недурная собой дѣвушка, очевидно знавшая многое изъ отношеній сестры къ Самограеву, съ какимъ-то сожалѣніемъ смотрѣла на моншера и казалось одна нерада была его посѣщенію. Но вотъ на балконѣ послышались шаги, зашумѣло легкое платье, и въ залу вошла высокаго роста стройная блондинка, съ откинутыми назадъ локонами. Прямо, безъ жеманства подошла она къ Самограеву и дружески поздоровалась.

— Давно ли въ нашихъ мѣстахъ? спросила она.

— Недавно. А васъ можно поздравить? сказалъ нѣсколько иронически Самограевъ.

— Можно.

— Отъ души поздравляю. Гдѣ же вашъ избранный?

— А вотъ кажется откашливается на крыльцѣ.

Черезъ минуту вошелъ небольшого роста господинъ въ парикъ, отъ котораго несло всевозможными духами, какіе только существуютъ въ уѣздной аптекѣ.

— Рекомендую, господа, это будущій зять нашъ Готлибъ Крестьянычъ, прошу любить и жаловать, сказалъ хозяинъ.

Балабайкинъ поклонился, а Самограевъ подалъ руку, какъ знакомый. Когда его начали поздравлять, добрякъ немного сконфузился, потому что при его невзрачной фигурѣ, въ пятьдесятъ лѣтъ жениться на молодой красавицѣ, ему самому казалось нѣкотораго рода преступленіемъ. Онъ зналъ очень хорошо, что рѣдкій офицеръ въ полку не ухаживалъ за его невѣстой, а Самограевъ просто считался ея женихомъ.

Готлибъ Крестьянычъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которые родясь и выросши въ провинціи, теряютъ большую часть жесткихъ нѣмецкихъ качествъ, оставляя

только аккуратность, любовь къ пиву, сигарѣ и сентиментальность. У столичныхъ нѣмцевъ на примѣръ, послѣднее проходитъ очень скоро, но у обрусѣлыхъ провинціаловъ держится очень долго. Въ пятьдесятъ лѣтъ Готлибъ Крестьянычъ читалъ Вертера со слезами и могъ влюбиться подобно юношѣ, что онъ и доказалъ на дѣлѣ. Случай вышелъ очень простой. Маша какъ-то гостила у своей двоюродной сестры возлѣ города и простудившись заболѣла. Въ это время случился тамъ Готлибъ Крестьянычъ и предложилъ свои услуги. Дѣвушка хворала съ недѣлю, аптекаръ ежедневно посѣщалъ ее, возилъ лекарства и ухаживалъ какъ за дочерью. Какъ-то вечеромъ больная сидѣла вдвоемъ съ своимъ докторомъ, и они разговаривали о людяхъ, о волокитствахъ, о непостоянствѣ молодыхъ людей и такъ далѣе. Маша не питала ни къ кому особенной привязанности, ей нравился когда-то Самограевъ, но онъ показалъ очень ясно, что его ухаживанье было безъ цѣли, а послѣ него хоть и встрѣчались офицеры, увѣрявшіе въ пламенной любви, однако цѣль ихъ Маша уже понимала изъ безцеремонныхъ намѣковъ... Кромѣ того въ семьѣ начали раздаваться сперва глухія жалобы, а впослѣдствіи довольно явственныя, что посѣщеніе гостей разорительно — а понятно, гости пріѣзжали собственно для Маши. Несмотря на свою доброту, однажды мать выразилась въ такомъ смыслѣ, что «ты-де приманиваешь толпу, кокетничаешь, а не сумѣла выбрать жениха. Меньшія сестры подрастаютъ, братьевъ нужно отдавать учиться, а мы проѣдаемъ и пропиваемъ доходы.» Вслѣдствіе этого Маша и уѣхала къ двоюродной сестрѣ въ деревню, вблизи уѣзднаго города. Заведя интимный разговоръ съ аптекаремъ, какъ тонкая женщина, понявъ тотчасъ же, что старикашка растаяла, она рѣшилась окончательно покорить стараго холостяка, но считала необходимымъ предварительно узнать, имѣетъ ли онъ порядочное состояніе. Готлибъ Крестьянычъ,

влюбленный уже до-нельзя, объявилъ всѣ свои банковые билеты, сумма которыхъ была достаточна, чтобъ при безбѣдной жизни пользоваться кое-какими удовольствіями, и робко сдѣлалъ предложеніе, обѣщая лелѣять Машу и баловать какъ ребенка. Разумѣется дѣвушка сослалась на папеньку и маменьку, но съ своей стороны изъяснила согласіе. На другой же день двоюродная сестра поѣхала къ старикамъ объяснять дѣло, и счастливый Готлибъ Крестьянычъ сталъ женихомъ Маши. Все это совершилось довольно скрытно, и въ полку еще ничего не знали.

Смотря на красавицу-невѣсту, Балабайкинъ рассчитывалъ, что когда она выйдетъ замужъ и поселится въ уѣздномъ городѣ, всѣ офицеры станутъ жить при штабѣ, и тогда-то пойдетъ настоящее волокитство. Но Самограевъ думалъ совершенно иначе. Полгода почти онъ пользовался взаимностью дѣвушки, которая хоть и не признавалась ему открыто въ любви, но позволяла цѣловать ручку, искала съ нимъ уединенной бесѣды, охотно слушала намѣки моншера, который въ иныя минуты разсуждалъ, что онъ непрочь подумать и о семейной жизни. Однимъ словомъ Самограевъ разволновался и, позабывъ свое моншерство, невольно дѣлался человѣкомъ.

Маша однакоже старалась быть веселой, заливалась своимъ звонкимъ смѣхомъ и шутила то съ Балабайкинымъ, то съ Самограевымъ, но такъ, что шутки ея не огорчали жениха, а напротивъ вызывали и у него веселую улыбку.

Послѣ чаю, когда общество удалилось отъ стола, улучивъ удобную минуту, Самограевъ шепнулъ Машѣ, что хотѣлъ бы сказать съ ней нѣсколько словъ.

— Для тону? спросила она его улыбаясь.

Самограевъ посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— Ну, пойдемте ходить по залѣ, сказала она.

— Что заставляетъ васъ выходить за этого Кардуса-Бенедиктуса?

— Нужда. Я уже въ тягость семейству, а онъ добрый человѣкъ и очень любить меня.

— И вамъ не стыдно?

— Я васъ не понимаю.

— Подумали-ль вы что дѣлаете?

— Разумѣется подумала.

— За чтоже губить молодость?

— Такъ или сякъ ей надобно погибнуть: лучше же погибая сдѣлать кого-нибудь счастливымъ.

— Не поторопились ли вы?

— Я иначе не могу! проговорила дѣвушка, пародируя моншера, и подошла къ жениху.

Весь вечеръ Самограевъ не имѣлъ уже возможности говорить съ Машей безъ свидѣтелей, и скрѣпя сердце городилъ чепуху, смѣшившую все общество. Послѣ ужина моншеры раскланялись, давъ слово пріѣхать на свадьбу, которая была назначена черезъ недѣлю. Всю дорогу Самограевъ молчалъ, притворившись спящимъ, но въ сущности его заботила неотвязная мысль помѣшать какъ-нибудь свадьбѣ Маши съ Кардусомъ-Бенедиктусомъ. Снова начать волокитство было уже невозможно, а допустить молодую красавицу сдѣлаться женой старикашки казалось моншеру безжалостнымъ поступкомъ. Возвратясь въ эскадронъ, Балабайкинъ началъ подтрунивать надъ товарищемъ, а Самограевъ засмѣялся, выпивъ бутылку шампанскаго, легъ спать и сказалъ:

— Утро вечера мудренѣе, моншеръ.

Скоро по окрестности разнеслась вѣсть о замужествѣ Маши, и весь полкъ, званые и незваные, собрался къ ней на свадьбу.

За часъ до вѣнчанья домикъ управляющаго дотого былъ наполненъ гостями, что старикъ-хозяинъ серьезно началъ бояться за невозможность угостить всѣхъ и просто терялся. Самограевъ поминутно подходилъ ко многимъ офицерамъ и шеп-

тался, очевидно приготовляя какую-нибудь штуку. Наконецъ появилась заплаканная, но прелестная невеста. Послѣдовала сцена благословенія, и молодые отправились пѣшкомъ въ церковь, находившуюся тутъ же за садомъ. Когда уже было все готово, и Готлибъ Крестьянычъ сталъ возлѣ невесты, а священникъ приготовился начать обрядъ, сквозь толпу пробрался полковой лекарь, и сказалъ Готлибу Крестьянычу:

— Инспекторъ врачебной управы у крыльца и просить васъ по крайне-экстренному дѣлу на два слова.

— Какъ? спросилъ озадаченный женихъ, у котораго забѣгали по тѣлу мурашки по случаю одного слѣдствія.

— Только на два слова, но просить непременно.

Шепнувъ что-то Машѣ, женихъ юркнулъ въ толпу, но въ ту же минуту на его мѣстѣ очутился Самограевъ въ знаменитомъ доломанѣ.

— Маша! хотите быть моей женой?

— Дѣвушка раскрыла глаза.

— Я васъ спрашиваю не для тону: медлить нечего.

Маша вспыхнула. Глаза загорѣлись. Возлѣ нея стоялъ молодой человѣкъ, котораго она любила.

— Что же это значитъ?

— Дорога каждая секунда. Бога-ради! Я васъ такъ люблю, Маша!

— Дѣлайте что хотите.

Толпа начала волноваться. Глухо слышался голосъ аптекаря, котораго не пускали.

— Батюшка! вѣнчайте меня съ Марьей Константиновной, сказалъ Самограевъ.

— Какъ?

— Я согласна, говорила Маша съ сверкающими глазами: — я добровольно иду за Самограева.

Офицеры подвинулись. Послѣдовало нѣсколько словъ между

ними и священникомъ. Обрядъ начался, но многіе изъ присутствовавшихъ не знали ничего о совершившемся, такъ что когда молодыхъ повели вокругъ налож, тогда только замѣтили, что Маша вѣнчалась не съ аптекаремъ, а съ Самограевымъ.

Скандалъ произошелъ ужасный. Аптекарь выходилъ изъ себя, грозилъ стрѣляться, жаловаться, потомъ перешолъ къ упрекамъ, что издержался, по Самограевъ, обѣщавъ завтра же вознаградить убытки, просилъ убираться подобру-поздорову. Родители поломались нѣсколько, но сообразили, что новый зять во всѣхъ отношеніяхъ лучше и выгоднѣе прежняго, благословили юную чету, а товарищи распорядились послать въ ближайшее мѣстечко за шампанскимъ, и пиръ продолжался до бѣлаго свѣта.

— Я иначе не могу, говорилъ Самограевъ: — мнѣ жаль было уступить Машу этому Кардусу-Бенедиктусу въ парикъ, и я отбилъ у него невѣсту не какъ-нибудь, но какъ истинный джентльменъ, для тону, подъ самымъ вѣнцомъ.

Впослѣдствіи онъ остепенился и былъ хорошимъ мужемъ.

Балабайкинъ попалъ въ бригадные адъютанты, перешолъ потомъ въ штатскую службу и потерялся между моншерами Невскаго проспекта.

БУРБОНЪ.

Въ кавалерійскихъ полкахъ прежняго времени, особенно гдѣ носилась не дорогая форма, какъ на примѣръ въ уланахъ и драгунахъ, нерѣдко было встрѣтить офицеровъ изъ «па-лочной академіи», или такъ называемыхъ бурбоновъ, которые, происходя изъ солдатъ, достигали иногда и значительныхъ чиновъ, оставаясь однако же весь вѣкъ тѣми же солдатами. Бурбонъ, былъ ли онъ гвардейскій или армейскій, всегда строго держался въ сферѣ своего типа и никогда не измѣнялъ своимъ привычкамъ, почерпнутымъ въ казармѣ или на конюшнѣ; пренебрегалъ солдатскимъ обществомъ, боялся офицерскаго, вытягивался въ струнку передъ старшимъ и давилъ подчиненнаго, всей тяжестью ложно понятой дисциплины. Буква всякаго положенія была для него выше всего на свѣтѣ, и если уже бурбонъ выступалъ изъ своей колеи, то не иначе какъ вслѣдствіе какихъ нибудь особенныхъ причинъ и это составляло весьма рѣдкое исключеніе. Бурбона можно было узнать издали, по походкѣ, въ обществѣ среди множества офицеровъ, и онъ никогда не покидалъ ни своей солдатской выправки, ни не уключихъ манеръ, ни своихъ стереотипныхъ фразъ, въ родѣ «здравія желаю», «счастливо оставаться», «не могу знать», «никакъ нѣтъ» и т. п. Въ полку обыкновенно бурбоны держались своего кружка, и очень естественно, потому что если

ихъ встрѣчалось три или четыре человѣка, связанныхъ общими интересами, общими воспоминаніями, кружокъ этотъ блаженствовалъ и бесѣда его принимала самое естественное направленіе. Но въ кругу офицеровъ, чувствуя себя не на своемъ мѣстѣ, бурбоны стѣснялись, особенно если присутствовали чины нѣсколько повыше. Отношенія ихъ къ товарищамъ были въ высшей степени натянуты. Молодежь и теперь любитъ пошкollyничать, не смотря на многіе серьезные вопросы, ежедневно возникающіе, а въ то время— апатіи и инерціи, шалость, между игрой, кутежемъ и волокитствами составляла единственное развлеченіе. Кто же больше какого нибудь безотвѣтнаго бурбона могъ служить постояннымъ игралищемъ или посмѣшищемъ; а если старшіе офицеры порой выражали мнѣніе, что человѣкъ, носящій одинъ мундиръ, не долженъ исполнять роль шута «хоть при чужихъ», то сами даже старики не могли иногда удержаться отъ смѣха, при видѣ безвыходно-смѣшнаго положенія, въ которое молодежь ставила бурбона. Порицать это съ современной точки зрѣнія было бы несправедливо, потому что въ ту эпоху кастовыя отношенія до такой степени вкоренились съ малолѣтства, что люди даже съ высшимъ образованіемъ, приводившіе цитаты изъ нѣмецкихъ философовъ, тузили своихъ деньщиковъ и на мужика смотрѣли, какъ довлѣло россійскому дворянину. Я говорю о военныхъ кружкахъ, гдѣ особеннаго развитія не было, да и не могло быть по замкнутости среды, особенно на стоянкѣ въ военномъ поселеніи, въ которомъ полковая семья жила своей особенной жизнью.

Хоть бы и у насъ въ полку бурбоны считались чуть не паріями и не потому, чтобы это были люди дрянные, глупые и недобросовѣстные, а потому что никто не вникалъ въ ихъ внутреннее содержаніе и каждый смотрѣлъ на нихъ просто какъ на существо самаго низшаго разряда, усвоившее иные понятія и даже исполнявшее долгъ свой совершенно подъ другими фор-

мами. Никому не приходило въ голову подумать, что бѣдный бурбонъ, тяжело пережившій урочное время съ рекрутства до эпoletъ, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о военной чести, которая, въ свою очередь, и всѣми-то была понимаема по-своему, ни о правилахъ офицерскаго товарищества и, разумѣется, объ общежитіи, и что, можетъ быть, бурбонъ, доведенный шалунами до какого нибудь комическаго положенія въ чуждой ему сферѣ, былъ не столько смѣшенъ, какъ его образованные преслѣдователи. Иные бурбоны за рубль серебромъ нанимались отстоять очередь въ караулъ и это ставилось имъ въ вину, а офицеръ изъ аристократовъ, обиравшій нижнихъ чиновъ, или какъ говорилось «заѣдавшій солдатскую копѣйку», считался молодцомъ. Бурбона упекали при первой возможности въ разныя тяжелыя порученія, и если даже наваливали на него сверхъ силъ, онъ не смѣлъ отказываться и несъ безропотно за другаго подъ часъ утомительныя обязанности. Полковые командиры старались поручать имъ швальни и другія мастерскія и если удѣляли имъ крохи отъ доходовъ, давая, какъ милость, ничтожную сумму, на это иной смотрѣлъ какъ на неблагодарный поступокъ, а между тѣмъ тотъ же полковой командиръ дѣлился съ казначеемъ и квартирмистромъ экономіей отъ полка, — и это считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Но и у бурбоновъ былъ свой *point d'honneur*, особенно если они нѣсколько понатерлись въ полку и присмотрѣлись къ обычаямъ. Я не помню, чтобъ бурбонъ при какой бы то ни было нуждѣ обратился за помощью къ дворянину-офицеру, хотя, правду сказать, имъ и не встрѣчалось особенной нужды при суровомъ и простомъ образѣ жизни, къ которому они привыкли съ дѣтства. Встрѣчались между ними индивидуумы, которые считали необходимою заводитья разными даже ненужными для поддержания, по ихъ мнѣнію, офицерскаго достоинства, вещами, но это болѣе гвардейцы, кое что видавшіе въ Петербургѣ, а на-

стоящіе сѣрые, наши армейскіе бурбоны ничѣмъ, кромѣ формы, не отличались отъ простыхъ унтеръ-офицеровъ. Что бурбонъ цѣнилъ эполеты, гордился ими и покланялся имъ, — объ этомъ и говорить нечего, если принять во вниманіе сколько въ теченіи солдатской и унтеръ-офицерской службы перенесъ онъ тычковъ, фухтелей и палокъ. Производство же въ офицеры не только устраняло отъ него возможность быть битымъ, но даже избавляло отъ крупныхъ выраженій начальства. Это такъ естественно. Но часто у бурбоновъ есть, или по крайней мѣрѣ была, черта, ставившая меня въ тупикъ, — это безпощадная строгость къ нижнимъ чинамъ и при малѣйшей возможности жестокое обращеніе. Казалось бы, человѣкъ, самъ вышедшій изъ солдатской среды и на своей спинѣ извѣдавшій всю тягость начальничьяго произвола, долженъ бы всѣми силами облегчать участь нижняго чина, а на дѣлѣ выходило всегда иначе, и бурбонъ оказывался безчеловѣчнѣе даже остзейскаго нѣмца, если ему поручалось какая нибудь экзекуція.

Я никогда не забуду перваго моего знакомства съ этою чертою бурбонскаго характера, тѣмъ болѣе меня поразившею, что индивидуумъ прежде не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ звѣрства, стоявшаго впрочемъ въ числѣ необходимыхъ условій дисциплины. Я зналъ одного вахмистра, человѣка лѣтъ за сорокъ, отличнаго фронтовика, распорядительнаго, честнаго, извѣстнаго даже балагура, шуточки котораго повторялись не только по эскадрону, но и по полку, и который постоянно обращался съ нижними чинами какъ съ дѣтьми, особенно къ рекрутамъ былъ снисходителенъ до послабленія, за что не разъ получалъ выговоры. Однажды я засталъ его на конюшнѣ въ чрезвычайно грустномъ расположеніи духа.

— Что съ вами? нездоровы? спросилъ я.

(У насъ между юнкерами и унтеръ-офицерами постоянно употреблялось это мѣстоименіе).

— Какое нездоровъ? Рохмистръ обругали при всѣхъ и еще пригрозили поколотить.

— Мнѣ это странно.

— Ужъ и не говорите! Семь лѣтъ служу ему вѣрой и правдой.

— Какая же причина?

— Смотрѣлъ третью смѣну. «Ты, говоритъ, разболовалъ у меня рекрутъ и не смотришь за ними.» Знаете, бѣдняги сробѣли, какъ онъ на нихъ раскричался. Извѣстно я молчу, а подлецы, какъ нарочно, такъ дурно ѣздили, что будто и на кордѣ не бывали. Ужъ онъ валялъ ихъ бичемъ, валялъ почему попало, человѣкъ пять отпоролъ при себѣ, а послѣ плюнулъ и велѣлъ мнѣ всѣхъ передрать послѣ ученья. «По сто, говоритъ, розогъ каждому, а не то галуны спорю». Извѣстно, командирскій приказъ—святое дѣло, но вѣдь подумайте, — рекрутъ и безъ того бѣдняга запуганъ, колотятъ его чуть не каждый день, а тутъ вины никакой — гдѣ имъ было еще и выучиться-то ѣздить въ смѣнѣ! Вотъ послѣ ученья я ихъ и выдралъ, только взялъ грѣхъ на душу и далъ по пятидесяти. И пятьдесятъ вѣдь не легкое дѣло. Вечеромъ одинъ рекрутокъ и похвалился деньщику поселеннаго офицера, что такъ, молъ, и такъ—рохмистръ велѣлъ влѣпить по сту, а Пахомъ Кондратьичъ смиловался и далъ только по пятидесяти. Тотъ разсказалъ своему поручику, а поручикъ пошелъ къ рохмистру играть въ карты, да и доложилъ. Сегодня при рапортѣ эскадронный командѣръ и намылилъ мнѣ голову, да такъ, что я думалъ уже пошлетъ подъ арестъ и долой съ вахмистерства, обѣщалъ послѣ обѣда выйти на пѣшее и самъ перепоротъ всю смѣну. Пусть бы это еще были старые солдаты, и тѣхъ грѣшно бить безвинно, а то глупые рекрута—что твои младенцы.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда я уже былъ въ отставкѣ мнѣ довелось встрѣтить Пахома Кондратьича поручикомъ въ —

ской дивизіи. Взводъ его стоялъ верстахъ въ десяти отъ городка, въ которомъ надобно было мнѣ прожить недѣли двѣ, и я поѣхалъ навѣстить стараго товарища. Лишнимъ будетъ рассказывать, какъ обрадовался мнѣ Пахомъ Кондратьичъ, который порядочно растолстѣлъ, къ чему показывалъ наклонность еще и въ вахмистерскомъ званіи, и какъ не зналъ, что называется, гдѣ посадить дорогого гостя. Разумѣется, мы вспомнили старину, толковали о службѣ въ новомъ полку, о разныхъ перемѣнахъ по фронту и т. п., о чемъ можно потолковать съ бурбономъ. Послѣ чаю я хотѣлъ уѣхать, но по усиленной просьбѣ поручика остался у него отвѣдать борщу, который деньщикъ его приготовлялъ на славу. Въ обхожденіи Пахома Кондратьича съ деньщикомъ я замѣтилъ какую то натянутость, довольно впрочемъ обыкновенную, особенно со стороны нижняго чина, который не можетъ не смотрѣть съ завистью на чело-вѣка, вышедшаго изъ одного съ нимъ званія. Поручикъ однакоже не выругалъ его ниразу, а только покрикивалъ: «эй, животной!» или: «поворачивайся у меня, скотина», фразы, по которымъ еще нельзя судить объ интимныхъ отношеніяхъ. Вечеромъ пришелъ взводный вахмистръ съ рапортомъ. Пахомъ Кондратьичъ все время сидѣлъ въ архалукѣ, но когда услышалъ за дверью знакомый кашель, тотчасъ же бросился въ уголъ, вынулъ изъ сундука сюртукъ съ эполетами, надѣлъ, застегнулся и крикнулъ.

— Череденко! войди!

Въ избу вошелъ старый унтеръ-офицеръ въ шинели, при саблѣ и вытянувшись у двери, проговорилъ извѣстную фразу, что при такомъ-то взводѣ все обстоитъ благополучно.

— Извините, обратился ко мнѣ хозяинъ: я долженъ поговорить по службѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, Пахомъ Кондратьичъ, я вамъ не мѣшаю.

Взглянувъ на поручика, я замѣтилъ, что лицо его приняло серьезное, безстрастное выраженіе.

— Объ рекрутахъ узналъ? спросилъ онъ вахмистра.

— Узналъ, в. б—іе. Точно, два изъ нихъ ходили пьянствовать.

— А третій?

— Оставался дома, в. б—іе.

— Но онъ зналъ объ отлучкѣ товарищей?

— Зналъ, в. б—іе.

— И тебѣ не донесъ?

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе.

— Что-жь они, отпираются? оправдываются?

— Говорятъ, в. б—іе, что въ чужомъ селѣ водка дешевле.

— Дешевле! Ну, такъ смотри же, завтра утромъ на зарѣ приведи ихъ сюда и чтобъ были добрыя розги. Мы пьяницамъ влѣпимъ по двѣсти, а тому, что не донесъ, сотню горячихъ.

— Слушаю, в. б—іе. Больше ничего не прикажете?

— Ахъ, да, отлупи самъ Халанцова, за то, что сѣдлатъ не умѣетъ.

— Осмѣлюсь доложить, в. б—іе, сами уже собственно-ручно изволили отвалять Халанцова.

— Не разсуждать! Приказано выпоротъ и баста! Ступай!

Вахмистръ поворотился на лѣво кругомъ и вышелъ, бросивъ скороговоркой стереотипную фразу: «Счастливо оставаться!»

Меня это возмутило.

— Не ожидалъ я, Пахомъ Кондратьичъ, сказалъ я, чтобъ вы были такимъ несправедливымъ и жестокосердымъ.

Поручикъ улыбнулся.

— Какъ? спросилъ онъ, уставивъ на меня глаза.

— За отлучку въ сосѣднее сѣло—давать по двѣсти. Во-первыхъ, это безчеловѣчно, во-вторыхъ, вы не имѣете никакого права.

— Помилуйте, какое тутъ право: эскадронный командиръ велить всѣхъ драть, какъ сидоровыхъ козъ. Вы еще не знаете какіе у насъ есть подлецы!

— Вы ли это говорите, Пахомъ Кондратьичъ! А помните, однажды еще вахмистромъ, что вы говорили мнѣ о рекрутахъ? Помните?

— Какъ не помнить, отвѣчалъ, нѣсколько сконфуженный поручикъ. Ну, да тогда было другое дѣло: я не понималъ своей обязанности.

— Напротивъ, тогда то и понимали, видѣли всю несправедливость придирки, были истиннымъ человѣкомъ.

Я всталъ съ своего мѣста.

— Куда же вы?

— Я не могу болѣе съ вами оставаться: лучше позабыть прежнее знакомство, нежели считать товарищемъ человѣка, который сдѣлался лютымъ звѣремъ.

— Помилуйте! Да какъ же быть-то! Съ насъ требуетъ начальство — мы не причиною.

— Вы можете пожурить, но вдругъ давать двѣсти розогъ рекруту за ничтожный проступокъ... ф! какъ это гадко!

— Да я... если прикажете... для васъ по пятидесяти сбавлю. Поручикъ произнесъ эту фразу такъ наивно, такимъ робкимъ голосомъ, что, не смотря на желчь, я разсмѣялся невольно.

— Вы совсѣмъ не должны бить ихъ, если хотите, чтобъ я остался ужинать.

— Да какъ же-съ? Я очень радъ васъ видѣть, а опять нельзя и имъ простить... Позвольте хоть по 75.

— Ну, прощайте!

— Александръ Степановичъ! Ей Богу, мнѣ можетъ достаться! Хоть для острастки позвольте вспрыснуть...

— Не позволять не имѣю никакого права, а какъ стараго

товарища прошу и не только на этотъ разъ, но и всегда быть тѣмъ добрякомъ, котораго я зналъ много лѣтъ назадъ.

Поручикъ смѣшался окончательно.

— Ну, быть по вашему, сказалъ онъ: я не буду наказывать ихъ завтра, но ужъ извините, не могу не отвалить хоть собственноручно, потому что послѣ надо мной же будутъ смѣяться.

Я больше не настаивалъ и даже не былъ увѣренъ, сдержалъ ли Пахомъ Кондратьичъ данное мнѣ слово.

Въ военную службу поступали рекруты изъ податнаго состоянія: весьма въ небольшомъ количествѣ наемщики, за извѣстную сумму замѣнявшіе какого нибудь богатаго хозяйскаго сына, и обыкновенные сдаточные, раздѣлявшіеся на два отдѣла — на простыхъ очередныхъ и отданныхъ за дурное поведеніе обществами, а преимущественно помѣщиками. Всѣ эти категоріи, по прибытіи въ полкъ, не смотря иногда на рѣзкое индивидуальное различіе, скоро принимали мѣстный характеръ и черезъ годъ много два подходили подъ одинъ общій уровень, проведенный сотнями палокъ съ одной стороны, а съ другой поддерживаемый неизмѣнными правилами и преданіями. Многіе погрѣшаютъ, воображая, что солдатъ одно и тоже существо въ разныхъ родахъ войскъ: не только, на примѣръ, пѣхотинецъ разнится отъ кавалериста, а этотъ отъ артиллериста, но не рѣдко духъ и нѣкоторыя особенности быта не сходны въ полкахъ даже одной дивизіи. Кавказецъ гораздо развитѣе и смышленѣе солдата, стоящаго во внутреннихъ губерніяхъ. Въ мое время поселенныя войска значительно рознились отъ дѣйствующихъ. Разумѣется, общія черты у каждаго солдата тѣ же; пугливая торопливость передъ начальствомъ, суета при крикахъ послѣдняго, постоянная боязнь наказанія такъ, ни за что ни про что, и мелочная заботливость о своей собственности, хоть бы она состояла изъ одной рубашки и двухъ, трехъ тряпокъ.

Выходя изъ подобной среды, бурбонъ и послѣ производства въ офицеры очень долго не привыкалъ къ новому званію. Онъ сознавалъ очень хорошо, что эскадронный командиръ не имѣлъ права отдуть его палками, что самъ онъ могъ отколотить по зубамъ недавняго товарища, что ему не нужно было, идя по улицѣ, нести въ рукахъ фуражку при частыхъ встрѣчахъ съ *господами*; но не зналъ куда дѣвать въ обществѣ руки, привыкшія опускаться по швамъ, не смѣлъ облокотиться и вставалъ при каждомъ вопросѣ старшаго чиномъ. Иной всю жизнь не могъ разстаться со своими неуклюжими манерами и оставался тѣмъ же вахмистромъ въ эполетахъ; но бывали бурбоны, особенно не старые, которые изъ всѣхъ силъ хлопотали походить на дворянъ офицеровъ — и тутъ-то имъ встрѣчался камень преткновенія, спотыкаясь о который, они служили предметомъ для шутокъ нашей разгульной и празднои молодежи. Поддѣть какъ нибудь бурбона, подсмотрѣть его слабую струнку и выставить на потѣху въ незатѣйливомъ помѣщичьемъ кружкѣ — было спеціальностью нѣкоторыхъ офицеровъ, и сколько происходило смѣху, если случалось, что за обѣдомъ какой нибудь Хандыковъ посолить мороженое, или Поросятниковъ выпьетъ теплукъ воду, подаваемую для полосканья. Иныхъ даже учили нарочно танцовать и возили съ собой по баламъ потѣхи ради. Бѣдняки рѣшительно не понимали цѣли товарищей и только порой смутно догадывались о неловкости своего положенія и разсыпая вокругъ нелѣпыя фразы, переданныя имъ какъ образецъ свѣткости, смѣшили общество, которое въ то время конечно гораздо менѣе, чѣмъ нынѣшнее имѣло средствъ и цѣлей для болѣе серьезныхъ занятій.

Анализъ нравственнаго содержанія, какъ я уже говорилъ, никому не приходилъ въ голову. Бурбонъ, отторгнутый въ молодости отъ плуга, ремесла и отъ семейной жизни, переработанный въ полковой лабораторіи въ какую то пассивную

машину, усвоившій впоследствии всѣ обычаи и привычки среды, въ которой долго ходилъ учебнымъ шагомъ, ѣздилъ на кордѣ, поворачивался не иначе, какъ на лѣво кругомъ, отрѣшившійся отъ возможности разсуждать и даже боявшійся этого дѣйствія, какъ навлекавшаго строгое наказаніе, — былъ и по производствѣ въ офицеры существомъ безсильнымъ, безотвѣтнымъ, языкъ котораго машинально повторялъ только: «слушаю-съ, не могу знать и радъ стараться!» И гордость-то, весь палладіумъ его жизни — эполеты, имѣли для него значеніе только передъ нижними чинами, потому что дворяне — офицеры смотрѣли на свое званіе, какъ на принадлежавшее имъ по праву, и не могли раздѣлять мнѣнія, которое имѣлъ о себѣ бурбонъ, достигшій эполетъ, пройдя многотрудныя и часто нечеловѣческія испытанія. Инстинктивно понималъ онъ, что на сочувствіе новыхъ товарищей разсчитывать нечего, а вслѣдствіе убѣжденія, что офицеръ долженъ держать себя отъ нижнихъ чиновъ далеко, бурбонъ постоянно находился между небомъ и землею. Конечно, въ нравственномъ отношеніи это выходило созданіе уродливое, которому сложившаяся среда придала вѣковые пріемы, однако любопытно было бы прослѣдить и проявленіе этого я въ сферѣ частной его жизни въ столкновеніи съ личными интересами, и житейскія отношенія, и наконецъ страсти, которыя все же остаются въ самомъ загнанномъ, самомъ ненормальномъ индивидуумѣ.

Здѣсь впрочемъ необходима одна оговорка, что бурбоны изъ писарей, составляя большую рѣдкость — у насъ они выходили въ аудиторы и чиновники военного вѣдомства — были невыносимы. Писаря вообще, привыкнувъ по канцеляріямъ и дежурствамъ къ крючкотворству и разнымъ подъяческимъ уловкамъ, вносили этотъ элементъ и въ офицерское званіе, а понатершись нѣсколько или, лучше сказать, нахватавшись

фразъ изъ книженокъ , постоянно щеголяли краснорѣчіемъ и вламывались въ амбицію. Даже въ семьѣ бурбоновъ подобный господинъ казался чѣмъ то уродливымъ — и порочныя его склонности носили отпечатокъ нестерпимаго безобразія. Если обыкновенный бурбонъ напивался пьянъ, онъ осматривался робко, спѣшилъ домой лечь спать и никогда не буянилъ; но бурбонъ — писарь, сознавая, что бояться некого, пускался разглагольствовать, пожалуй придирался, а иногда лѣзъ ко всѣмъ, навязывая дружбу и хвастаясь своими успѣхами у прекраснаго пола. Бурбоны — писаря иногда овладѣвали простаками полковыми командирами, поступали на хлѣбныя должности, и тутъ то во всей силѣ проявлялись ихъ нечестная личность и грязныя инстинкты.

Въ разсказѣ нашемъ главную роль играетъ сѣрый бурбонъ, и потому мы не будемъ отдаляться отъ этой категоріи. Я видѣлъ ихъ много, сталкивался съ ними часто, случалось иногда вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, живалъ вмѣстѣ, но, каюсь, смотрѣлъ на нихъ глазами прочихъ товарищей, хотя и не выдѣлывалъ съ ними штукъ изъ-за ихъ безропотности и униженнаго потворства. Черты ихъ домашняго быта однакоже ярко нарисовались на моей памяти, и я могу безъ затрудненія возсоздать какой нибудь образъ, изъ числа этихъ жалкихъ личностей, игравшихъ незавидную роль въ кругу людей по большей части необразованныхъ, но гордо считавшихъ себя представителями образованности и хорошаго тона.

Въ свободное время — а его у молодого офицера очень много, наконецъ и при встрѣчѣ съ бурбонами чужихъ полковъ, я обыкновенно заводилъ съ ними рѣчь о ихъ прошедшемъ и старался узнавать подробности ихъ до военного быта. Съ поступленія въ рекруты у всѣхъ одна и таже исторія съ небольшими перемѣнами, но разказы о деревенской жизни бывали иногда занимательны и по содержанію и по замѣча-

тельной обстановкѣ. Передавая крестьянскія воспоминанія—чего не всегда легко было достигнуть, бурбонъ всегда почти дѣлался мягче, человѣчнѣе, хотя и не могъ уже отрѣшиться отъ извѣстныхъ фразъ, вошедшихъ въ плоть и кровь его во время пребыванія въ казармѣ и на конюшнѣ. Всѣ они по большей части отличались въ домашней жизни расчетливостью и не смотря на недостаточность содержанія, особенно въ кавалеріи—чрезъ нѣсколько лѣтъ по производствѣ умѣли собрать денжонки. Въ этомъ впрочемъ и нѣтъ ничего удивительнаго, потому что бурбонъ имѣлъ, такъ сказать, неизносимое платье, которое холилъ, самъ чистилъ, чинилъ и берегъ пуще глаза, а полуновый его сюртукъ, разумѣется, пріобрѣтавшій это названіе послѣ нѣсколькихъ годовъ службы въ качествѣ новаго, бывалъ сильно потертъ по швамъ и едва держался на плечахъ по причинѣ ветхости. Форма тоже у бурбона, если не на смотру или передъ глазами высшаго начальства, отличалась замѣчательной чернотой; толстое бѣлье и самые простые сапоги носилъ онъ бережно, а продовольствіе обходилось ему столько же, сколько и въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Хотя самоваръ можно было найти у каждаго бурбона, однако чай пили они не всѣ и не всегда: иной при гостяхъ, другой только по праздникамъ, а табакъ употребляли махорку или крымскій, слывшій подъ именемъ турецкаго, такъ что бурбона всегда окружала свойственная ему атмосфера, не исключая даже запаха конюшни, присущаго кавалерійскому солдату, потому что бурбонъ постоянно возился въ своемъ взводѣ съ лошадьми и присутствовалъ при утренней и вечерней уборкѣ. Впрочемъ иной изъ франтовъ покупалъ *ладиколонъ*, который однако же не былъ на столько силенъ, чтобы уничтожить разные другіе запахи. Надо сказать правду, что не смотря на жалкую роль бурбоновъ въ офицерскомъ обществѣ, на постоянныя надъ ними насмѣшки и шутки, попасть подъ на-

чалство бурбону старшему чиномъ — считалось величайшимъ несчастьемъ. Тутъ уже бывало съ ними ничего неподѣлаешь, а стараешься только избѣгать непріятностей. Въ особенности тяжело подчиняться бурбону въ караульной очереди, когда подобный господинъ назначается дежурнымъ по карауламъ. Полковой командиръ скорѣе пропуститъ какой нибудь недо-
смотръ или легкую неисправность, а ужъ отъ бурбона не жди пощады, а главное тяготило то, что стой передъ нимъ навытяжку и не смѣй оправдываться, потомучто какъ разъ представить рапортомъ. Разумѣется, послѣ дѣло уладятъ, рапортъ онъ возьметъ назадъ, однако чрезъ это возникали разныя неудовольствія. Приходилось въ караулѣ переживать отвратительныя сутки, потомучто буквально всѣ двадцать четыре часа бурбонъ дежурный по карауламъ толчется на гаупвахтѣ. Къ этому времени какъ нарочно пригонять наказаніе деньщиковъ и солдатъ, зная вкусъ и манеры дежурнаго, который кромѣ того придирается къ командѣ и не слушаетъ никакихъ представленій и просьбъ караульнаго офицера. У насъ былъ одинъ, незнаю уже почему любившій присутствовать, когда арестантамъ брили головы. Сколько разъ приходилось мнѣ стоять въ караулѣ, я никогда не видѣлъ этой операціи, но однажды бурбонъ дежурный доставилъ мнѣ это удовольствіе.

Было холодное осеннее утро, кругомъ грязь, моросилъ дождь и по улицамъ пустыннаго мѣстечка проходили только смѣны часовыхъ, потомучто безъ особенной надобности никто не рѣшался выглянуть на улицу. Выходя въ разводъ безъ чаю, я велѣлъ принести себѣ всѣ припасы на гаупвахту. Смѣнилъ я товарища, вступилъ въ караулъ, принялъ арестантовъ и ушелъ въ свою комнату отогрѣваться чаемъ. Самоваръ былъ готовъ, мой Иванъ возился около чайника, дежурный изъ бурбоновъ уже сѣкъ кого-то. Исторія эта впрочемъ была

такая обыкновенная, что на нее не обращалось вниманія, — иными по привычкѣ, другими по необходимости, потому что какъ бы ни возмущался человѣкъ—все напрасно. Идя въ карауль и готовишься уже бывало къ экзекуціямъ и нерѣдко получались *billet doux* слѣдующаго содержанія:

«Любезный NN, посылаю моего подлеца, выдери при себѣ хорошенько.»

Или:

«Надѣюсь на твою дружбу, что ты при себѣ прикажешь выпороть моего мерзавца, какъ сидорову козу, и если не скучно, вели влѣпить сотни три.»

Есть у меня одна и такая записка.

«Мой деньщикъ выпилъ всю мою водку и разбилъ завѣтный янтарь. Вели пожалуста, драть его черезъ каждый часъ по сотнѣ, этакъ на сумму пятьсотъ. Я самъ пришелъ бы заняться дѣломъ, да сочиняю письмо своей М... надобно, знаешь, по нѣжнѣе...»

И это писали не бурбоны.

Когда въ сѣняхъ неслышно уже было криковъ и хлестанья лозы, я выглянулъ изъ своей комнаты—не ушелъ ли дежурный. Но онъ самъ руку подъ козырекъ—подходилъ ко мнѣ.

— Рекомендую, г. корнетъ, что у васъ команда сегодня не исправная. Извольте быть осторожнѣе.

— Слушаю.

— А пуще смотрите за часовыми: передъ смѣной не мѣшаетъ взлупить хорошенько.

— А еще что?

— Ничего. Я самъ буду часто навѣдываться.

— Не хотите ли стаканъ чаю, у меня самоваръ готовъ.

— Ой ли! Дѣло! Ахъ, нѣтъ нельзя, я позабылъ.

— Что такое.

— Сегодня суббота.

— Поститесь чтоль по субботамъ?

— Какое пошусь! Сегодня вѣдь брѣютъ арестантовъ.

— Не понимаю.

— Помилуйте, наша обязанность, и это такъ любопытственно.

— Вотъ ужъ я не вижу ничего любопытнаго, да и къ чему вамъ быть при этомъ.

— Знаете, опасно... можетъ вырвать бритву у «цилюрика» и зарѣзаться.

— А при васъ развѣ не вырветъ?

— Какъ же онъ смѣетъ, когда знаетъ, что закачу пятьсотъ.

— Ну, заходите послѣ бритья.

— Нешто послѣ.

И поручикъ юркнулъ въ караульню. Я вошелъ къ себѣ и хотѣлъ было приняться за чай, но мнѣ пришла такая охота по-смотреть на дежурнаго въ его сферѣ, что я рѣшился пойти къ арестантамъ присутствовать при отвратительной операціи.

Вся команда стояла на вытяжку и два часовыхъ съ обнаженными саблями находились у двери въ арестантскую. Посреди караулки на скамейкѣ сидѣлъ арестантъ, надъ которымъ цырюльникъ, намыливъ ему бороду и половину головы, усердно упражнялся въ своемъ искусствѣ. Противъ арестанта сидѣлъ поручикъ, курилъ коротенькую трубку и покрикивалъ на цырюльника.

— Живѣй! что ты копаешься!

Брили преклоннаго старика, не помню за что сидѣвшаго на гаупвахтѣ. Поручикъ увидѣлъ меня.

— А! г. корнетъ! Милости просимъ, садитесь. Эй, подать скамейку г. караульному офицеру.

— Благодарю васъ, я на минуту.

— Нѣтъ позвольте, только выбрѣютъ стараго чорта, будетъ веселѣе: этотъ подлецъ молчить и смотреть изподлобья.

Цырюльникъ скоро управился, и арестантъ, бренча цѣпями, ушелъ въ свою камору. На смѣну ему появился рыжеватый молодой человѣкъ, бойко сказалъ «здравія желаю!» и сѣлъ на скамейку. Посмотрѣвъ на него внимательно, поручикъ мигнулъ мнѣ однимъ глазомъ.

— Ты вѣрно дезертиръ? обратился онъ къ арестанту.

— Точно такъ, в. б—іе.

— Ахъ, ты—подлецъ? а? Такъ и отвѣчаешь прямо... А рожа какая! посмотрите, рожа чуть не лопнетъ. Значить не- правда, что худо въ кандалахъ. А зачѣмъ бѣгалъ?

— Такъ пришлось, в. б—іе.

— Ахъ, ракалія! и ты Бога не боишься! Да какъ же ты смѣлъ? А скоро пойдешь по зеленой дорожкѣ?

— Не могу знать, проговорилъ глухо арестантъ и посмотрѣлъ изкоса на поручика: но посмотрѣлъ такъ, какъ смотритъ связанный звѣрь.

— Ну, братецъ, ужь я такъ и быть попрошусь къ тебѣ на экзекуцію. О, да выпорю же бестію! Тебѣ за первый побѣгъ слѣдуетъ пятьсотъ, а я сдѣлаю изъ пятисотъ двѣ тысячи, хи, хи, хи!

Арестантъ молчалъ. У цырюльника даже дрогнула рука и вѣроятно онъ обрѣзалъ дезертира, потомучто тотъ поморщился.

— Что искривился? Бритва тупая! Да я этакого подлца велѣлъ бы брить тупою щеткою. Что ты «цилюрикъ» съ нимъ церемонишься!

Но операція кончилась, и изъ арестантской вышелъ небольшой солдатъ съ сережкой въ ухѣ.

— А! знакомый! проговорилъ поручикъ.

Арестантъ сѣлъ на скамейку и улыбался.

— Что, небось, весело за рѣшеткой? А? Ты, чай, и здѣсь воруюшь.

Никакъ нѣтъ, в. б—іе.

— Ну, не ври: безъ этого не проживешь. А давно драли.

— Еще ни разу, в. б—іе.

— Худо дѣло. Зачѣмъ же смотреть дежурные и караульные! Эй, унтеръ-офицеръ! Если этотъ подлецъ сдѣлаетъ хоть малость какую, либо грубость, доложить г. корнету, или нѣтъ, лучше мнѣ, я его отлично выпорю на гулянкахъ послѣ обѣда. Воровать, братецъ, скверно; а ловиться еще хуже: поймался, значить, ну, и терпи!

Понимая, что арестанту приходилось жутко, цырюльникъ спѣшилъ исполнить свою обязанность. На скамейкѣ очутился молодой парень изъ поселянъ и робко посматривалъ на окружающихъ.

— А ты, душечка, за что попался? спросилъ поручикъ.

— За «корчебство» в. б—іе. (Существительное это такъ писалось и въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени).

— За корчебство! Тоже, братъ, по зеленой дорожкѣ. А ты не проноси вольной водки, не дѣлай подрыву откупщику, онъ деньги за то платитъ. Еслибы не проносилъ водки, не сидѣлъ бы здѣсь и не пошелъ бы сквозь строй. Вы подлецы, знаете примѣромъ какъ за корчебство поступаютъ, а хотите провести начальство. Ну, чтожь, самъ своей спины не жалѣешь.

— Я, в. б—іе, и пронесъ то одну бутылку.

— А ты не долженъ проносить и капли. Вотъ и отжарятъ.. А? да какъ еще отжарятъ. Ты видѣлъ ли сѣкуцію?

— Видѣлъ, в. б—іе.

— Чтожь, хорошо!

— Гдѣ уже хорошо!

— Нѣтъ, ничего: трубачи играютъ тревогу, лоза свистить.. ха, ха, ха! Да что ты, цылюрикъ, много казеннаго мыла издерживаешь, что жалѣешь этихъ бестій? Валяй какъ попало въ суходерку!

Я ушелъ. Но впослѣдствіи узналъ, что поручикъ каждый

разъ присутствовалъ при операціи бритья и каждый разъ говорилъ объ одномъ и томъ-же съ арестантами.

Одно, что можно сказать въ похвалу бурбонамъ—это безусловное исполненіе ими возложенныхъ на нихъ обязанностей: бурбонъ не отступалъ ни на волосъ отъ приказанія, и все что относилось къ службѣ — считалъ наравнѣ со святыней. Съ бурбономъ однако-же можно было дѣлать многое ласкою, особенно если онъ замѣчалъ, что ему и совѣтуютъ по товарищески и надъ нимъ не насмѣхаются; тутъ онъ готовъ былъ съ своей стороны оказать безкорыстную услугу и порой вызывался самъ быть полезнымъ.

Мы слишкомъ съ высока смотрѣли на бурбоновъ и, разумѣется, нисколько не старались къ смягченію или исправленію ихъ извращенной натуры, тѣмъ болѣе, что, несмотря на свой грубый, закоренѣлый солдализмъ, бурбонъ не чуждъ былъ возможности сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Я не говорю о рѣдкихъ личностяхъ, достигавшихъ изъ солдатскаго званія до высокихъ чиновъ, — исключительное положеніе и случай тѣмъ болѣе въ военное время способствовали иногда быстрому возвышенію бурбона — но въ обыкновенной ихъ средѣ въ арміи, они носили общій отпечатокъ, а главное, какъ я уже сказалъ, служили для товарищей цѣлью шутокъ и насмѣшекъ. Я зналъ одного ожесточеннаго бурбона, не глупаго отъ природы человѣка, который, сознавая несправедливость къ себѣ дворянъ—офицеровъ, но не имѣя достаточно энергіи заявить протестъ свой, дичился офицерскаго общества и впоследствии спился съ кругу, такъ что долженъ былъ выйти въ отставку. Видѣлъ я его потомъ въ Харьковѣ просящаго милостыню по гостиницамъ. Бывало, отворить дверь въ номеръ, проговорить, не подымая глазъ, заученную фразу — и вдругъ неожиданно встрѣчаетъ прежняго товарища. Сперва въ такихъ обстоятельствахъ онъ краснѣлъ, даже плакалъ и убѣ-

галъ поспѣшно, но втянулся и пользуясь товариществомъ, канючилъ на пропитаніе семейства, котораго у него никогда не было.

Еще я замѣтилъ одну черту въ бурбонахъ той эпохи: если изъ нихъ бывали наушники и шпіоны у властей, то не изъ любви къ этому искуству, а изъ слѣпой преданности къ начальству, которое въ ихъ мнѣніи было непогрѣшимо уже по одному качеству начальства. Встрѣчались полковые командиры и власти повыше, которые возводили шпіонство на степень добродѣтели и широко награждали клеветовъ. И если человѣкъ, гордившійся своимъ происхожденіемъ и понимавшій всю мерзость наушничества и шпіонства, принималъ на себя подобную обязанность иногда безкорыстно, то можно ли винить наушника—бурбона, который просто на просто видѣлъ въ этомъ волю начальства и прямое исполненіе своего долга. Однажды во время моихъ неудовольствій съ полковымъ командиромъ, когда мнѣ угрожала участь быть переведеннымъ въ пѣхоту, ко мнѣ пришелъ одинъ изъ бурбоновъ и подъ секретомъ сообщилъ, что полковникъ ему велѣлъ изподтишка наблюдать за мною, но что онъ, помня «мое благодѣяніе»—я подарилъ ему пару эполетъ—пришелъ предостеречь меня. Между тѣмъ мы всѣ знали его за полковническаго наушника и при немъ ничего не говорили о полковомъ командирѣ. Здѣсь жстати замѣтить, что система шпіонства гораздо больше была развита у поселеннаго начальства: тамъ каждый вахмистръ и каждый унтеръ-офицеръ, деморализованные и деспотизмомъ и взяточничествомъ, передавали высшимъ властямъ малѣйшее происшествіе и хитрыми сплетнями нарушали иногда самыя пріятельскія отношенія.

Нашъ бурбонъ вообще не упускалъ случая «проздравить» начальство и всѣхъ товарищей съ чѣмъ бы то ни было—съ именинами, днемъ рожденія, новой наградой, однимъ словомъ

придирался къ случаю войти къ офицеру, не стѣсняясь, а нѣкоторымъ образомъ по праву, и конечно въ надеждѣ выпить и закусить лучше обыкновеннаго. Зовете-ли вы его тогда на вечеръ, на обѣдъ или не зовете, — для него это все равно, онъ непременно придетъ, усядется, положимъ будетъ молчать все время, но не оставитъ васъ, пока не разойдутся всѣ, хотя бы офицеры и до разсвѣта заигрались въ карты. Любилъ онъ также навѣщать въ госпиталь больныхъ офицеровъ, не спрашивая пріятно или нѣтъ его посѣщеніе: по крайней мѣрѣ онъ считалъ обязанностью спросить о здоровьи, обнадежить въ скоромъ выздоровленіи и вернуть замѣчаніе, что лѣкарямъ вѣрить не слѣдуетъ. Иногда, бывало, подобнаго утѣшителя просто прогонишь безъ церемоніи, если надоѣстъ, но иной разъ, особенно когда онъ дежурный — этого сдѣлать не хотѣлось, чтобъ — не огорчить простаго человѣка.

Въ послѣдствіи бурбономанія начала проходить въ арміи, и унтеръ-офицеры, прослужившіе двѣнадцать лѣтъ, по большей части предпочитали эполетамъ шевронъ, который, во-первыхъ избавляетъ отъ тѣлеснаго наказанія, во-вторыхъ, приноситъ двѣ трети корнетскаго жалованья и на случай выхода въ отставку — сохраняетъ одну треть пожизненнаго пансіона. По крайней мѣрѣ, пользуясь огромными сравнительно преимуществами, унтеръ-офицеръ не выходитъ изъ своей среды, можетъ жить припѣваячи и отстраняетъ отъ себя всѣ тѣ непріятности, лишенія и неудобства, какія ожидаютъ бурбона въ офицерскомъ званіи.

Въ небольшой горенкѣ довольно опрятной и свѣтлой, за сосновымъ столомъ, покрытымъ дырявой скатертью, сидѣлъ поручикъ Емельянъ Даниловичъ Мукосѣевъ. Въ углу стояла перекосившаяся кровать съ ситцевымъ одѣяломъ и такими же

подушками. Возлѣ, на небольшомъ сундукѣ лежало платье, завернутое въ грязную простыню, а дальше на лавкѣ размѣщались картонные ящики съ формой, новые сапоги со шпорами и погребчикъ на одинъ стаканъ. На окнѣ разставлена была кое какая посуда. На стѣнѣ на гвоздикахъ, вколоченныхъ сквозь листы исписанной бумаги, красовались фуражка, сабля на старой портупеѣ, старая лядунка и манежный бичъ, необходимая принадлежность каждаго кавалериста, который любилъ лошадей или занимался ими по обязанности. На столѣ стояло маленькое зеркальцо и разложены были въ порядкѣ бритвы, точильный ремень, щеточка, мыльница и синяя банка грошевой помады. Подальше стояли графинъ съ бурой водкой, солонка и кусокъ ржаного хлѣба на выщербленной тарелкѣ. Мукосѣевъ задумчивый сидѣлъ на шаткомъ стулѣ, и заложивъ ногу на ногу, барабанилъ по столу пальцами. Въ этой задумчивости однакоже было много тревожнаго, потомучто онъ то прислушивался, то вздрагивалъ, то по временамъ наливалъ въ рюмку глотокъ водки и машинально осушалъ его.

Емельянъ Даниловичъ происходилъ изъ бурбоновъ. До поступленія на службу, онъ принадлежалъ къ довольно зажиточному мѣщанскому семейству на югѣ, получалъ нѣкоторое время денежное вспомошествованіе изъ дому, но потомъ вслѣдъ за прекращеніемъ субсидій узналъ, что родители его умерли, имѣніе разстроилось, братья не выдѣлили ему никакой части — однимъ словомъ случилось то, что случается сплошь и рядомъ на бѣломъ свѣтѣ. Взгрустнулось Мукосѣеву, но какъ онъ скоро былъ на хорошей дорогѣ, т. е. прослуживъ года три взводнымъ вахмистромъ, попалъ въ старшіе, положеніе его значительно улучшилось, такъ что когда произвели въ офицеры, онъ могъ обмундироваться собственными средствами, безъ всякой подписки. Ему совѣтовали было отказаться отъ эполетъ и просить шеврона, но Мукосѣевъ былъ еще не

старъ и надѣялся со временемъ выйти въ люди. Правда бѣдность одолевала его на первыхъ порахъ, при экстренныхъ расходахъ жалованья не хватало и на самое необходимое, но года черезъ три онъ началъ уже сколачивать вторую сотню, и въ тихомолку помышлялъ объ эскадронѣ. Нрава онъ былъ довольно смирнаго, даже миролюбиваго, хоть молодежь выдѣлывала надъ нимъ каверзы, однако онъ старался отдѣлываться отъ школьниковъ и держалъ себя подальше отъ общества, а отъ нижнихъ чиновъ на недосягаемой высотѣ поручичьяго чина. Жизнь онъ велъ болѣе одинокую, посѣщая по временамъ двухъ товарищей бурбоновъ, священника и тайно отъ другихъ пріятельски принималъ казначейскаго писаря, съ которымъ у него были какія-то денежные шашни. Мукосѣевъ, разумѣется, былъ необразованъ, мужиковать, грубъ, но велъ себя хорошо, не пьянствовалъ, службу зналъ отлично, во фронтѣ являлся лучше многихъ, да и лошадь его считалась почти ординарческою. Мукосѣевъ любилъ и пошутить, передавая разныя приключенія изъ походной жизни, но какъ только замѣчалъ, что молодежь смѣялась не отъ его разсказовъ, а надъ нимъ, онъ началъ воздерживаться, пересталъ мало по малу бывать у всѣхъ, исключая эскадроннаго командира и то по приглашенію, да ходилъ «проздравлять офицеровъ съ днемъ ангела или съ монаршею милостью». Занятый постоянно службою, онъ не зналъ, что такое праздность, а дома перебиралъ старый хламъ, чинилъ бѣлье, одежду, вколачивалъ гвоздики, чистилъ форму, ругалъ помянуто деньщика, и только въ праздникъ шелъ куда нибудь, а если оставался дома, то училъ хозяйскихъ ребятишекъ выправкѣ и маршировкѣ. Офицеры считали его нулемъ и еще больше пренебрегали имъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ утѣшать ихъ глупостями; нижніе чины не любили по весьма единственной причинѣ, изложенной выше, и Мукосѣевъ коро-

талъ вѣкъ свой между службой и домашними дразгами. Собой онъ былъ не красивъ, высокій, рябоватый, неуклюжій, съ выгнутыми ногами, какъ у истаго стараго кавалериста, носилъ толстые солдатскіе сапоги, голову примачивалъ обыкновенно квасомъ и только въ праздники намазывался отвратительной помадой, а усы и бакенбарды фабрилъ восчечкомъ по солдатски. Однимъ словомъ это былъ сѣрый армейскій бурбонъ въ полномъ смыслѣ слова. Попривыкнувъ къ офицерскому званію, Мукосѣевъ не гордился уже эполетами, но въ завѣтныя минуты вынималъ патенты на два чина и съ наслажденіемъ ворочалъ ихъ въ рукахъ, то рассматривая извѣстную арматуру, то приглядываясь къ восковой печати, то читалъ по складамъ текстъ, доведившій до свѣдѣнія всѣхъ, что такого то числа въ такой то чинъ производится Емельянъ Даниловъ Мукосѣевъ. Порывался онъ было съѣздить на родину показаться роднымъ и знакомымъ во всемъ блескѣ полной парадной уланской формы, готовъ былъ даже проѣздить половину накопленной суммы, но его удерживала мысль увидѣть развалины нѣкогда хорошаго состоянія, и встрѣтиться съ братьями, которые пользуясь его отсутствіемъ и безгласностью, лишили его части слѣдуемаго наслѣдства. Относительно женитьбы Мукосѣевъ подумывалъ еще въ вахмистерскомъ званіи, но какъ онъ былъ отъ природы робокъ съ женщинами, да и ктому же нѣсколько ему знакомыхъ вахмистершъ не отличались мягкостью характера, а потому онъ и остался холостымъ, откладывая женитьбу не ранѣе какъ до полученія эскадрона. А между тѣмъ, не смотря на видимое ко всѣму равнодушіе и на боязнь въ домахъ семейныхъ офицеровъ при встрѣчѣ съ женщинами, Емельянъ Даниловичъ далеко не былъ ненавистникомъ прекраснаго пола и засматривался изподтишка на хорошенькихъ. У него даже сохранилось одно розовое воспоминаніе, о которомъ онъ любилъ рассказывать въ прежнее вре-

мя, но когда поэтический этотъ эпизодъ былъ осмѣянъ молодежью, Мукосѣевъ старался избѣгать и намека о немъ въ обществѣ. Вскорѣ послѣ производства въ корнеты и по прибытіи въ новый полкъ, онъ представлялся начальнику дивизіи. Генералъ хлѣбосоль имѣлъ обыкновеніе приглашать къ обѣду всѣхъ безъ разбора, и Мукосѣевъ получилъ подобное приглашеніе. Все его занимало въ квартирѣ генерала, но больше всего понравилась ему младшая дочь начальника дивизіи молоденькая дѣвушка. Послѣ обѣда, за которымъ бурбонъ, по его словамъ, боялся взяться за каждое блюдо, «чтобъ не острамиться», всѣ ушли въ садъ пить кофе. Но я не могу не прибѣгнуть къ его собственному устному разсказу, который мы знали наизусть отъ частаго повторенія.

— Иду, знаете, позади съ юнкарсмъ сродственникомъ его превосходительства и разговариваю. А эта барышня, то есть генеральская дочка, пустилась въ перегонки съ адъютантомъ—стало быть кто кого перегонить. Раскраснѣлась, будто наливное яблочко, бѣжить и машетъ ручками, а платице на ней, должно быть изъ дорогой матеріи, такъ и лопотить. Гдѣ уже имъ бѣжать маленькими ножками! Вотъ, вотъ адъютантъ догоняетъ, а они прямо на меня, схватили за руку, толкнули на адъютанта, а сами въ ходъ. Всѣ засмѣялись, а я свѣта не взвидѣлъ, т. е. не зналъ смѣяться или какъ, а по душѣ, знаете, такъ мягко и сладко отъ этихъ бѣленькихъ ручекъ. Генералъ смѣялся больше всѣхъ и назвалъ ее шалуньею.

— Какая ты, говорить, стрекоза! чуть было не уронила корнета. Ступай сей часъ проси у него извиненія.

Мнѣ стало еще моторошнѣе, и не успѣлъ я опомниться, а она передо мной, какъ листъ передъ травой.

— Какъ васъ зовутъ? спрашиваетъ.

— Емельянъ Даниловъ сынъ Мукосѣевъ, ваше превосходительство, отвѣчаю.

Она какъ захохочетъ.

— Ну, говоритъ, извините, Емельянъ Даниловичъ, я васъ толкнула.

— Ничего, говорю, ваше превосходительство, хорошо, что не заорали носомъ по дорожкѣ.

Она посмотрѣла на меня, губенки задрожали, вѣрно хотѣла засмѣяться, да удержалась.

— Вы, говоритъ, забавны.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

А въ это время у нее съ груди оторвался цвѣтокъ и упалъ на дорожку. Я поднялъ и подаю.

— Хотите, говоритъ, Емельянъ Даниловичъ, я подарю вамъ этотъ цвѣтокъ на память.

Я просто сгорѣлъ, однако поблагодарилъ.

— А вы, говоритъ, въ горѣлки играете?

— Когда еще жилъ дома для чего не играть, а на службѣ такими пустяками некогда заниматься.

Цвѣточекъ я заложилъ за лацканъ и какъ замѣтилъ прежде, что мой рохмистръ часто клалъ какіе то цвѣты въ книжку, такъ я и свой запряталъ въ молитовникъ. И теперь цѣлъ.

— А послѣ встрѣчали вы эту барышню? спрашиваешь бывало его.

— Видѣлъ сколько разъ издалека и сымалъ фуражку, а они мнѣ, вотъ такъ, ручкой дѣлали.

И бурбонъ съ особеннымъ наслажденіемъ дѣлалъ своей ручищей извѣстный жестъ нѣжности.

Но задумчивость Мукосѣева въ началѣ разсказа происходила не отъ воспоминаній о прежней тяжелой службѣ или о красивой барышнѣ, подарившей цвѣтокъ на память, а отъ важной неожиданной причины, ставившей Емельяна Даниловича въ новое положеніе. Нѣсколько времени назадъ онъ получилъ извѣстіе о смерти своего дяди, который оставилъ исключительно

ему въ наслѣдство все свое состояніе, а какъ оно заключалось въ капиталъ, нажитомъ торговлей, то и не могло вызвать спору со стороны прочихъ родственниковъ. Надо сказать, что Мукосѣевъ, поступивъ на службу, какъ то скоро научился писать и аккуратно посылалъ къ родителямъ письма, наполненные извѣстными солдатскими фразами. Потомъ по смерти отца и матери онъ началъ было переписку съ братьями, но когда поссорился съ послѣдними, считалъ обязанностью писать къ дядѣ, который въ отвѣтахъ своихъ постоянно жаловался на недостатки и совѣтывалъ племяннику беречь копѣйку на черный день. Старикъ жилъ въ Одессѣ холостякомъ, торговалъ какой то старой рухлядью и прервалъ всякія сношенія съ братьями Емельяна Даниловича, которые не оказывали ему нисколько уваженія. Обстоятельство это послужило въ пользу нашему бурбону, и онъ сдѣлался наслѣдникомъ тридцати тысячъ ассигнаціями. Въ описываемый день онъ ожидалъ прибытія почты изъ города, за которой посылали обыкновенно офицера, если суммы были значительны: Мукосѣевъ долженъ былъ получить банковые билеты, вытребованные черезъ полкъ, по соблюденіи всѣхъ довольно долгихъ формальностей.

Въ сѣняхъ слышался легкій топотъ, означающій околачиванье пыли или грязи, и скоро въ комнату вошелъ небольшого роста толстенькій писарь и почтительно остановился у двери. Мукосѣевъ всталъ со скамейки.

— А, здорово, братъ Холодовниковъ!

— Здравія желаемъ, ваше бродіе.

— Да что же ты сталъ у двери, Климъ Назарычъ, вѣдь чужихъ никого нѣту-ти.

— Помилуйте, ваше бродіе, должность наша такая.

— Э, полно, мы вѣдь старые знакомые. Аль думаешь, что я разбогатѣлъ, такъ и зачванился.

— Точно сердце у васъ очинно доброе, ваше бродіе, го-

ворилъ писарь скороговоркой: и можетъ быть безъ измѣненія касательно необуянiя васъ гордостью; иначе какъ повелѣваетъ воинскiй артикулъ—чинъ чина почитай.

— Все это хорошо при людяхъ, а у насъ вѣдь съ тобою есть дѣлишки. Садиська, Климъ Назарычъ.

Писарь расшаркался и сѣлъ возлѣ порога.

— Не хочешь ли водочки?

— Можно, ваше бродіе, и пропустить одну, другую по трудамъ—совсѣмъ умаялся.

Мукосѣевъ налилъ рюмку бурой настойки, выпилъ самъ и потомъ предложилъ гостю.

— На много лѣтъ здравствовать вашему бродію! Дай Богъ скорѣе «проздравить» васъ съ слѣдующимъ чиномъ и съ приумноженіемъ капитала.

— Ну, спасибо, братъ.

— А осмѣлюсь спросить на какой предметъ я вамъ понадобился.

— Видишь ли, Климъ Назарычъ, ты вѣдь человѣкъ бывалый и знаешь денежную часть, мнѣ хотѣлось посоветоваться съ тобою на счетъ билетовъ: держать ли ихъ въ полковомъ ящикѣ или какъ скажешь.

— Замѣчаю, признательно сказать, ваше бродіе, что вы произошли своимъ понятіемъ многихъ настоящихъ офицеровъ, т. е. дворянскаго происхожденія. Деньги, Емельянъ Даниловичъ точно кругленькія, скоро умѣютъ раскатываться, и вы очень хорошо дѣлаете, что о нихъ заботитесь. Оно точно имъ въ полковомъ ящикѣ спокойно, только вы будете получать казенный процентъ по билету, а еслибы захотѣли пустить ихъ въ ходъ, хоть въ Харьковъ купцамъ на примѣръ, можно бы получать выгоды значительнѣе-съ, ваше бродіе.

— Одначе могутъ и пропасть деньги.

— Для чего пропасть, ваше бродіе! Точно, если отдавать

зря, можетъ произойти несчастіе, убытки, и потери; но слѣдуетъ ссужать подъ залогъ домовъ или драгоцѣнностей.

— Гдѣ же мнѣ изъ полка ѣздить въ Харьковъ!

— Будьте безъ сумлѣнія. Пусть узнаютъ, что у васъ есть капиталъ, сами понаѣдутъ-съ. Не безъизвѣстно вамъ, что многіе поселенные офицеры занимаются подобными оборотами, и для веденія дѣлъ я могу указать вашему бродію отличнаго человѣчка, который съ нашимъ удовольствіемъ устроитъ вамъ авантажъ за весьма сходную сатисфакцію.

— И значить бояться нечего.

— Помилуйте, ваше бродіе, согласно вашего желанія, можно будетъ поговорить предварительно, и какъ нашъ г. казначей сами люди денежные, они могутъ вамъ засвидѣтельствовать объ аккуратности рекомендованнаго мною человѣчка. Мое мнѣніе, сдѣланное въ умѣ, когда еще ваше бродіе получили только радостное извѣстіе, было посовѣтовать вамъ о пущеніи капитала въ оборотъ, дабы устранить казенное малое приращеніе.

— Ужъ ты хлопочи какъ у васъ тамъ по законамъ, а я тебѣ того, Климъ Назарычъ.

— Я никогда не имѣлъ сумлительства, ваше бродіе, потому всегда изволилъ вамъ служить, могу сказать, болѣе не жели отцу родному. Хотя бы сто рублей вашихъ, которые пропадали на поручикѣ Сивоглазовѣ, вы думаете, ваше бродіе, легко было выхлопотать, но потому люди мы тертые, по денежной части не безъ знакомствія въ дивизьонномъ штабѣ, касательно покровочки, иногда и суконца, супротивъ чего нашъ г. казначей не оказываютъ никакой строптивости. Пословица говорить: «не плюй въ колодезь, придется и самому воды напиться».

— А чтожъ, Климъ Назарычъ, эта пословица хорошая. Вотъ я примѣромъ: дяденька были бѣдны, а я какъ есть пле-

мянникъ—письма посылалъ къ нимъ будто къ родителю, просилъ благословенія, въ концѣ каждаго письма цѣловалъ ручки, и они меня за то не оставили.

— Опять вы человекъ, хотя изъ нижнихъ чиновъ, однако можно сказать учливые и великатные, сами покойникъ дядюшка знали, что вы не простой племянникъ ему приходитесь, а по монаршей милости—ваше бродіе, вотъ они и оставили вамъ отъ своихъ трудовъ.

— Скажи, пожалуста, Климъ Назарычъ, если я не буду брать процентовъ, они скоро нарастаютъ?

— Для этого есть исчисленіе согласно каждаго процента, на примѣръ по сколько съ тысячи. Но ваше бродіе вѣряя деньги въ частныя руки, предпочтительнѣе получать проценты въ срокъ, а собравши сумму, можно и въ полку давать подъ залоги по 5, а иногда и болѣе въ мѣсяцъ, гг. офицерамъ, кого мы знаемъ и порекомендуемъ не опасно и подъ простыя росписки, потому жалованье у насъ въ рукахъ, а другимъ надо подъ вѣрныя залоги.

— Боюсь, Климъ Назарычъ, да и, говорятъ, не ловко самому мнѣ заниматься.

— Опять таки скажу, что этимъ дѣломъ и не слѣдъ заниматься вашему бродію, разъ оно зазорно, а второе опасно. А мы уже найдемъ способъ или посредствомъ поселеннаго вахмистра, у котораго подобныхъ дѣловъ довольно, или отыщемъ вамъ какую нибудь унтеръ-офицершу.

— Гмъ! такъ это выгодно.

— Безпремѣнно выгоднѣе, а такъ какъ гг. офицеры и богатенькіе юнкера нуждаются постоянно, то въ годъ можно заработать.

— А когда же привезутъ билеты?

— Извольте пожаловать часамъ къ пяти въ канцелярію,—почта прибудетъ къ тому времени.

— Признаться, Климъ Назарычъ, я никогда въ жизнь не видѣлъ банковыхъ билетовъ.

— Хе, хе, хе, ваше бродіе, я и много видѣлъ, иначе у себя ни одного не имѣю. Ничего, поприглядитесь и войдете во скусъ.

— Проказникъ ты, Климъ Назарычъ. Такъ знаешь что, пришли мнѣ дать знать, когда привезутъ почту.

— Слушаю ваше бродіе. А на счетъ человѣчка прикажете завтра навѣдаться.

— Навѣдайся и приведи его съ собой.

— Очинно хорошо. Счастливо оставаться.

— Куда же ты?

— Жена ждетъ съ обѣдомъ, ваше бродіе нельзя же — люди семейные.

А жена то у тебя разлюли, Климъ Назарычъ.

Писарь улыбнулся.

— Вотъ устрой только дѣла, а я ужъ на счетъ подарочка тебѣ и твоей супругѣ.

— Покорно благодаримъ, Емельянъ Даниловичъ, я никогда несумлѣвался и всегда былъ доволенъ вашимъ бродіемъ.

Холодовниковъ вышелъ, а Мукосѣевъ, присѣвъ къ столу, принялъ прежнюю позу. Онъ былъ задумчивъ, но мысли его блуждали въ какихъ то непостижимыхъ сферахъ. Конечно онъ очень часто останавливался на суммѣ 30,000, но воображеніе бурбона, не смотря на свою бѣдность, на все убожество представлений — Мукосѣевъ только и могъ мечтать о служебномъ повышеніи, наградахъ и т. п. — порывалось за предѣлы узкой сферы и очеркивало ему то пріятности супружеской жизни съ какой нибудь дворянкой, то всеобщее уваженіе въ разныхъ формахъ, доступныхъ бурбону, то наконецъ прелести богатства, доставляющаго человѣку независимое положеніе. Но послѣдняя картина представлялась ему слабѣе, потому что

Мукосѣевъ не думалъ выходить въ отставку. Наконецъ онъ попалъ на любимую тему и пламенно замечталъ сдѣлаться эскадроннымъ командиромъ, завести дрожки, собственную тройку, повѣсить на окнахъ занавѣски, такія какъ у полковника, купить семью крестьянъ, въ которой были бы и кучеръ и лакей и прачка и кухарка, которыхъ онъ, разумѣется, держалъ бы въ ежовыхъ рукавицахъ. Два раза деньщикъ приходилъ спрашивать—не пора-ли обѣдать? Но Мукосѣевъ, потерявшій аппетитъ, приказывалъ «погодить маненько» и только по временамъ наливалъ глотокъ настойки, выпивалъ, и закусывалъ кускомъ чорнаго хлѣба съ солью.

Надобно сказать, что когда возникала еще переписка о наслѣдствѣ Мукосѣева, вѣсть эта была встрѣчена въ полку съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, и положеніе бурбона оставалось прежнее, но когда пришло извѣстіе, что билеты лежатъ на почтѣ, иные офицеры разомъ измѣнились и начали обращаться съ Емельяномъ Даниловичемъ какъ съ равнымъ, конечно не безъ запасной мысли воспользоваться его расположеніемъ. По мягкости сердца, можетъ быть бурбона и поддѣли бы на удочку, но у него былъ менторъ въ особѣ Холодникова, который раскрылъ ему глаза, хотъ и не изъ прямаго участя, а скорѣй изъ своихъ выгодъ, и Мукосѣевъ съ первыхъ же поръ не повѣрилъ этимъ заискиваньямъ. Больше всего юлили около него картежники, хотъ и очень хорошо знали, что Емельянъ Даниловичъ ни во что больше не игралъ, кромѣ въ дурачки и носки, не зналъ даже подкаретной; но люди этого сорта имѣютъ какое то неотразимое влеченіе къ чужому капиталу и, не стѣсняясь самой безпощадной невозможностью поживиться, все таки не прочь присосѣдиться къ богатому человѣку на всякій случай. Иной подѣзжалъ къ нему съ предложеніями уступить лошадей, экипажъ, вещи, воображая, что разбогатѣвшій бурбонъ захочетъ пощеголять, другіе брались при-

строить его капиталъ въ вѣрныя руки, третьи совѣтовали ѣхать за ремонтомъ и взять ихъ въ помощники, — однимъ словомъ подѣзжали со всѣхъ сторонъ; однако Мукосѣевъ, по наставленіямъ Холодникова, прямо отказывался отъ самыхъ блестящихъ предложеній. Онъ инстинктивно даже чувствовалъ здѣсь ловушку, между тѣмъ какъ въ писарѣ видѣлъ челоѣка, не разъ доказавшаго ему на дѣлѣ готовность стоять за его интересы.

Наконецъ Мукосѣевъ пообѣдалъ на скоро, но не легъ спать, а ушелъ проходиться за деревню, рассчитывая, что проведетъ время до пяти часовъ въ полѣ, а когда возвратится, то почта будетъ получена. Дѣйствительно, когда онъ вошелъ въ канцелярію, толпа офицеровъ разбирали письма и посылки, и бурбону торжественно были вручены 30,000 банковыми билетами. Холодниковъ шепнулъ ему что вѣроятно товарищи будутъ называться на пирушку, что отказывать не слѣдуетъ, а надо пожертвовать какую нибудь сотню, но совѣтовалъ держаться туго и ни кому не обѣщать взаймы ни копѣйки.

Всѣ наличные офицеры тотчасъ же пристали къ Мукосѣеву на счетъ вспрысковъ наслѣдства, и онъ пригласилъ ихъ на другой день къ себѣ на чай и на выпивку. Въ тотъ-же вечеръ по всему мѣстечку разнеслась вѣсть, что Мукосѣевъ дѣйствительно получилъ 30,000, и на пиръ къ нему съѣхались товарищи изъ ближайшихъ эскадроновъ.

Кто незнакомъ съ южными нашими степями, тому трудно составить о нихъ понятіе, а заниматься ихъ описаніемъ право не достанетъ духу, какъ во избѣжаніе бесполезныхъ повтореній предшественниковъ на этомъ поприщѣ, такъ и изъ боязни накли-
пать на себя подозрѣніе въ томъ псевдолиризмѣ, который давно уже преслѣдуется въ литературѣ. А степи дѣйствительно испол-

нены поэзіи также, какъ небо, какъ море, хотя эти предметы сдѣлались томительно-общими мѣстами. Для меня въ особенности, это камень преткновенія потому, что съ южными степями неразрывно связаны воспоминанія и о лучшихъ годахъ юности, когда смотрѣлось на жизнь сквозь розовое стеклышко надежды, и о послѣдней моей поѣздкѣ въ Новороссію, когда я скитался тамъ хоть и въ зрѣломъ уже возрастѣ, однако находилъ еще [поэзію и въ безграничной синей дали, и въ серебристыхъ коврахъ ковыли, и въ тихомъ говорѣ кургана съ вѣтромъ, какъ то понятномъ уху украинца. Нѣтъ, читатель, не стану я утомлять тебя описаніями степей: если ты ихъ видѣлъ, описаніе мое будетъ блѣдной и довольно прозаической копіей, если же не видѣлъ, то лучше я предоставлю твоему собственному воображенію эту картину дикую, однообразную, но на которую, подь часъ, весною, особенно при закатѣ солнца, нельзя достаточно налюбоваться. Отъ поэзіи я поведу тебя въ міръ дѣйствительный—къ быту степныхъ помѣщиковъ, но не тѣхъ, которыхъ называютъ теперь нашими южными янки, которые возятся уже съ паровыми локомотивами, одѣваются въ парижскій костюмъ и слѣдятъ за развитіемъ прогресса, а познакомлю съ бытомъ героевъ давно минувшаго времени, жившихъ по-старосвѣтски, хозяйничавшихъ по своему и употреблявшихъ для распространенія благосостоянія только три элемента: кулакъ, плеть и розгу. Правда, что и въ эпоху гораздо къ намъ ближайшую эти три двигателя считались едва не единственными, какъ для собственнаго благоденствія, такъ и для счастья крестьянъ, однако обаяніе кулака плети и розги сильно измѣнилось въ иныхъ мѣстахъ, и просвѣщеніе сдѣлало свое дѣло даже въ отдаленныхъ степныхъ захолустяхъ.

Эпоха настоящаго очерка была эпохой того печальнаго, невозмутимаго застоя, когда военныя поселенія покончивъ съ народомъ, поработивъ его совершенно, начали уже дѣло съ новымъ

поколѣньемъ и разстилали надъ громадной мѣстностью свой мрачный саванъ, сквозь который ни сверху не могъ проникнуть горячій лучъ солнца, ни съ низу не могли пробиться глухой стонъ и неясный ропотъ сотенъ тысячъ людей, утратившихъ значеніе человѣка и гражданина и названныхъ военными поселянами.

Неудивительно, что во кругъ мѣстностей, занятыхъ военнымъ поселеніемъ — и у казенныхъ и у помѣщичьихъ крестьянъ, администрація носила на себѣ аракчеевскій отпечатокъ. Рѣзкости этого милаго отпечатка сглаживались только съ значительнымъ удаленіемъ отъ населенныхъ округовъ, считавшихся, не знаю почему, образцемъ благоустройства. Причина такого колорита понятна: всѣ окрестные помѣщики, а слѣдовательно и чиновники по выборамъ, служили въ поселенныхъ дивизіяхъ, — управляющіе, прикащики, рассыльные — все это выходило прямо съ канюшни, манежа и заводило свои любимые порядки въ мирныхъ областяхъ благодатнаго, урожайнаго края. Обаяніе военныхъ поселеній было такъ велико, что въ ближайшихъ къ нимъ вольныхъ деревняхъ народъ носилъ военныя фуражки и стригъ волосы подъ гребенку. Самая грамотность въ массу мелкопомѣстнаго дворянства проникала изъ поселенныхъ округовъ, и неразъ мнѣ приходилось видѣть помѣщичьихъ сыновей, воспитывавшихся у какого нибудь писаря, которые кромѣ грамматики и ариѳметики, выдолбленныхъ наизусть, бойко знали кавалерійскіе «сигналы». Чтобы нижніе чины поспѣшнѣе изучали сигналы, для послѣднихъ сочинены были слова, въ родѣ стиховъ, которые часто, по отсутствію смысла, затрудняли только изученіе самыхъ мотивовъ. И эти то слова распѣвались и подъ кровлями помѣщичьихъ домиковъ. Вотъ нѣкоторые сигналы для примѣра. Рысь: «Рысью размашистою, но не распушенною для сбереженія коней». Галопъ: «Ну, въ галопъ, скорѣе шенкель въ бокъ, и свернется конь въ клубокъ!».

Лакеи въ передней, фельдшера, музыканты у помѣщика — все это носило воинскую печать потому что образовывалось въ поселеніяхъ, въ кантонистскихъ эскадронахъ и госпиталяхъ, и соблюдало военную выправку, подражая во всемъ лихимъ солдатамъ. На бытъ окрестныхъ помѣщиковъ не могло не отразиться это вліяніе, и въ иныхъ мѣстностяхъ доходило до того, что по милости услужливыхъ братцевъ, пріѣзжавшихъ съ товарищами, барышни знали не только сигналы, но порой рекрутскую школу и эскадронное ученье. Общеніе съ военными поселеніями у окрестныхъ помѣщиковъ было большое, а зимою послѣдніе очень часто пріѣзжали въ штабы полковъ, гдѣ обыкновенно устраивались собранья. Нечего и говорить, что офицеры и юнкера — волокиты то и дѣло шныряли по помѣщикамъ, и видѣть гдѣ нибудь на балѣ фракъ, казалось чрезвычайно рѣдкостью. Короче, въ ту эпоху большинство дѣвицъ считало какъ бы безчестіемъ выходить за статскаго, и нѣкоторыя невѣсты говорили: «бабушка и маменька моя были за военными, такъ мнѣ уже не слѣдуетъ измѣнять обыкновенія».

Въ —скомъ уѣздѣ, почти по границѣ, на нѣскольکو верстъ тянется овражистая мѣстность, поросшая кое гдѣ кустарникомъ, а въ долинахъ — и небольшими рощами, въ особенности по берегамъ рѣчки, извѣстной подъ названіемъ Татарлука. Описываемый уголокъ лежитъ вдали отъ какой бы то ни было почтовой или транспортной дороги, и видѣлъ его развѣ тотъ, кого вела туда крайняя необходимость, но ужъ никакъ не любопытство. На этой мѣстности разбросано было довольно помѣщичьихъ владѣній, между которыми на далекое разстояніе не встрѣчалось ни одной деревни, и небольшіе хуторки въ нѣсколько избъ, изобличавшіе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Два только помѣщика имѣли душъ по семидесяти, остальные владѣли пятью, шестью и, много, десятью семействами и жили себѣ въ уединенномъ, пустынномъ затишьѣ. Хутора эти ле-

жали кое гдѣ верстахъ въ трехъ, четырехъ одинъ отъ другаго, но помѣщики самые дальные были знакомы и соблюдали изстари заведенный обычай съѣзжаться въ извѣстные дома на извѣстные годовые праздники, не говоря уже объ именинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, крестинахъ, требовавшихъ головныхъ сосѣднихъ съѣздовъ. Не буду здѣсь распространяться о житьѣ бытьѣ всѣхъ членовъ околка, но попрошу читателя обратить вниманіе на нѣсколько лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему разсказу. Я говорилъ уже выше, что въ окрестностяхъ поселеній все носило военный отпечатокъ, а потому и уголокъ, о которомъ идетъ рѣчь, наполненъ былъ отставными штабъ-и оберъ-офицерами и класными чиновниками военного вѣдомства, такъ что на разстояніи какихъ нибудь сотенъ квадратныхъ верстъ жилъ только одинъ титулярный совѣтникъ, котораго всѣ впрочемъ, любили, но называли не иначе, какъ строкой или подъячимъ. Вся эта колонія, отдѣльные члены которой горячо иногда спорили за нарушеніе границъ своихъ владѣній, ссорилась и мирилась, смотря по обстоятельствамъ, признавая надъ собою власть подполковника Сосунова, во-первыхъ, какъ самаго богатаго изъ владѣльцевъ, во-вторыхъ, какъ человека съ самымъ крупнымъ чиномъ и служившаго при дивизьонномъ штабѣ. Въ обыкновенныхъ случаяхъ покорившіеся сосѣди прибѣгали къ третейскому суду Сосунова и, по большей части, покорялись его рѣшенію, въ случаѣ же особой важности, все таки шли къ нему за совѣтомъ, а если возникало дѣло, касавшееся общихъ интересовъ, Сосунъ отправлялся къ предводителю или ѣхалъ въ губернский городъ, гдѣ его знали почти всѣ власти, хотя иной разъ онъ появлялся тамъ лишь на выборы или на Троицкой ярмаркѣ для сбыта шерсти.

Сосунъ принадлежалъ къ числу лицъ и понынѣ еще попадающихся въ обществѣ, которыя, по непостижимымъ

причинамъ, пользуются всеобщимъ уваженіемъ, не только его не заслуживая, но порой употребляя даже различные приемы, чтобъ уничтожить ни на чемъ не основанное обаяніе своей особы. Сосуновъ былъ глупъ отъ природы, не получилъ никакого образованія, всю службу низкопоклонничалъ, находясь квартирмейстеромъ, сколотилъ деньгу, потомъ попалъ въ старшіе адъютанты, выгодно женился, купилъ имѣніе и вышелъ въ отставку, не только не оказавъ никакихъ услугъ обществу, а напротивъ не въ состояніи даже былъ исполнять, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей. Начальство очень хорошо видѣло его тупоуміе, понимало, что другой могъ бы замѣнить Сосунова съ большею пользою для службы; но Сосуновъ постоянно смотрѣлъ начальству въ глаза, прежде всего исполнялъ личную волю власти и лѣзъ изъ кожи, какъ бы угодить всѣмъ, кто стоялъ повыше. При этомъ съ ранней юности обнаруживалъ онъ склонность къ такъ называемой порядочности, заключавшейся, преимущественно, въ наружной опрятности, въ щепетильности и, наконецъ, въ скупости, которая, особенно въ молодые годы, можетъ бросаться въ глаза какимъ то достоинствомъ—людямъ, не допускающимъ въ молодомъ человѣкѣ ни страстей, ни увлеченій. Благодаря подобному характеру, Сосуновъ шелъ хорошо по службѣ, а главное, умѣлъ обворожить маменьку одной достаточной невѣсты. Короче—въ небольшихъ чинахъ Сосуновъ былъ нетерпимъ товарищами, но добравшись до густыхъ эполетъ и до званія старшаго адъютанта, началъ считаться человѣкомъ достойнымъ уваженія. И холостымъ онъ не былъ ни когда вѣтренъ, не кутилъ, не игралъ въ карты, а жениась, конечно, сдѣлался еще солиднѣе, и вотъ, скоро по всей дивизіи прославили его положительнымъ человѣкомъ и стали обращаться къ нему за всевозможными совѣтами. Сосуновъ, въ большей части случаевъ, не понималъ сущности дѣла, которое предлагали ему для разрѣшенія, но

привыкнувъ къ рутинѣ немногосложныхъ дѣлъ по дежурству, излагалъ кое какъ свое, часто нелѣпое мнѣніе. Совѣтъ, иногда выходилъ далеко несообразный съ здравымъ разсудкомъ или законами, но въ тѣ блаженные времена одни спеціалисты имѣли понятіе о законахъ, тѣмъ болѣе, что воля начальства была едва ли не сильнѣе всякаго закона. Пробывъ довольно долго старшимъ адъютантомъ и ведя кое какъ дѣла при помощи писарей, Сосуновъ не зналъ ни одного положенія, за то въ точности зналъ привычки всѣхъ начальниковъ, унижался предъ корпуснымъ штабомъ—даже необходимые писаря тамъ получали отъ него извѣстную дань—вслѣдствіе чего, къ дежурству его не было ни какихъ придирокъ. Въ то время старшій дивизионный адъютантъ, не краснѣя пользовался безгрѣшными доходами, заключавшимися въ приношеніяхъ полковыхъ командировъ, которымъ обычай вмѣнялъ въ обязанность дѣлиться экономіей съ дежурствомъ вообще, со старшимъ адъютантомъ, въ особенности. Ума и образованія отъ этого адъютанта не требовалось — личные должны были отличаться свѣткостью—потомучто обязанность его такъ легко исполнялась при помощи порядочныхъ писарей, работавшихъ иной разъ безъ устали. Сосуновъ служилъ себѣ, да служилъ, сколачивалъ деньгу, и когда дошелъ до маіорскаго чина—предѣлъ, далѣе котораго нельзя было оставаться въ настоящей должности,—онъ рѣшился попытаться счастья перейти въ корпусный штабъ, если нѣтъ, то прослужить немного во фронтѣ, чтобъ выйти въ отставку подполковникомъ. Въ корпусѣ не было вакансіи, и потому Сосуновъ принялъ дивизіонъ, командуя которымъ, не только ничего не нажилъ, а еще прожилъ свое, и оставилъ службу, сопровождаемый роскошнымъ прощальнымъ обѣдомъ, какъ чловѣкъ, безукоризненно окончившій свое поприще. Дѣйствительно, во все время онъ не сдѣлалъ ни одного предосудительнаго поступка, и если бралъ взятки, то это было весьма натурально

въ тотъ вѣкъ, когда военные открыто называли плутами и взяточниками гражданскихъ чиновниковъ, а сами наживались на счетъ казны и безотвѣтнаго солдата. Подчиненныхъ онъ держалъ всегда въ ежевыхъ рукавицахъ, безщадно сѣкъ писарей, праваго и виноватаго, чтобъ ревностиѣе исполняли свою обязанность, приказаніе начальства самое дикое считалъ непогрѣшительнымъ и старался выполнить его даже въ ущербъ своему карману; съ товарищами обходился вѣжливо, даже церемонно, съ женою жилъ по закону, строго придерживаясь извѣстнаго правила, слышаннаго подъ вѣнцемъ: «жена да боится своего мужа», и никогда не задолжалъ ни на одну копейку. Вотъ все, чѣмъ заслужилъ онъ всеобщее уваженіе, которое не оставило его въ полку, а ушло вслѣдъ за нимъ въ гражданскую жизнь, гдѣ разрослось еще больше, до значительныхъ размѣровъ. Прежде выхода въ отставку онъ купилъ имѣніе у двухъ помѣщиковъ—сосѣдей, соединилъ оба хутора въ одинъ и занялся сельскимъ хозяйствомъ, очутившись самымъ значительнымъ тузомъ среди мелкопомѣстныхъ дворянъ, заселявшихъ упомянутый выше околодокъ—по туземному названію—Землянки. Появленіе въ околодкѣ подполковника и кавалера, обладателя семидесяти слишкомъ душъ, который, при томъ, долго еще былъ старшимъ адъютантомъ, произвело своего рода замѣшательство въ Землянкахъ, наполненныхъ старыми служаками; но когда Сосуновъ, познакомясь со многими, обошелся почти какъ съ равными, а у себя принялъ всѣхъ довольно ласково, авторитетъ его разомъ упрочился и распространился на всю колонію.

Сосуновъ, какъ и многіе ограниченные люди, имѣлъ нѣсколько странныхъ привычекъ, изъ которыхъ, въ особенности, была замѣчательна одна,—повтореніе словъ, совершенно безъ всякой надобности, и еще какимъ-то пѣвучимъ голосомъ. Были у него и завѣтныя фразы, употребляемыя въ разговорѣ

кстати и некстати. Подобныя поговорки въ прежнее время служили извѣстнымъ приѣмомъ комизма, и авторъ надѣлялъ какимъ нибудь словцомъ лице, которое хотѣлъ выставить смѣшнымъ. Но я не съ этою цѣлью упоминаю о недостаткѣ Сосунова, — а не отступаю отъ истины собственно для полноты характеристики подполковника. Кромѣ того, онъ имѣлъ привычку во время разговора, по его мнѣнію серьезнаго, раставлять ноги и, заложивъ руки за спину, покачиваться на одномъ мѣстѣ, и терпѣть не могъ возраженій. Сперва сосѣди рѣшались съ нимъ поспорить, но онъ обыкновенно заносилъ такую ахинею, кричалъ такъ громогласно, что слушатели его невольно опускали руки по швамъ и, позабывъ объ отставкѣ, считали себя предъ могущественнымъ и разгнѣваннымъ командиромъ.

Жена Сосунова, не молодая уже барыня, полная, вся въ веснушкахъ — представляла типъ старинной помѣщицы, которая безъ всякаго образованья, безъ всякаго развитія, не знала ничего умнѣе мужа, каждое его слово считала закономъ и, отъ нечего дѣлать, любила посплетничать. Она чванилась древностью своего рода, богатствомъ прежней фамиліи и была отъ головы до пятокъ проникнута аристократизмомъ степныхъ помѣщиковъ, имѣвшимъ свой особенный запахъ. Г-жа Сосунова, на примѣръ, умерла бы съ досады и отъ огорченія, еслибы ее посадили не на первомъ мѣстѣ, еслибы ей не первой подали кушанье, а на конвертѣ не написали бы «ея высокоблагородію»; она открыто требовала себѣ наружнаго почтенія, не только въ качествѣ жены подполковника, самаго значительнаго владѣльца въ околоткѣ, но потому, что отецъ ея былъ отставной генералъ и въ своемъ кругу пользовался почетомъ. Выѣзжала она не иначе, какъ въ коляскѣ съ форейторомъ, за которой долженъ былъ торчать слуга — въ деньщицѣмъ мундирѣ, и если случалась какая нибудь ломка

въ коляскѣ , или лакей былъ въ отсутствіи , она на ѣхала въ бричкѣ и предпочитала терпѣть лишенія , нежели , по ея мнѣнію , осрамить себя въ глазахъ свѣта. Однимъ словомъ , это была одна изъ тѣхъ ничтожныхъ барынь , которыя неперевелись еще въ высшемъ кругу , но которыхъ , слава Богу , мало встрѣчается въ деревняхъ , потомучто какъ-то трезвыя понятія зашевелились уже въ низу , предоставляя такъ называемому бомонду пробавляться всѣми нелѣпостями , занесенными къ намъ отъ развращеннаго двора нѣсколькихъ Людовиковъ. Давно истлѣли Ментенонъ , Помпадуръ и Дюбарри , мало осталось истинъ и отъ самыхъ энциклопедистовъ , а пудра , бритые усы , различные ливреи продолжаютъ еще играть свою роль , и что хуже , въ высшихъ слояхъ общества сохранили еще свою силу понятія маршалши Граммонъ , Шуазель и т. п. милыхъ личностей. Разумѣется , Сосунова не только не читала записокъ той эпохи , даже врядъ ли и слыхала когда нибудь о Версали , но строго слѣдила за исполненіемъ всѣхъ преданій относительно выѣздовъ , угощенія , приема , хозяйства , а также воспитанія дѣтей и тщательной классификаціи , что прилично или не прилично въ домѣ столбовой дворянки. Благодаря тупости мужа и машинальной разчетливости жены , безусловно отданной фамильнымъ преданіямъ , домъ Сосуновыхъ походилъ на механическій театръ , въ которомъ въ извѣстные часы появляются куклы , исполняютъ какое нибудь дѣйствіе , сообразно съ давленіемъ пружины , и уходятъ за кулисы. Самый пріѣздъ гостей почти не нарушалъ заведеннаго однообразія , потомучто хозяева умѣли вселить въ своихъ сосѣдей — боязнъ нарушить стѣснительный порядокъ , существовавшій въ домѣ подполковника.

Положимъ , послѣднее было нисколько неудивительно: сосѣди , — отставные офицеры , вышедшіе изъ бѣдныхъ дворянъ или изъ бурбоновъ , невидѣвшіе никогда быта выше той среды ,

въ которой вращались, могли считать образцемъ обычаи, наблюдаемыя въ домѣ подполковника, бывшаго старшимъ адъютантомъ и женатаго на генеральской дочери. Но странно, что не взирая на присутствіе въ околodкѣ нѣсколькихъ умныхъ и практическихъ людей, могло возникнуть вліяніе такого тупоголоваго господина на всю окрестность, вызвавшее всеобщее уваженіе. Нѣсколько случаевъ ясно доказывали, что подполковникъ подавалъ самые нелѣпые совѣты, прямо служившіе во вредъ дѣлу, — однако печальные результаты — послѣдствіе его совѣтовъ — не поколебали ни слѣпаго къ нему довѣрія, ни всеобщей готовности снова прибѣгнуть къ посредничеству Сосунова.

Одинъ только изъ числа, можетъ быть, двадцати помѣщиковъ Петръ Ивановичъ Бакрѣевъ, постоянно оказывалъ оппозицію Сосунову, и если не грозилъ вполне подорвать авторитетъ его, то, во всякомъ случаѣ, былъ словно бѣльмо на глазу у подполковника, который въ душѣ признавалъ превосходство Бакрѣева и побаивался его вліянія. Петръ Ивановичъ — отставной аудиторъ 9 класса, происходилъ изъ писарей и былъ, что называется, «строка» и порядочная проныра. Въ полку онъ недурно обдѣлывалъ свои дѣлишки, но пилъ запоемъ и потому не могъ составить состоянія. Какъ то удалось ему жениться на вдовѣ, помѣщицѣ душъ въ тридцать, доброй женщинѣ, хорошей хозяйкѣ, которая уговорила Петра Ивановича выйти въ отставку, надѣясь, что съ удаленіемъ мужа отъ разгульнаго общества, пройдетъ его дурная привычка. И точно, Бакрѣевъ, не глупый отъ природы, человекъ незлаго сердца, бездомный пролетарій, очень хорошо видѣлъ, что приобрѣлъ себѣ и привязанную подругу, и теплый уголь, и вѣрный кусокъ хлѣба, и какъ ни соблазнительно было для него воображаемое тогда повсемѣстно, да и теперь еще не вездѣ исчезнувшее, право распоряжаться женою, однако понималъ

что гораздо лучше сохранять добрыя супружескія отношенія. Вслѣдствіе этого онъ съ женою былъ мягокъ, услужливъ и даже въ самомъ хмѣлю отдѣлялся шуточками и усиленными любезностями. Между прочимъ, удалясь изъ полка и попавъ въ кругъ сосѣдей, гдѣ хоть и бывали попойки, однако только при какомъ нибудь случаѣ и недоходившія до безобразія, Петръ Ивановичъ какъ то отсталъ по немногу отъ запоя и дѣятельно занялся сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ падчерицы, т. е. обученіемъ ея грамотѣ.

Бакрѣвъ поселился въ Землянкахъ гораздо позже пріѣзда Сосунова и засталъ уже вліяніе послѣдняго распространеннымъ до крайнихъ предѣловъ. Отставной аудиторъ очень хорошо зналъ подполковника и по дѣламъ дежурства, и по разсказамъ писарей — прежнихъ товарищей, которые хотя и дрожали предъ грознымъ адъютантомъ и оказывали ему наружное подобострастіе, однако въ тихомолку подвергали строгой критической оцѣнкѣ его служебную дѣятельность, и не разъ черновыя бумаги Сосунова ходили по рукамъ, какъ доказательство глупости и безграмотности. Изъ всѣхъ бурбонскихъ разрядовъ, самый развитый, конечно, писарскій, въ которомъ отличительной чертой остается на долго, и по достиженій высшихъ степеней — какая то безотчетная ненависть къ сословію, гнетъ котораго выносилъ писарь, затаивъ злобу, порой видя явную несправедливость и сознавая свое моральное превосходство. Бурбонъ изъ писарей, по производствѣ въ офицеры или класный чинъ, въ самый день полученія приказа уже сбрасываетъ съ себя форму тупой покорности, ловко раскланивается при встрѣчѣ съ офицерами; отпускаетъ даже остроты, не прочь показать при случаѣ, «что мы теперь сами ужъ ваше благородіе», и не преминетъ вломаться въ амбицію. Положимъ, у него, по большей части, натура извращенная, но тѣмъ не менѣе онъ дѣлается спесивымъ противъ бывшихъ товарищей

и гордымъ противъ новыхъ изъ высшаго званія, и если порой поколотить зубы писарю, съ которымъ недавно сидѣлъ рядомъ, то не позволить и какому нибудь офицеру наступить на ногу. Петръ Ивановичъ былъ представителемъ этихъ принциповъ по производствѣ въ аудиторы, застарѣлъ въ нихъ, а когда, выйдя въ отставку, сдѣлался помѣщикомъ, понятія его, выработанныя въ прежней средѣ, только окрѣпли и обнаруживались энергически при каждомъ столкновении. Петръ Ивановичъ никогда не могъ забыть перваго своего визита къ Сосунову. Приладивъ свою старенькую бричку на заднихъ рессорахъ, на парѣ чалыхъ, отправился онъ въ первое воскресенье на хуторъ къ подполковнику, въ мундирѣ, при шпагѣ и въ замшевыхъ перчаткахъ, какъ слѣдовало къ вліятельному штабъ-офицеру. Аудиторъ засталъ уже у подполковника нѣсколькихъ сосѣдей, пріѣхавшихъ поздравить съ праздникомъ, и вошелъ въ залу въ ту минуту, когда собравшіеся гости приступали къ водкѣ и закускѣ. Сосуновъ и Бакрѣевъ не были знакомы лично, потомучто когда служили въ одной дивизіи, то состояли въ разныхъ полкахъ, а когда первый поступилъ старшимъ адъютантомъ, Бакрѣева перевели аудиторомъ въ другую дивизію.

— Г. подполковникъ, имѣю честь рекомендоваться, отставной 9-го класса Петръ Ивановъ сынъ Бакрѣевъ. Недавно здѣсь поселился.

— А! Очень радъ.

— Прошу любить и жаловать.

— Да мы, кажется, знакомы.

— Наслышанъ въ бытность вашу старшимъ адъютантомъ какъ отъ офицеровъ, равно и отъ писарей.

— Да не валялъ ли я, братъ, тебя палками, если не ошибаюсь?

— Точно, г. подполковникъ, necessitas я и безъ палокъ,

что грѣха таить, такая ужъ доля, только я, во-первыхъ, не служилъ подъ вашимъ начальствомъ, а во-вторыхъ, такое напоминаніе и еще у себя въ домѣ—обидно. Я нынѣ чиновникъ 9-го класса и помѣщикъ.

— Ну полно, братецъ, братецъ, что ты! Я такъ, право такъ.

— И я такъ, г. подполковникъ.

Сосѣди раскрывали рты, отъ удивленія, а Сосуновъ не много сконфузился.

— Вотъ вамъ, господа, сказалъ онъ, наука: съ законникомъ, законникомъ не связываться. Имъ не клади, не клади пальца въ ротъ.

— Откусить, проговорилъ съ улыбкой одинъ усатый отставной штабсъ-ротмистръ и поглядѣлъ на общество съ цѣлью замѣтить, — какое произвела впечатлѣніе его находчивость.

— Законы, г. подполковникъ, для всѣхъ одинаковы, а если мы, по своему званію, знаемъ въ нихъ больше, то тѣмъ паче не упустимъ случая защитить себя.

— Такъ, такъ! Ну, милости просимъ. Скидай, братъ, аммуницію, аммуницію, и водочки. Господа! прошу покорно.

Всѣ глядѣли на аудитора, какъ на смѣльчака, и хотъ многіе были съ нимъ уже знакомы, и всѣ знали, что у него какихъ нибудь тридцать душъ, однако отвѣты его Сосунову произвели благопріятное впечатлѣніе, какъ и всякая вообще попытка противъ моральнаго гнета, тяготящаго общество. Сосуновъ, конечно, скрылъ свое неудовольствіе, старался даже быть съ аудиторомъ вѣжливѣе, нежели съ другими, но съ той же минуты въ душѣ у него затаилась противъ этого человѣка непріязнь и вмѣстѣ боязнь—не пошатнулъ бы онъ его авторитета. Когда Сосунова обошла съ Бакрѣевымъ, по обычаю, высококомѣрно и почти сдѣлала ему выговоръ за то, что супруга его недостойла ее своимъ посѣщеніемъ, подполковникъ

самъ явился на выручку новаго сосѣда и прибавилъ, что нельзя отъ всѣхъ требовать знанія утонченныхъ приличій.

Вскорѣ послѣ этого въ Землянкахъ началъ проскакивать, не скажу, духъ партій, потомучто въ обществѣ слишкомъ вознесли Сосунова и дали ему большую волю, — но возникло какое-то сомнѣніе въ непоколебимости этого колосса. Раза два схватывался онъ съ аудиторомъ относительно законовъ и оба раза, если не призналъ себя побѣжденнымъ, то ужъ никакъ не могъ считаться побѣдителемъ. Въ описываемую эпоху аудиторъ имѣлъ уже сторонниковъ на другомъ концѣ Землянокъ и началъ нѣчто въ родѣ либеральнаго направленія, только все это глухо, въ тишинѣ, выжидая какого нибудь особеннаго случая. Правда, къ Сосунову достигали слухи о какихъ то замыслахъ, но онъ слишкомъ былъ гордъ и крѣпко еще вѣрилъ въ свое могущество, чтобъ предаваться унынію, а напротивъ, приходило иногда на мысль обуздать неугомоннаго аудитора. Послѣдній, однакожь, велъ себя осторожно, и хотъ не упускалъ случая поспорить съ подполковникомъ, — однако навѣщалъ его и являлся въ праздники съ поздравленіемъ.

Кромѣ этихъ личностей, читателю нужно еще познакомиться съ Маврой Осиповной Козелковой — ближайшей сосѣдкой Сосунова и родственницей Бакрѣева, которая, заслуживъ всеобщую извѣстность своими великолѣпными вареньями, была почетной гостьей во всѣхъ домахъ, потомучто ни одна хозяйка не обходилась безъ ея совѣта по части этой спеціальности. Мавра Осиповна, болѣе извѣстная подъ именемъ глухой ротмистерши — по причинѣ небольшой глухоты — вдова отставнаго ротмистра принадлежала къ числу тѣхъ деревенскихъ барынь, какіе лѣтъ тридцать назадъ въ провинціи водились еще въ изобиліи, и о которыхъ говорилось какъ то въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ — «не злая и не глупая женщина». Дѣйствительно, въ

ней не было ничего положительно глупаго и злаго, хотя не заключалось также особенныхъ ума или доброты, и Мавра Осиповна Козелкова, едва умѣвшая читать и подписываться каракульками, управляла своимъ хуторкомъ изъ тридцати душъ отлично и даже держала въ рукахъ мужиковъ, чѣмъ и заслуживала похвалу отъ всѣхъ сосѣдей, вообще, и отъ Сосунова въ особенности. Мавра Осиповна лишилась мужа лѣтъ десять до начала нашего разсказа, имѣя на рукахъ полдюжины дѣтей, изъ которыхъ однакожь осталась только единственная дочь Таня, баловница не только матери, но и всего околодка. Дѣвочка эта еще ребенкомъ привлекала своею красотою, роскошными свѣтлыми кудрями и большими темно-голубыми глазами, сверкавшими, словно яркіе звѣздочки. Всѣ ей пророчили въ дѣтствѣ счастливую будущность. И точно, для Тани сложилась было интересная доля, какъ бы для оправданія сосѣдскихъ предсказаній. Ротмистръ ѣздилъ какъ то въ Воронежъ на богомолье со всѣмъ семействомъ, довольно тогда многочисленнымъ, и случайно встрѣтился съ одной богатой старухой, которая не отпускала отъ себя недѣли двѣ Козелковыхъ. Барыня эта полюбила красавицу Таню, и изъ желанія ли сдѣлать ближнему добро, изъ эгоизма ли пріобрѣсти новую игрушку, неотступно начала просить Козелковыхъ—отдать ей дѣвочку на воспитаніе, обѣщая устроить ея судьбу въ послѣдствіи. Бѣдные люди, обремененные семействомъ, даже не по силамъ, считая что самъ Богъ посылалъ малюткѣ счастье, рѣшились разстаться съ Таней, для ея же блага, и уступили настояніямъ старухи. Сдѣлали они это тѣмъ болѣе, что барыня, при огромномъ, по видимому, богатствѣ, не предавалась мірскимъ удовольствіямъ, а постоянно ѣздили по монастырямъ и жертвовала значительныя суммы на разныя мужскія и женскія обители, что для Козелковыхъ служило гарантіей воспитанія дочери въ страхъ Божіемъ. Тотчасъ же дѣвочка изъ бѣд-

наго ситцеваго платья облеклась въ шелкъ и бархатъ, окружена была игрушками, и хотъ отъ нея требовали ежедневнаго посѣщенія обѣдень, вечерень и всенощныхъ, однако она, разомъ освоившись съ роскошью, удобствами и блескомъ, безъ особеннаго сожалѣнія разсталась съ родителями. Старуха, пріютившая Таню, тотчасъ же озаботилась объ ея воспитаніи, тамъ же, въ Воронежѣ, наняла французенку—гувернантку, а чтобъ дитя не избаловалось—приставила къ ней свою любимицу, опытную ханжу—неизвѣстно какого происхожденія, но отличавшуюся ярымъ порицаніемъ всего современнаго, свѣтскаго и служившую грозой для прислуги.

Дѣвочка начала оказывать значительные успѣхи, и хотъ чопорная ханжа всѣми средствами старалась испортить молодое созданіе, однако въ Танѣ было столько природныхъ силъ, что не смотря на четырехлѣтнее пребываніе подъ тяжелой ферулой, нравственная порча еще не могла повредить ей существенно. По четырнадцатому году дѣвочка почти уже сформировалась, и до такой степени была хороша, что по церквамъ заглядывались на нее мужчины, преслѣдовали по улицамъ и тѣмъ самымъ осуждали Таню на строгія эпитимьи со стороны ея надзирательницы, да и сама Хмырская выговаривала ей за вѣтреность и легкомысліе. Нѣсколько развитая дѣвочка начала уже сознавать тягость положенія и выпадали минуты, когда она готова была, бросивъ роскошную обстановку, непрерывныя путешествія въ каретѣ, со всѣми удобствами, возвратиться подъ родимую соломенную кровлю, которая смутно сохранилась въ ея памяти. Ее влекло еще иногда домой и то обстоятельство, что изъ писемъ родителей она постепенно узнавала о смерти своихъ сестеръ и братьевъ,—хотъ ей безпрестанно набивали голову сентенціями о суетѣ міра, его грѣховности, о блаженствѣ заключиться въ монастырской кельѣ и т. п. Ее даже по два мѣсяца оставляли въ одномъ

женскомъ монастырѣ, подѣ надзоромъ суровой игуменьи; но молоденькія сестры украдкой старались развлечь бѣдную дѣвочку, которая иначе умерла бы со скуки, не чувствуя ни малѣйшей склонности къ монашеской жизни. Неизвѣстно, что вышло бы изъ Тани, и какія послѣдствія повлекло бы дальнѣйшее пребываніе ея у Хмырской, если бы особенный случай не вмѣшался въ судьбу и не измѣнилъ ея совершенно. Старуха, которой, впрочемъ, было пятьдесятъ съ небольшимъ, бодрая и полная, захворала какъ то серьезно, и ей лучшіе медики посовѣтовали непременно ѣхать за границу. Средства ей позволяли дѣлать огромные расходы, и потому, не долго думавъ, она выхлопотала паспорта и почти со всѣмъ домомъ отправилась на воды въ Германію. Въ нѣсколько мѣсяцевъ она поправилась, и внявъ совѣту знакомыхъ, рѣшилась вторично посѣтить Парижъ, въ которомъ бывала въ молодости и который потомъ называла не иначе какъ новымъ Содомомъ. Пожила она мѣсяца четыре въ Парижѣ, и къ удивленію всѣхъ, на пятьдесятъ третьемъ году вышла за мужъ, за тридцатилѣтняго маркиза де-Перваль, который былъ извѣстенъ, какъ самый красивый мужчина, имѣвшій успѣхъ у женщинъ и жившій постоянно на счетъ разныхъ не молодыхъ благотворительницъ. Какъ это случилось, — размѣры разсказа не позволяютъ распространяться, но совершившійся фактъ повелъ къ тому результату, что красивый маркизъ перешелъ въ православіе и присягнулъ на подданство Россіи, заключивъ, кажется, до вѣнца, предварительное условіе, по которому сдѣлался обладателемъ всего движимаго и недвижимаго имущества своей влюбленной половины. Маркизъ, однако же, далъ торжественное обѣщаніе — какъ отецъ заботиться о Танѣ, и съ первыхъ же дней оказалъ ей необыкновенную ласку, измѣнилъ ея обстановку, нанялъ лучшихъ учителей, а главное, устранилъ ее изъ подѣ надзора ханжи, которая, впрочемъ,

чтобъ заслужить расположеніе новаго господина, готова была сдѣлаться чѣмъ угодно. Въ первомъ пылу восторга маркиза чуть не становилась на колѣни передъ мужемъ, который велъ себя съ нею очень любезно, и тайкомъ пользовалась всевозможными секретами модистокъ и куаферовъ, чтобы поддерживать сильно поизмятую наружность. Она словно не хотѣла понять, что маркизъ не обращалъ на это никакого вниманія и безъ зазрѣнія совѣсти наслаждался всѣми удовольствіями Парижа. Однажды, не за долго до отъѣзда въ Россію, Таня, распустивъ пышную косу, чесалась передъ зеркаломъ. Лучи солнца прямо падали на стройную молоденькую дѣвочку, полуобнаженные и полуразвитыя прелести которой прикрывались только роскошными золотистыми прядями волосъ, сквозь которые нѣжное, бѣлое тѣло казалось еще нѣжнѣе и бѣлѣе. Словно мимоходомъ, нечаянно, маркизъ завернулъ въ комнату Тани, и подкравшись, обнялъ ее за талію. Дѣвочка слегка вскрикнула и начала отталкивать человѣка, который до сихъ поръ ничего не оказывалъ ей, кромѣ ласкъ и вниманія. Маркизъ шепотомъ просилъ только одного поцѣлуя и общалъ удалиться, но Танѣ требованіе это почему то казалось неумѣстнымъ, и она продолжала сопротивляться... Въ это время на порогѣ показалась маркиза. Замѣшательство сдѣлалось общимъ. Старуха едва не упала въ обморокъ, дѣвочка расплакалась, а маркизъ, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ приводить въ чувство свою влюбленную половину. Скандала не произошло никакого, но на третій день утромъ, когда маркизъ отправился съ пріятелями завтракать, Таню отправили къ родителямъ, въ сопровожденіи прежней надзирательницы, съ письмомъ, въ которомъ изъявляли сожалѣніе, что, исполняя волю мужа, не могутъ долѣе держать у себя воспитанницу и принуждены ее отослать домой, обѣщавъ пять тысячъ на приданое. Разумѣется, дѣвочкѣ отдали весь ея гардеробъ,

вещи, книги, но прочли на дорогу наставленіе, что изъ нея не выйдетъ ничего путнаго. Такимъ образомъ, Таня, поѣздивъ довольно по Россіи, привыкнувъ къ роскоши, не окончивъ и поверхностнаго образованія, наглядѣвшись на иностранные города, въ особенности на Парижъ, очутилась въ убогомъ домикѣ матери, уже не заставъ въ живыхъ отца, умершаго отъ холеры.

Съ тѣхъ поръ Таня не выѣзжала никуда изъ Землянокъ и не видала уже ни одной книги, кромѣ привезенныхъ съ собою, потому что въ околodкѣ никто не занимался «такими пустяками», обыкновенно выражаясь такъ: «почитать бы можно, да достать книгъ не гдѣ, а покупать не стоитъ, — вѣдь прочтешь и бросишь, — а деньги пригодятся на другое.»

Въ эпоху нашего разсказа Танѣ шелъ двадцать второй годъ. Дѣвушка развернулась окончательно, и хоть тонкія черты ея нѣсколько огрубѣли, и вообще красота ея не исполнила тѣхъ обѣщаній, какія давала еще въ четырнадцать лѣтъ, однако нельзя было не остановить на ней взора и въ толпѣ хорошенькихъ. Въ особенности поражала она стройностью, и не смотря на дурно сшитыя платья, на какое то ломанье, — смѣсь хуторскихъ помѣщичьихъ манеръ съ великосвѣтскими, — нельзя было не замѣтить ея граціозныхъ контуровъ и художественнаго сложенія. Ее даже не портили волосы, изъ золотистыхъ сдѣлавшіеся рыжеватыми. Однимъ словомъ, это была особа замѣчательной наружности. Что касается до внутренняго ея содержанія, то она представляла такой смѣшанный характеръ, котораго опредѣлить почти невозможно. Съ десяти лѣтъ, съ одной стороны, ее начали портить ханжествомъ и всѣми способами, внушающими наружное смиреніе, а съ другой, въ то же время, предъ глазами пытливаго ребенка велись разговоры и даже происходили сцены, рѣзко противорѣчившіе сухимъ наставленіямъ, такъ что къ Танѣ разомъ прививались и лу-

кавство — повиновенія самымъ скучнымъ требованіямъ — и любопытство проникнуть истинный смыслъ разговоровъ и сценъ, не всегда искусно скрываемыхъ передъ нею. Въ два года подобной жизни, на глазахъ властей — она была совершенная смиренница, а гдѣ нибудь въ дѣвичьей, на свободѣ, обнаруживала признаки далеко не дѣтскихъ понятій. Умная гувернантка ея, по несчастью, была слишкомъ апатична къ своей питомицѣ и если добросовѣстно передавала ей знанія, то совершенно не заботилась о ея нравственности. Посѣщая монастыри, дѣвочка нисколько не обращала вниманія на религіозную сторону затворническаго быта, потомучто и въ домашней жизни постоянно должна была бить поклоны, молиться нѣсколько разъ въ день, читать или слушать Четь-Минеи, но знакомилась съ пріѣзжими семействами, и найдя сверстниковъ и сверстницъ, старалась воспользоваться возможностью пошалить въ ихъ обществѣ. Подготовленная подобнымъ образомъ, Таня быстро начала развиваться современи знакомства съ маркизомъ де-Перваль, который, бывъ прельщенъ богатствомъ старухи и добиваясь руки этой отжившей барыни, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду воспитать для себя красавицу, которая услаждала бы ему жизнь въ снѣгахъ Россіи. Мы уже видѣли, что замыслы маркиза разстроились.

Восемь лѣтъ тихаго существованія на хуторѣ, то въ одиночествѣ, въ сферѣ мелочныхъ домашнихъ заботъ, то въ кругу необразованныхъ людей, хотя и не могли искоренить въ ней всего дурнаго, привитаго ханжествомъ и опытнымъ развратомъ, однако успѣли сгладить многое и затемнить яркія воспоминанія о парижской жизни. Первое время, не смотря на свиданія съ матерью, Таня была близка къ помѣшательству отъ скуки, и ни заботливость, съ какой дѣлѣяли ее, ни безграничное баловство, ни, наконецъ, самопожертвованіе и отказъ себѣ во всемъ, чтобы пріобрѣсти лишній нарядъ Танечкѣ, ни-

В
Ф
что не утѣшало молоденькое существо, грезившее о блистательной будущности и неожиданно брошенное въ пустынные степи. На другой годъ природа начала брать свое. Окончательное физическое развитіе — сдѣлало свое дѣло, а знакомство съ нѣсколькими офицерами и юнкерами ближайшихъ полковъ — начало примирять Таню съ дѣйствительностью, такъ что въ послѣднее время, отказавшись отъ неопредѣленныхъ радужныхъ надеждъ, она предавалась и удовольствію кружить головы военной молодежи, и желанію выйти замужъ за какогонибудь хорошенькаго, богатаго офицера. Въ окологкѣ помѣщики жили довольно патріархально, однако въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣлись невѣсты, по извѣстнымъ семейнымъ праздникамъ бывали и танцы, привлекавшіе офицеровъ — единственныхъ жениховъ, на которыхъ можно было рассчитывать. За отсутствіемъ оркестра — вечеринки проходили подъ звуки фортепьяно, а какъ инструменты находились лишь въ трехъ или четырехъ домахъ, то въ урочный день они перевозились иногда верстъ за нѣсколько, а музыкальный учитель, дававшій уроки въ окологкѣ, словно былъ обязанъ играть для танцевъ — и, развѣ уже въ случаѣ крайней усталости, его смѣняли дѣвицы и бренчали по очереди. Съ нѣкоторыхъ поръ молодежь чаще и чаще заглядывала въ Землянки, гдѣ подросло цѣлое поколѣніе невѣстъ, между которыми, безспорно, Таня была и красивѣе и образованнѣе. Но уже и въ ту эпоху господства любви, когда каждый молодой человѣкъ не считалъ предосудительнымъ страдать и вздыхать публично, и тогда уже всемогущій Гименей началъ терять авторитетъ, если дѣло касалось «презрѣннаго металла.» Ухаживать-ухаживали многіе изъ новаго поколѣнія, но жениться какъ старые, такъ и молодые рѣшались преимущественно тогда, если къ милому существительному присоединялось приличное «прилагательное». Бывали и исключенія, иногда молоденькіе офицерики, усколь-

завшіе, по стеченію какихъ нибудь обстоятельствъ, изъ подъ опеки семейныхъ властей, женились законнымъ путемъ на бѣдныхъ дѣвушкахъ, не выкрадывая ихъ изъ родительскаго дома, но подобные случаи встрѣчались рѣдко и не входили въ расчетъ, какъ положительныя надежды на сбытъ невѣсть. Вслѣдствіе разныхъ матеріальныхъ расчетовъ, нѣсколько подругъ Тани, и не красивыхъ и безъ образованія—сдѣлались поручицами и ротмистершами, а она, мимо фаланги обожателей, мимо первенства на вечеринкахъ, не находила для себя выгодной партіи. Былъ одинъ хорошій офицеръ, который любилъ ее страстно и вызвалъ со стороны дѣвушки нѣчто въ родѣ взаимности, какъ натура честная и въ высшей степени симпатичная, но, къ сожалѣнію, круглый бѣднякъ, обязанный содержать еще старушку мать, не имѣвшую пристанища. Романъ этотъ, длившійся около года, окончился тѣмъ, что офицеръ, сознавая не возможность брака и ни желая терпѣть постоянно пытку вблизи Тани, перешелъ въ пѣхоту и потерялся изъ вида къ какихъ то сѣверныхъ губерніяхъ. При разлукѣ съ нимъ Таня плакала, обѣщала помнить его, обнадеживала, что, можетъ быть, со временемъ и устроится ихъ судьба; но это говорили хорошенькія губки молоденькой дѣвушки, а сердце подавало довольно слабый голосъ. Въ числѣ ея знакомыхъ оставалось еще довольно богатенькихъ юнкеровъ и корнетовъ, увивавшихся за нею, что называется, взапуски. Мать, до слабости любившая Таню, хотя и говорила ей о необходимости выдти замужъ, однако предоставляла дѣвушкѣ полную волю выбора, и когда въ послѣднее время присватывался къ Танѣ сосѣдъ—вдовець, и небогатый, и старый, она первая отказала ему, даже не спрашивая дочери. Бѣдной женщинѣ самой казалось невозможнымъ, чтобы Таня осталась въ дѣвушкахъ. Прежде она пускала подъ рукою слухъ, что маркиза подарила ей порядочный капиталецъ, конечно рассчитывая на данное слово, но

какъ духъ скептицизма повѣялъ на жениховъ, а маркиза не отвѣчала на всѣ письма, то о значительномъ капиталѣ не было уже и помину, и Таня оставалась владѣтельницей тридцати душъ и ста двадцати десятинъ, заложенныхъ въ мѣстномъ приказѣ общественнаго призрѣнія—состояніе далеко неудовлетворительное. Съ завистью смотрѣли мать и дочь, если какая нибудь свадьба затѣвалась въ околodкѣ, и въ интимныхъ разговорахъ между собою, перебирали всѣхъ жениховъ, изъ которыхъ иные, считаясь не бѣдными, были равнодушны къ Танѣ. Но эти женихи при всей любезности не высказывались, и какъ будто не понимали краснорѣчивыхъ намѣковъ чадолюбивой Мавры Осиповны, которая пускала въ ходъ все, что было ей извѣстно по части подобной тактики. Козелкова даже прибѣгала къ содѣйствію подполковника и Бакрѣева, сперва окольными дорогами, а въ послѣдствіи прямо просила пріискать Танѣ хорошаго человѣка, выставляя на видъ свое безпомощное состояніе. И Сосуновъ, и аудиторъ изъявили свое согласіе — первый потому, что Мавра Осиповна постоянно возила его женѣ варенья, аудиторъ же по родству и, какъ онъ выразился, по христіанскому долгу. Козелкова больше полагалась на Бакрѣева и не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ.

Одинъ изъ землянковскихъ владѣльцевъ, жившій на самой границѣ, не могъ никакъ поладить съ экономіей богатаго сосѣдняго помѣщика и подвергался разнымъ нападеніямъ со стороны нѣмца — управляющаго. Напрасно обиженный подавалъ жалобы, земская полиція не обращала на нихъ вниманія и на ходатайство самого Сосунова исправникъ отозвался: «охота-де вамъ заступаться за какого-то ябедника.» Подполковникъ, конечно, не передалъ этого просителю, но изъявивъ сожалѣніе о безуспѣшности ходатайства, совѣтовалъ смириться передъ сильнымъ и тѣмъ избавиться отъ разорительнаго процесса. Не такъ посмотрѣлъ на это дѣло Бакрѣевъ. Разобравъ сущность его, пе-

речитавъ всѣ бумаги, онъ объявилъ, что процессъ у богоча можно выиграть и заставить послѣдняго заплатить протори и убытки. Разумѣется, обиженный началъ умолять аудитора взяться за тяжбу и, въ случаѣ успѣха, обѣщалъ третью часть, принимая на себя всѣ расходы. Пораздумавъ, что хозяйствомъ можетъ позаняться жена, Бакрѣевъ рѣшился ѣхать въ губернский городъ, твердо надѣясь на свои познанія въ законахъ и кое на какіе знакомства въ приказномъ мірѣ. Такъ онъ и поступилъ. Дѣло дѣйствительно было вопіющее, которое если и могло окончиться въ ущербъ обиженному, то развѣ уже на основаніи самого дикаго произвола, или за отсутствіемъ всякаго ходатайства. Но процессъ этотъ не входитъ въ предѣлы нашего разсказа, и пропустивъ всѣ подробности, могущія занять двѣ-три главы описаніемъ подъячихъ, столь уже извѣстныхъ по многочисленнымъ статьямъ, мы ограничимся нѣсколькими словами и скажемъ, что аудиторъ поставилъ очень ловко вопросъ и поворотилъ все дѣло на сторону своего довѣрителя. Бакрѣеву оставалось подождать одной необходимой окончательной справки. Воспользовавшись этимъ временемъ, онъ рѣшился съѣздить домой провѣдать семейство. По дорогѣ чрезъ штабъ — скаго полка онъ заѣхалъ переночевать къ аудитору, служившему у него нѣкогда писаремъ. Хозяинъ былъ радъ такому гостю, велѣлъ поскорѣе ставить самоваръ, очень жалѣлъ, что жена уѣхала къ роднымъ и некому приготовить хорошей закуски, но распорядился послать за травничкомъ и ромомъ, желая угостить бывшего начальника. Скоро старые товарищи закурили трубки и усѣвшись бесѣдовать. Разумѣется, на первомъ планѣ у нихъ была служба собственно по судебной части, наконецъ, когда подали самоваръ, и пуншъ задымился въ стаканахъ, Бакрѣевъ круто поворотилъ разговоръ.

— Вотъ, Павелъ Кирилычъ, сказалъ онъ, ты бы сослужилъ службу: нѣтъ ли хорошаго женишка на примѣтъ.

— Кажись, ваша падчерица еще подросточекъ.

— Не о падчерицѣ рѣчь, это еще клопъ, а у меня есть родственница—дѣвка, братъ, важная.

— Должно быть, Козелкова-съ.

— Она самая.

— О нихъ много произносятъ у насъ молодые офицера. Вѣрно, красавицы?

— Просто писаная. А какъ воспитана! Но, знаешь, приданое небольшое и женихи не являются.

— Здѣсь, Петръ Ивановичъ, не что иное, какъ судьба-съ.

— Судьба то судьба, да надо бы пособить горю. Мать стара, дѣвка на порѣ—просто кровь съ молокомъ и, кажется, желательно выйти замужъ.

— Какой дѣвицѣ не желательно! Примѣромъ у насъ полковницкая дочь—на что всего довольно, словно сыръ въ маслѣ, а и то влюбилась въ корнета Цокаля и, кажется, дѣло идетъ на ладъ.

— А онъ съ достаткомъ?

— Пятьсотъ душъ, да малый мотыга,—Боже сохрани! въ картишки отца родного проиграетъ.

— А, можетъ, остепенится.

— Конечно, бываютъ примѣры. Ахъ, да, Петръ Ивановичъ, знаете ли, у меня есть женихъ на примѣтѣ!

— Ну?

— У насъ вышла исторія. Вамъ знакомъ Емельянъ Даниловичъ Мукосѣевъ!

— Нѣтъ.

— Онъ изъ вахмистровъ—отличный человекъ—скромный и хозяйственный.

— Да вѣдь, братъ, изъ вахмистровъ,—значить, кромѣ жалованья—ничего.

— То-то и есть, что получилъ наслѣдство отъ дяди, тридцать тысячъ.

Бакрѣевъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Тридцать тысячъ? спросилъ онъ.

— Истинно такъ, самъ видѣлъ билеты.

— Павлуша, голубчикъ, вѣдь этого упускать не слѣдуетъ.

— И какъ еще не слѣдуетъ, Петръ Иановичъ. Знаете маіора Дрейцена — онъ уже захаживаетъ около Мукосѣева, — чтобъ сбыть свою бѣлобрысую дочку.

— Ишь плюгавый нѣмецъ! Ну?

— Это не удастся. Видите ли, Мукосѣевымъ завладѣлъ совершенно казначейскій писарь, помѣщаетъ его деньги и, конечно, не безъ выгоды для себя.

— А нельзя ли подать сюда этого писаря.

— И въ самомъ дѣлѣ! Эй, Живановъ!

— Сей часъ, откликнулся деньщикъ.

— Сбѣгай къ казначейскому писарю Холодовникову, знаешь? и скажи, молъ, Павелъ Кириловичъ проситъ придти по весьма нужному дѣлу, — да проворнѣй! Скажи, молъ, непременно просили.

— А что, душа Павлуша, можетъ и сварганимъ.

— Радъ бы душевно, а женихъ, скажу вамъ, больно хорошій. У насъ есть изъ вахмистровъ, такъ куда противъ него.

— А я и не слыхалъ объ этомъ.

— Да, почитай не болѣе, двухъ недѣль, какъ получилъ деньги.

— Говорили что-то осенью, да я пускалъ мимо ушей думалъ, такъ себѣ бабьи сплетни.

— Видите ли, мы прежде поговоримъ съ писаремъ, и если пойдетъ на ладъ, завтра можно будетъ и жениха позвать на закуску.

Черезъ четверть часа явился знакомый намъ казначейскій писарь въ новомъ сюртукѣ и гладко прилизанный. Онъ, однакожь, остановился у порога и проговорилъ:

— Здравія желаемъ! Зачѣмъ изволили требовать, ваше бродіе?

— Никто, любезнѣйшій, не требовалъ, отозвался хозяинъ, а вотъ пріѣхалъ прежній сослуживецъ, такъ надо поговорить кое о чемъ. Садись-ка, будешь гостемъ, пуншику напьемся.

— Много благодарю, ваше бродіе, только неловко передъ господами чиновниками.

— Э, братъ, что за церемоніи! сказалъ весело Бакрѣевъ: эти чиновники изъ тѣхъ же писарей, а дастъ Богъ, — самъ будешь аудиторомъ.

— Вашими бы устами медъ пить, ваше скобродіе.

— Однако садись. Какъ имя — отчество?

— Климъ Назаровъ — сынъ Холодовниковъ.

Много, однакоже, хозяину стоило труда усадить писаря, хотъ они еще не такъ давно были товарищами по канцеляріи. Бакрѣева уже подмывало поскорѣе приступить бы къ дѣлу, но Павелъ Кириловичъ знаками совѣтовалъ не торопиться.

— Видишь ли, дружище, началъ послѣдній: это Петръ Ивановичъ Бакрѣевъ.

— Много наслышаны.

— Они въ дружбѣ съ нашимъ оберъ-аудиторомъ, можетъ быть, и тебѣ понадобится ихъ услуга, а ты бы вотъ познакомилъ ихъ съ Мукосѣевымъ.

Писарь быстро взглянулъ на Петра Ивановича.

— Ихъ скобродію желательно позаимствоваться.

— Э, нѣтъ, любезный, мы ни у кого не заимствуемся.

— Извините, полагалъ только: потому Емельянъ Даниловичъ осчастливленъ своею судьбою.

— Ничего, ничего, тутъ дѣло другаго рода, Сказалъ Павелъ Кириловичъ. Всѣ мы, братъ, одного поля ягоды, и ты, и я и Петръ Ивановичъ, проходили службу по канцеляріямъ, такъ намъ нечего скрываться другъ передъ другомъ. У нихъ есть племянница.

— А! желаютъ сочетать законнымъ бракомъ.

— У! да какой онъ догадливый, замѣтилъ Бакрѣевъ.

Писарь улыбнулся.

— Нашему брату такъ и слѣдуетъ, сказалъ Павелъ Кириловичъ.

Холодовниковъ засмѣялся, раскрылъ уже ротъ гораздо шире послѣ подобныхъ ободрительныхъ фразъ, почувствовавъ всю важность своего значенія.

— Доложу вамъ, ваше скобродіе, Петръ Ивановичъ, что точно Емельянъ Даниловичъ не безъ нѣкоторыхъ помышленій о законномъ бракосочетаніи, потому, люди не старые; иначе, какъ сами разсудить изволите, такой важный шагъ требуетъ разсужденія въ своихъ мысляхъ.

— Это, братъ, все околичности! Ужь если мы предлагаемъ невѣсту, такъ ломаться нечего, а ты лучше скажи—можешь ли обдѣлать дѣльце, и что за труды потребуется?

— Оно точно, ваше скобродіе, мы люди маленькіе и жалованьишка не токмо, что не хватаетъ, а и всѣ посторонніе доходцы, имѣемые по милости его скобродія, г. казначея, проживаемъ.

— Мнѣ кажется такъ, вмѣшался Павелъ Кириловичъ: ты помѣщаешь выгодно капиталы Мукосѣева и получаешь отъ него награду. Хорошо. Женимъ его на племянницѣ Петра Ивановича, и ты опять останешься ворочать капиталомъ.

— Не сумлительно, ваше бродіе, что нѣкоторое время я могу имѣть доходъ, но супруга могутъ завладѣть Емельяномъ Даниловичемъ, тогда капиталъ приметъ свою очертацію.

— Ты ловкая бестія, Климъ Назарычъ, замѣтилъ Бакрѣевъ.

— Радъ стараться, ваше скобродіе!

— Мы лучше дадимъ тебѣ единовременно, а кромѣ того, назначимъ въ годъ повозки двѣ провизіи?

— Это было-бы сообразнѣе.

— Ну, такъ начинай же дѣло. А тамъ, Климъ Назарычъ, помни, что и наша денежка не щербата. Сколько тебѣ лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи.

— Десять съ хвостикомъ, ваше скобродіе.

— Ну, вотъ видишь, я при случаѣ поговорю съ оберъ-аудиторомъ, да и въ корпусномъ штабѣ перемолвлю съ кѣмъ слѣдуетъ, и это будетъ невзачетъ.

— Много благодарны. Вамъ желательно познакомиться съ Емельяномъ Даниловичемъ?

— Этого мало, а надобно, чтобъ ты его настроилъ—понимаешь?

— Какъ не понимать, ваше скобродіе. Только уже на вашей душѣ будетъ грѣхъ, если произойдетъ какое неудовольствіе касательно супружества.

— Ничего не произойдетъ. Племянница у меня дѣвка отличная, имѣнійце у нее хоть маленькое, однако деньгами можно его прекрасно поустроить.

— Деньги великое дѣло, ваше скобродіе, при томъ и Емельянъ Даниловичъ люди весьма хозяйственные. Только они, по ихъ словамъ, не думаютъ оставлять службу, а желаютъ добиться эскадрона.

— Чтожь? Можно: будущая теща займется хозяйствомъ, зятекъ пусть себѣ служить, да служить.

— А какъ, примѣрно, могу надѣяться на счетъ награды?

— Чтобъ не тянуть канители, дадимъ тебѣ пятьсотъ рублей и годовую провизію.

— Маловато, ваше скобродіе.

— Э, Климъ Назарычъ, не ломайся, братъ, сказалъ хозяинъ: пятьсотъ—деньги хорошія, при томъ же ежегодно будешь получать все готовое продовольствіе.

— Оно точно, потому разомъ сумма не маловажная, но, изволите ли видѣть, касательно полученія провизіи можетъ произойти недополученіе.

— Произойти не можетъ: теща дастъ тебѣ росписку, а мы съ Павломъ Кирилычемъ—поручители.

— Такъ и быть согласенъ, и обнадеженъ, что ваше скобродіе не позабудете шепнуть словечко г. оберъ-аудитору.

— Это своимъ порядкомъ. Ну, порукамъ что ли?

— Дѣлать нечего.

— Пошли-ка, братъ Павелъ Кириловичъ двѣ бутылки шипучки атаманскаго—разопьемъ на радостяхъ, ибо я увѣренъ, если Климъ Назарычъ возьмется за дѣло, дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Не имѣйте сумлительства, ваше скобродіе. Но слѣдуетъ соблюдать осторожность. Завтра вы познакомитесь съ Емельяномъ Даниловичемъ, якобы желательно позаимствоваться на короткій срокъ подъ залогъ имѣнья, а я, съ своей стороны, подведу статейки; потомъ можно будетъ и жениха представить невѣстѣ.

— Резонъ, тѣмъ болѣе, что у насъ скоро балъ у Сосунова.

— Не знаю, кажется по баламъ—то не охотникъ.

— Это ужъ будетъ твое дѣло уговорить.

— Постараюсь.

— А что того, сказалъ хозяинъ, я слышалъ—никакъ и здѣсь Емельяну Даниловичу находятся невѣсты.

— Это одинъ близиръ, ваше бродіе. Въ точности майоръ Дрѣцынъ призывали меня и говорили, т. е. обиняками

закидывали на счетъ разнаго прочаго, иначе, какъ сами изволите знать, — дѣло не подходящее. Оно можно имѣть разсужденіе — невѣста скобродная, и возрастъ ни чего — имъ еще двадцать пять, да видите ли, разъ — никакого вношенія и — второе возникаетъ сумлительство на счетъ карахтера — съ.

— При томъ же и лютеранскаго вѣроисповѣданія.

— Объ этомъ маіоръ тоже намѣкали, что только бѣ устроить дѣло, а православіе невѣста — принять согласны — съ.

— Признайся, ты говорилъ Мукосѣеву?

— Попрежъ меня засылали сваху, знаете Агафію Ивановну. Одначе, Емельянъ Даниловичъ, какъ есть люди осторожные, не сказали ей никакого рѣшенія, а совѣтовались со мною.

— Что-жъ ты посовѣтовалъ?

— Извѣстно, ваше бродіе, какъ пораскинувъ я умомъ разумомъ — говорилъ я Емельяну Даниловичу, что тепереча съ капиталомъ о невѣстахъ мало хлопотъ, повременить надо, да и за супругою желательно взять примѣрно какое ни на есть имѣніе съ крестьянами, аль по купечеству десятокъ, другой тысячь.

— Правда, сказалъ Бакрѣевъ, а у этой маіорской дочки, чай, и тряпья-то не имѣется?

— Истинно такъ, ваше скобродіе. Жизнь ихъ, можно сказать, при бѣдности. Извѣстно, дивизіонерскіе какіе доходы — много, много, что упряжныхъ лошадей прокормятъ эскадронные командиры. А дѣтками Богъ благословилъ: окромѣ барыш-ни еще три сынишка, по формуляру же не значится ни ка-кого родоваго имѣнія.

— Ну, такъ ты хлопочи, братъ, Климъ Назарычъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, ваше скобродіе, совѣтъ преподамъ отъ искренности, а тамъ ужъ будетъ ваше дѣло ограничить Емельяна Даниловича. При этомъ, смѣю спросить, имѣ-нійце за невѣстою кругленькое.

— Не большое, Климъ Назарычъ, но хорошо устроенное: душъ тридцать крестьянъ и десятинъ сто земли. У матери одна дочь, а мать примѣрная хозяйка во всемъ околodкѣ.

— Слушаю-съ. Примѣрно, приданное не супротивъ капитала; иначе, какъ ваше скобродіе такіе благодѣтели—обѣщали награжденіе, а болѣе того замолвите обо мнѣ словцо и г. оберъ-аудитору, я похлопочу и приложу всѣ средства.

— Спасибо, Холодовниковъ, и вотъ тебѣ, между прочимъ, красненькая.

— Помилуй-те, зачѣмъ, ваше скобродіе!

— Нѣтъ, братъ, я знаю пословицу «сухая ложка ротъ деретъ». Возьми, это не задатокъ, — успѣешь, — хорошо, не успѣешь — не разоримся.

Писарь взялъ деньги и началъ раскланиваться.

— Я сей часъ же иду къ Емельяну Даниловичу, можетъ быть, они не спятъ, и поговорю, а завтра явлюсь съ докладомъ. Счастливо оставаться.

Холодовниковъ вышелъ и отправился прямо къ Мукосѣеву. Не стану передавать ихъ интимнаго разговора, длившагося за полночь; послѣдствіемъ бесѣды было то, что аудиторъ съ Бакрѣевымъ получили приглашеніе на чай и завтракъ къ Емельяну Даниловичу. Приведя гостей и познакомивъ съ хозяиномъ, писарь отправился въ канцелярію. Бакрѣевъ началъ съ займатися тысячи рублей, которую Мукосѣевъ обѣщалъ приготовить на недѣлѣ и изъявилъ согласіе не только побывать у Петра Ивановича на хуторѣ, но и посѣтить балъ подполковника Сосунова. Рѣшено было Емельяну Даниловичу пріѣхать прямо къ Бакрѣеву, который, какъ хитрый человѣкъ, вполне раскусилъ бурбона и построилъ уже рѣшительный планъ атаки.

Оставалось только дѣйствовать. Послѣ обѣда у Павла Кирилыча, за которымъ новые знакомцы подружились, выпивъ порядкомъ, Бакрѣевъ поспѣшилъ домой, и хотъ была поздняя

нора, когда онъ проѣзжалъ мимо домика Мавры Осиповны, однако онъ заѣхалъ къ родственницѣ и по секрету сообщилъ ей о своихъ предположеніяхъ. Козелкова пришла въ восторгъ и, по уговору, не сказавъ дочери ни слова, принялась на другой день готовить ее къ достиженію цѣли, хотя и твердо знала, что Таня окажетъ не малое сопротивленіе.

Черезъ недѣлю, подъ вечеръ одного ненастного дня, по дорогѣ къ Землянкамъ проѣхало нѣсколько офицерскихъ колясокъ, тарантасовъ и телѣжекъ, запряженныхъ порядочными лошадьми въ блестящей сбруѣ и съ погремучками. Все это стремилось къ Сосунову, рассчитывая пріѣхать на канунъ именинъ, чтобы воспользоваться и протанцовать лишній вечеръ, по заведенному обычаю. Проносясь на бойкихъ рысяхъ и маршъ маршемъ, молодежь обгоняла поселянскую повозку парой, на которой возсѣдалъ, закутавшись въ теплую шинель, Мукосѣевъ, прикрывавшій полою чемоданъ съ новымъ мундиромъ и формой. Офицеры не вѣрили своимъ глазамъ, раскланиваясь съ бурбономъ; а иные даже останавливались, желая удостовериться.

— Какъ это вы, Мукосѣевъ, на балъ? отлично!

— Не хотите ли *vis - a vis*, Емельянъ Даниловичъ?

— О, да онъ отобьетъ у насъ всѣхъ хорошенькихъ.

Емельянъ Даниловичъ конфузился.

Я, признаться, господа, ѣду по дѣлу къ Петру Ивановичу Бакрѣеву, а на балъ не знаю.

— Полноте, что за пустяки!

И товарищи мчались впередъ, а Мукосѣевъ плелся въ повозчнкѣ, заботясь о чемоданчикѣ и сбрасывая съ шинели комья грязи летѣвшіе отъ колесъ и отъ пристяжной лошади.

Бурбонъ, дѣйствительно, ѣхалъ къ Бакрѣеву, потому что везъ обѣщанную тысячу рублей въ карманѣ, но нельзя сказать, чтобъ онъ исключительно преданъ былъ однимъ денежнымъ расчетамъ. Предстоявшій балъ, положимъ плохой, самая жалкая пародія — на балъ — имѣлъ для Мукосѣева, очень важное значеніе, и бурбонъ не могъ о немъ не думать безъ сердечнаго трепета, не утраченнаго еще Мукосѣевымъ, не смотря на пятнадцатилѣтнюю солдатскую службу, успѣвшую закалить его душу. Трепетъ этотъ не походилъ однакоже на дрожь передъ какимъ нибудь смотромъ или ученьемъ строгаго командира, а по сердцу Мукосѣева пробѣгало то неизъяснимое чувство, несовмѣстимое съ бурбонской натурой, какое ощущаютъ, не скажу даже юноши, но скорѣе молоденькія пансіонерки. Во всю жизнь свою Мукосѣевъ одинъ только разъ былъ на балѣ, когда провожали прежняго полковаго командира, и этотъ праздникъ, гремѣвшій до разсвѣта въ богатоубранной палаткѣ, долго не могъ изгладиться изъ его памяти. Бурбонъ провелъ всю ночь на ногахъ, смотря во всѣ глаза на хорошенькихъ барышень, одѣтыхъ въ воздушныя платья, и хотъ ощущалъ неизвѣданное удовольствіе при видѣ молодости и красоты, однако вмѣстѣ его давило и разѣдающее чувство зависти къ товарищамъ, которые, обнявъ гибкій станъ какой нибудь дѣвушки, неслись въ вихрѣ вальса. Балъ этотъ сдѣлалъ на него такое впечатлѣніе, что послѣ мерещился ему едва не каждую ночь, и бурбонъ далъ себѣ слово не ходить на танцевальные вечера въ собранія. Замѣтивъ, что и пожилые офицеры пускались въ танцы, Мукосѣевъ хотѣлъ было даже выучиться танцовать въ тихомолку, но писарь Холодовниковъ въ интимной бесѣдѣ отговорилъ его, представляя резонъ, что ему приличнѣе «солидность». Впрочемъ на бурбона не столько подѣйствовали убѣжденія писаря, сколько боязнь насмѣшекъ, и онъ покончилъ съ танцами. А его сильно подмы-

вало пройтись рука объ руку съ хорошенькой дѣвушкой, понюхать вблизи, какъ пахнетъ отъ нее духами и помадой. Каждый разъ при подобной мысли, Мукосѣеву приходила на память генеральская дочка, которая подарила ему цвѣтокъ, и порой, смотря на его строгое рябоватое лицо съ подфабренными усами и казенными бакенбардами, вамъ и въ голову не могло придти, что человѣкъ этотъ предавался мечтамъ какогонибудь молоденькаго юнкера. Закрывая полою шинели чемоданъ и отбрасывая комья грязи, Мукосѣевъ думалъ о предстоящемъ балѣ у подполковника, на который молодежь собиралась еще недѣли двѣ назадъ, гдѣ предстояло встрѣтить нѣсколько хорошенькихъ. Сперва Емельянъ Даниловичъ хотѣлъ было ѣхать послѣ именинъ Сосунова, но писарь убѣдилъ, что почему же человѣку въ его званіи и съ такимъ капиталомъ не посмотрѣть другихъ и себя не показать, что за обѣдомъ будутъ подавать шампанское и сахарныя пирамиды съ вензелями. Весь вечеръ наканунѣ отъѣзда Мукосѣевъ не отпускалъ Холодовникова и искусно, на сколько хватало у него дипломатіи, спрашивалъ какъ ему вести себя съ дамами, полагая, что Климъ Назарычъ хоть и нижній чинъ, однако по званію писаря все же больше имѣлъ понятія объ обращеніи съ женщинами, нежели онъ по званію вахмистра.

— Точно, в. бродіе, говорилъ ему Холодовниковъ, это особь-статья съ женскимъ поломъ, такъ что иной разъ легче настрочить какойнибудь рапортъ начальнику дивизіи. Сидишь, случается, дуракъ дуракомъ передъ хорошенькой дѣвицей и не знаешь куда руки дѣвать, что болтнуть языкомъ.

— Это мнѣ и страшно, Климъ Назарычъ; съ руками то еще кое-какъ, а вотъ проклятой языкъ...

— Да вы только смѣйтесь, Емельянъ Даниловичъ. Женскій полъ это очинно любить.

— Что же имъ говорить-то?

— Каплименты примѣрно. Только смотрите, в. бродіе, осторожниѣе — не сядьте на платье, не наступите на ногу.

— Ну, это уладимъ. А на счетъ каплиментовъ.

— Тоже особъ статья. Примѣрно понравится барышня, — ей можно сказать «вы сударыня, пронзили мое сердце стрѣлою».

— А непременно развѣ сударыня?

— Нѣтъ, офицеры говорятъ больше «мадамъ» и «мамзель», но, знаете, иногда можно сбиться.

— Что же тутъ сбиваться! Мамзель — это всякъ знаетъ и какъ то политичнѣе.

— Точно в. бродіе, образованиѣе. Ну, можно и «мамзель». А не то можно ей сказать: «вы, мамзель, не танцуете, а летаете во воздуху».

— Э, братъ, гдѣ съ этими тонкостями! боюсь опростоволоситься. Нѣтъ я каплиментовъ говорить не буду. А примѣрно уронить платокъ.

— Поднять, расшаркаться и подать.

— Что же говорить при этомъ?

— Ничего ни говорите. Она сама поблагодарить.

— Ну, а за обѣдомъ, говорятъ, надо прислуживать.

— Можно и прислуживать, если сидишь рядомъ.

— Боюсь, братъ Климъ Назарычъ, вотъ какъ боюсь! А тутъ еще наши офицерики на смѣхъ подымутъ.

— И, в. бродіе, теперь каждый знаетъ, что у васъ капиталъ! Сегодня же вѣдь ротмистръ, Жемковъ, просилъ полтараста, а вѣдь это не зубоскалъ какой нибудь. Да сами принаравливайтесь, в. бродіе, какъ дѣлаютъ офицеры, такъ и вы.

— А чортъ ихъ услѣдить, что они дѣлаютъ, они съ измальства привыкли.

— Не святые же горшки лѣпятъ, в. бродіе.

— Оно такъ, а все не хотѣлось бы опростоволоситься. Теперича, примѣромъ, откеременовавшись, если просить садиться, надобно и садиться прямо.

— Нѣтъ, в. бродіе, надобно сказать: «не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ». Просить ли, не просить садиться, а сказать это слѣдуетъ по политикѣ.

— А послѣ?

— Послѣ—ничего—можно и садиться.

— Послушай, Климъ Назарычъ: правую руку я думаю за лацканъ, какъ дѣлають офицеры.

— Чтожъ и за лацканъ! оно красивѣе. А еще лучше какъ штабсъ-ротмистръ Мокрецовъ, тѣ, когда разговариваютъ съ барышнями, такъ постоянно играютъ кистями этишкетъ. Очень великотно, Емельянъ Даниловичъ.

Получивъ подобныя неопредѣленныя наставленія, Мукосѣевъ съ большой робостью мечталъ о предстоявшемъ балѣ, и боязнь эта тѣмъ болѣе имъ овладѣвала, что, чувствуя себя человѣкомъ денежнымъ, а слѣдовательно и не безъ нѣкаго вѣса, онъ считалъ себѣ вправѣ раздѣлять и удовольствія общества. Слова нѣтъ, что въ промежуткахъ, когда обаяніе капитала придавало ему хоть въ собственныхъ глазахъ кое какія достоинства, отдаленная надежда манила Емельяна Даниловича, что, можетъ быть, какая нибудь хорошенькая барышня, узнавъ, что онъ за человѣкъ, захочетъ поговорить съ нимъ, но подобныя утѣшительныя фантазіи вскорѣ поглощались безпощадной мыслью: «а какъ я сробѣю и осрамлюсь!» И не смотря на гадкую дорогу и на утомленныхъ лошадей, Мукосѣеву путь показался очень короткимъ, какъ это бываетъ со всѣми, кто у цѣли ждетъ чего нибудь неизвѣстнаго и въ разныхъ видахъ представляетъ себѣ это неизвѣстное.

Вечерѣло. Обнаженная дикая степь начала принимать овра-

жистый характеръ и возница Мукосѣева обратился къ поручику.

— Вонъ , вонъ видны Землянки! сказалъ онъ, указывая вдаль кнутовищемъ.

— Какія Землянки?

— А такъ зовутъ панскіе хутора.

— Значить скоро—пріѣдемъ.

— Ого! Вѣдь вамъ къ аудитору?

— Да.

— Это еще хуторами версть семь добрыхъ будетъ.

— А подполковникъ?.

— Тамъ же и подполковникъ , и глухая ротмистерша, и поручикъ Тулумбасовъ.

— Ты, смотри, вези прямо къ аудитору.

— Извѣстно в. б—іе къ Петру Ивановичу Бакрѣеву. Мы туда часто возимъ. У него племянница есть, добрая барышня, такъ ахвицера частенько наѣзжаютъ.

— И хорошенькая?

— Просто писанная картинка , в. б—іе. Она приходится дочка — глухой ротмистершѣ, а Петру Ивановичу, значить, племянница.

— Богатая?

— Кто ихъ знаетъ! Хуторъ плюгавый, мы поѣдемъ мимо. Ну, да батенька ихъ былъ волостнымъ командиромъ, должно быть нажился. На немъ, правда, былъ начеть, да вѣдь съ деньгами дѣла обдѣлывать можно.

— Такъ эта барышня живетъ не у аудитора?

— Никакъ нѣтъ, в. б—іе, а завсегда бываетъ.

— И наши офицеры, говоришь, наѣзжаютъ?

— О, сколько ихъ было. Поручикъ Лымаревъ хотѣлъ сватать, да что-то не сошлись, Богъ ихъ знаетъ, а подалъ переводъ.

— А теперь никто не сватаетъ?

— Не могу знать. А ужь барышня! лучше ее нѣтъ, да и танцуетъ чище всѣхъ. Обучалась, говорятъ, за границей.

— Ты же какъ видѣлъ?

— Помилуйте, в. б—іе. Вездѣ на балахъ у помѣщиковъ мы смотримъ, лѣтомъ въ окны, а зимою изъ прихожей, — позволяютъ. Простаго народу наберется толпа въ прихожей, — лакеи, кучера, горничныя, и смотримъ, только не ругайся, не балуй, да не кури трубки. Вотъ у насъ въ полку, въ танцахъ, супротивъ юнкера Турчаева нѣтъ никого, и изъ офицеровъ — никто не выйдетъ, даже самъ Мокрецовъ. Еще кад-рель многіе господа хорошо танцуютъ, — а въ вальцѣ всѣхъ за поясъ заткнетъ.

Сердце Мукосѣева сжалось болѣзненно при мысли, что какой нибудь мальчишка, юнкеръ, котораго онъ имѣлъ право посадить подъ арестъ, и тотъ игралъ видную роль, между тѣмъ какъ поручикъ, вѣрой и правдой заслужившій эполеты, не умѣлъ сказать въ обществѣ слова, не можетъ ступить ногою въ танцахъ.

— Ну, пошелъ скорѣе! сказалъ онъ сердито и закутываясь въ шинель.

По дорогѣ начали мелькать хуторки, и скоро Мукосѣевъ подѣхалъ къ порядочной усадьбѣ, господскій домъ которой весь освѣтился огнями.

— Вотъ подполковникъ, должно быть много гостей, сказалъ извозчикъ.

— А гдѣ же аудиторъ?

— Вонъ, полумашина съ ободреннымъ крыломъ — версты полторы. А вотъ гдѣ вербы, тутъ живетъ глухая ротмистерша.

— Проѣзжая мимо, Мукосѣевъ, по чему то, обратилъ особенное вниманіе на домикъ глухой ротмистерши, у воротъ котораго стояла бриченка, запряженная парой.

— Стало быть ѣдутъ къ подполковнику, замѣтилъ извозчикъ.

— Пошелъ однакожь поскорѣе, чтобъ намъ застать аудитора дома.

— Неразминемся, будетъ ѣхать сюдаже. Никакъ и в. б—іе къ подполковнику.

— Еще посмотримъ.

Извозчикъ подогналъ усталыхъ лошадей, и черезъ четверть часа, Мукосѣевъ остановился предъ крыльцомъ небольшого, чистенькаго домика, въ сѣняхъ котораго, показался самъ Петръ Ивановичъ въ халатѣ изъ мерлушекъ, съ длиннымъ чубукомъ, и радушно привѣтствовалъ гостя. Емельянъ Даниловичъ вылѣзъ изъ повозки, велѣлъ нести за собою чемоданъ и околотивши грязь съ шинели и сапогъ, подошелъ къ хозяину.

— Мое почтеніе, Петръ Ивановичъ, не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Помилуйте, я ждалъ васъ. Милости просимъ, будьте какъ дома.

— А вотъ укажите только гдѣ сложить экипажъ (по солдатски пожитки), а мнѣ больше ничего не нужно.

— Вамъ приготовлена комната, и все, какъ слѣдуетъ. Ну раздѣвайтесь же и пойдѣмъ съ дороги чай пить, да надобно и къ подполковнику.

— Туда очень много понаѣхало.

И еще разъ отерши сапоги въ передней, Мукосѣевъ, робко вступилъ въ залу, гдѣ накрытъ былъ столъ для чаю и хозяйка сутилась возлѣ самовара. Бакрѣевъ подвелъ къ ней поручика.

— Рекомендую, душка, гость, о которомъ говорилъ.

— Честь имѣю керемендоваться, поручикъ Емельянъ Даниловичъ, сынъ Мукосѣевъ.

— Очень пріятно. Много наслышана.

— Прошу любить и жаловать. Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Напротивъ, мы очень рады.

— Извините, что въ старомъ сюртукѣ—дорога такая грязная.

— Ничего, ничего, вотъ къ сосѣду вечеромъ можно примундириться, а у насъ все по просту.

Мукосѣевъ усѣлся, и только что собирался приняться за чай, какъ въ залу вошла дочь хозяйки, дѣвочка лѣтъ тринадцати, и бурбонъ счелъ обязанностью вскочить и расшаркаться.

— Это наша дочь, сказалъ Бакрѣевъ.

— Имѣю честь кеременоваться, поручикъ Емельянъ Даниловичъ, сынъ Мукосѣевъ, прошу любить и жаловать, проговорилъ бурбонъ скороговоркою.

Дѣвочка сдѣлала ему реверансъ и покраснѣла.

— Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Да что вы съ ней церемонитесь, Емельянъ Даниловичъ, она еще ребенокъ, пейте ка чай, да не прикажите ли кизлярки?

— Нѣтъ не хочу, будетъ смердѣть въ обчествѣ.

— Какъ угодно. Да намъ и медлить нечего, напьемся чаю и маршъ; знаете, между народомъ будетъ веселѣе.

— Надо надѣть мундиръ, я полагаю.

— Можно въ сюртукѣ.

— Нѣтъ, на первый разъ, говорятъ, надо, а рейтузы сойдутъ и полуновые: я такъ надѣвалъ и въ дорогу.

— Вечеромъ никто не замѣтитъ.

— Одначе прежде надо бы потолковать о дѣлѣ: я привезъ, что вы желали.

— Благодарю васъ. Знаете ли, Емельянъ Даниловичъ, что мнѣ уже миновала надобность, я уладилъ дѣло.

— Какъ теперича? деньги не нужны?

— Могу обойтись. Мнѣ только пріятно, что нашелся добрый человѣкъ, который довѣряетъ. Надѣюсь, въ другой разъ не откажете.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, говорилъ Мукосѣевъ, весело посматривая на аудитора и сразу возымѣлъ высокое мнѣніе о человѣкѣ, который отказывался отъ денегъ.

— Вотъ жена, послалъ намъ Богъ знакомаго, и отличный офицеръ, и денежный, да кромѣ того добрый человѣкъ — сей часъ готовъ выручить изъ бѣды.

— Помилуйте, мы съ нашимъ удовольствіемъ, завсегда.

— Семейные? Спросила хозяйка, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя ей очень хорошо было извѣстно, зачѣмъ бурбона вытащили въ Землянки.

— Никакъ нѣтъ.

— А чтожъ? Теперь самая пора обзавестись супругой. Въ молодая лѣта жениться просто не слѣдуетъ, никакого невыходить толку. То ли дѣло мужъ пожилой, опытной, — и поучить, и побалуешь, и остережетъ.

— Страшно, сударыня, особенно нашему брату: какъ его приступить.

— Да помилуйте, чего тутъ приступать: каждая порядочная мать отдастъ за васъ дочку съ руками и съ ногами, если узнаетъ что вы за человѣкъ.

Бурбонъ улыбнулся.

— Я самъ думаю, что не обижалъ бы жену.

— Нельзя же, замѣтилъ Бакрѣевъ, безъ строгости, мужъ на то глава; но должно помнить, что жена не скотина какая нибудь, надо имѣть чувствіе.

— Безъ чувствія нельзя-съ, протговорилъ Мукосѣевъ ободренный такимъ пріятнымъ разговоромъ: въ писаніи сказано «блаженъ еще и скоты милуетъ». Дѣло другое, жена провинилась, надо поучить, а поступаетъ по закону, должно любить.

— Мнѣ кажется вы будете любить свою супругу, сказала хозяйка.

— Не могу знать. Кажись любилъ бы.

— Однако, Емельянъ Даниловичъ, пейте чай да пора одѣваться: ѣдемъ къ подполковнику, сказалъ аудиторъ. Тамъ увидите нашихъ землянковскихъ барышень. Только у насъ нѣтъ богатыхъ невѣстъ.

— Не въ богатствѣ счастье, а главное чтобъ найти вѣрнаго друга, замѣтила Бакрѣева и съ особеннымъ чувствомъ посмотрѣла на Емельяна Даниловича.

Окончивъ стаканъ чаю и поблагодаривъ хозяевъ «за угощеніе» бурбонъ, по указанію Петра Ивановича, отправился въ свою комнату, гдѣ ожидалъ его комнатный мальчикъ. Емельяну Даниловичу никто никогда не прислуживалъ, даже деньщикъ, который только обязанъ былъ вычистить сапоги, и присутствіе посторонняго лакея сильно смущало Мукосѣева, но изъ боязни поступить противъ правилъ общежитія онъ не отсылалъ мальчика, которому не зналъ какое поручить занятіе. Скинувъ сюртукъ и добывъ ключъ, привязанный къ ладонкѣ, Мукосѣевъ отперъ свой чемоданъ, вынулъ мундиръ, нацѣпилъ форму, переложилъ деньги, и пошелъ одѣваться. Ему показалось красивѣе оставить лацкана открытыми. Черпнулъ онъ порядочное количество помады изъ синей банки, намазалъ голову и пригладилъ короткіе волосы роговой гребенкой. Нѣсколько минутъ Мукосѣевъ не рѣшался въ выборѣ между новыми и мытыми перчатками, наконецъ склонился въ пользу послѣднихъ, рассчитывая надѣть чистыя къ завтрашнему балу, а цвѣтной бумажный платокъ, въ родѣ фуляра напыскалъ *ладикалономъ*. Хотя Мукосѣевъ курилъ изъ коротенькой трубочки преимущественно махорку, но имѣлъ на всякій случай перцовый чубучекъ и четвертку Жукова, изъ которой и отсыпалъ нѣсколько въ ситцевый кисетъ съ разноцвѣтными

по угламъ кисточками. Пока онъ собирался, запералъ чемоданъ и складывалъ бережно сюртукъ на диванчикъ, къ нему вошелъ Бакрѣевъ совсѣмъ одѣтый, съ длиннымъ чубукомъ и съ шолковымъ кисетомъ на пуговицѣ.

— А! вы уже готовы.

— Точно такъ.

— Да какимъ молодцомъ! Духи такъ и воняютъ на всю комнату. Настоящій женихъ.

— Какъ же-съ. Надобно напрыскаться, говорятъ, барышни очинно любятъ это.

— Да вы, какъ я вижу, большой охотникъ до барышень.

— Что жь! посмотрѣть не мѣшаетъ.

— Посмотрите, посмотрите. Ну, такъ ѣдемъ! Эй, узнай— поданы ли лошади?

Мальчикъ побѣжалъ и возвратился съ отвѣтомъ, что лошади у крыльца.

— Ёдемъ, Емельянъ Даниловичъ, пора. Сегодня жена останется дома, а завтра уже на парадный балъ и ее возьмемъ съ собою.

Черезъ полчаса аудиторъ съ Мукосѣевымъ подъѣзжали къ дому подполковника. На дворѣ стояло довольно экипажей. Окны вездѣ были освѣщены; пріѣзжіе кучера, лакеи и горничныя, переносили постели, сундуки и чемоданы. Въ передней тоже толпилась прислуга. Въ залѣ слышался веселый говоръ, и Емельянъ Даниловичъ «сробѣлъ маленько» при мысли предстать предъ многочисленное общество.

— Ужъ вы пожалоста, Петръ Ивановичъ, откеремендуйте меня г. подполковнику и ихъ супругѣ.

— Объ этомъ не безпокойтесь.

И аудиторъ ввелъ своего спутника въ залу, по которой группами ходили дѣвицы въ сопровожденіи юнкеровъ и офицеровъ. Не смотря почти на отсутствіе освѣщенія—четыре или

пять свѣчей, торчавшихъ на столикахъ, едва озаряли большую комнату — Мукосѣеву, привыкшему довольствоваться салнымъ огаркомъ, показалось, что онъ вошелъ въ какіе то волшебные чертоги. Онъ не зналъ какою ступать ногою, потому что боялся зацѣпить кого нибудь, и напервыхъ же порахъ заявить свою бурбонскую неуклюжесть. Къ счастью въ это время изъ гостиной показался Сосуновъ и привѣтствовалъ аудитора съ улыбкой, что дѣлалъ всегда, хотя и недолюбливалъ послѣдняго.

— Вотъ мой гость, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Г. подполковникъ, имѣю честь керемendоваться поручикъ Емельянъ Даниловъ, сынъ Мукосѣевъ. Прошу любить и жаловать.

— Очень радъ.

— Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

— Помилуй, братецъ, видишь сколько у меня гостей.

— Имѣю честь проздравить съ будущими именинами.

— Много обязанъ. Прошу быть безъ церемоніи. Вы Петръ Ивановичъ, пососѣдски, озаботьтесь о дорогомъ гостѣ.

И Сосуновъ ушелъ дальше, а Бакрѣевъ повелъ бурбона въ гостинную, гдѣ представилъ его подполковницѣ. Тамъ же на диванѣ сидѣла и Козелкова. Хозяйка обошлась съ новымъ гостемъ церемонно, вѣжливо и указала мѣсто возлѣ себя. Мукосѣевъ сторѣлъ со стыда и хотъ проговорилъ уже завѣтную фразу, однако подумывалъ — не сказать ли еще: «покорно благодаримъ — насидѣлся въ дорогѣ». Петръ Ивановичъ показалъ ему знакомъ, чтобъ сядилса.

— Вы изъ танцующихъ, или играете въ карты? спросила Сосунова.

— Емельянъ Даниловичъ не охотникъ до танцевъ, а въ карты никогда не играетъ, поспѣшилъ отвѣчать Бакрѣевъ, видя замѣшательство своего товарища.

— Такъ вамъ у насъ будетъ скучно, продолжала хозяйка, обращаясь къ Мукосѣеву.

— А я посмотрю, сударыня.

Козелкова постоянно наставляла ухо, чтобъ не терять нити разговора, и какъ собесѣдники имѣли привычку выражаться громко, то ей и нечего было бояться за свою легкую глухоту.

— Вы еще человѣкъ не старый, отозвалась она, почему бы вамъ и не танцовать.

— Съ измальства не обучался, отвѣчалъ Мукосѣевъ и за-вертѣлся на одномъ мѣстѣ, посматривая на Бакрѣева какъ на единственнаго спасителя.

— Это, Емельянъ Даниловичъ, моя родственница Мавра Осиповна Козелкова, а вамъ Мавруша, рекомендую моего пріятеля, о которомъ уже докладывалъ.

— Очень рада съ вами познакомиться. Мой мужъ тоже служилъ въ полку.

Мукосѣевъ хотѣлъ было встать «керемендоваться», но Петръ Ивановичъ удержалъ его за руку.

— А гдѣ же Таня? Я въ залѣ ее не видалъ, сказалъ аудиторъ.

— Вѣрно гдѣ нибудь съ барышнями заболталась.

Хозяйку вызвали по поводу какихъ то распоряженій, а Мавра Осиповна принялась за Мукосѣева, подсѣвъ къ нему по ближе и усадивъ съ другой стороны родственника. Бѣдному бурбону, разнѣжившемуся отъ привѣтливости новыхъ знакомыхъ, и въ голову не приходило, что причиной этой пріязни были его тридцать тысячъ, которыми рѣшились овладѣть во чтобы то нистало.

— Я надѣюсь, Емельянъ Даниловичъ, что вы пожелаете и ко мнѣ въ домъ съ Петромъ Ивановичемъ.

— Очинно пріятно, только боюсь—не разсердился бы эскадронный командиръ,—онъ меня отпустилъ только на два дня.

— Ну, гдѣ два, тамъ и три, замѣтилъ Бакрѣевъ, при томъ же вы не часто уѣзжаете.

— Еще первый разъ за всю службу.

— Вотъ видите ли! Мнѣ братецъ Петръ Ивановичъ много о васъ сказывали.

— Я съ нашимъ удовольствіемъ.

— А вотъ и моя дочь! Таня, поди сюда!

Барышни проходили черезъ гостинную.

Красивая стройная дѣвушка отдѣлилась отъ нихъ и подошла къ Козелковой. Она была одѣта бѣдно, почти безъ вкуса, но все выкупалось ея изящной особой. Украдкой взглянувъ на незнакомаго офицера, Таня остановилась возлѣ матери.

— Это, душенька, пріятель дяденьки.

— Имѣю честь, мамзель, кеременоваться поручикъ Емельянъ Даниловъ сынъ Мукосѣевъ, прошу любить и жаловать, сказалъ бурбонъ, вставъ со стула и расшаркиваясь.

— Очень рада.

— Не обезпокоилъ ли я васъ своимъ посѣщеніемъ?

Дѣвушка во всѣ глаза посмотрѣла на бурбона.

— Емельянъ Даниловичъ и къ намъ обѣщалъ пріѣхать.

— Милости просимъ.

Не нужно было много наблюдательности, чтобы замѣтить перемѣну на лицѣ Мукосѣева. Онъ въ жизнь не видѣлъ подобной красавицы, передъ которой на его памяти, разомъ стушеввалась даже генеральская дочка, подарившая ему цвѣтокъ. Лицо Тани выражало скуку, и дѣвущкѣ хотѣлось поскорѣе въ залу, откуда несся веселый говоръ молодежи.

Въ гостинную вошелъ офицеръ изъ тогдашнихъ шикаровъ съ завитыми волосами, въ такъ называемыхъ бальныхъ т. е. неформенныхъ эполетахъ и со шпорами о двухъ репейкахъ, отъ котораго на всю комнату понесло острымъ запахомъ пачули. Онъ прямо направился къ Танѣ.

— Татьяна Николаевна сегодня совершенная невидимка сказала онъ и брызнулъ звенящими шпорами.

— Приѣхали Салошины, такъ я съ ними разговаривала, — давно не видались.

— И по этому лишили всѣхъ удовольствій пользоваться вашимъ обществомъ, проговорилъ шикаръ, подбочениваясь.

Таня улыбнулась.

— А! Мукосѣевъ! продолжалъ франтъ: какъ это вы попали на балъ?

— Приѣхалъ по дѣлу.

— Что-жь будемъ танцовать? Видите, мало кавалеровъ.

Бурбонъ принужденно засмѣялся.

— Съ нашимъ бы удовольствіемъ, да я не танцую.

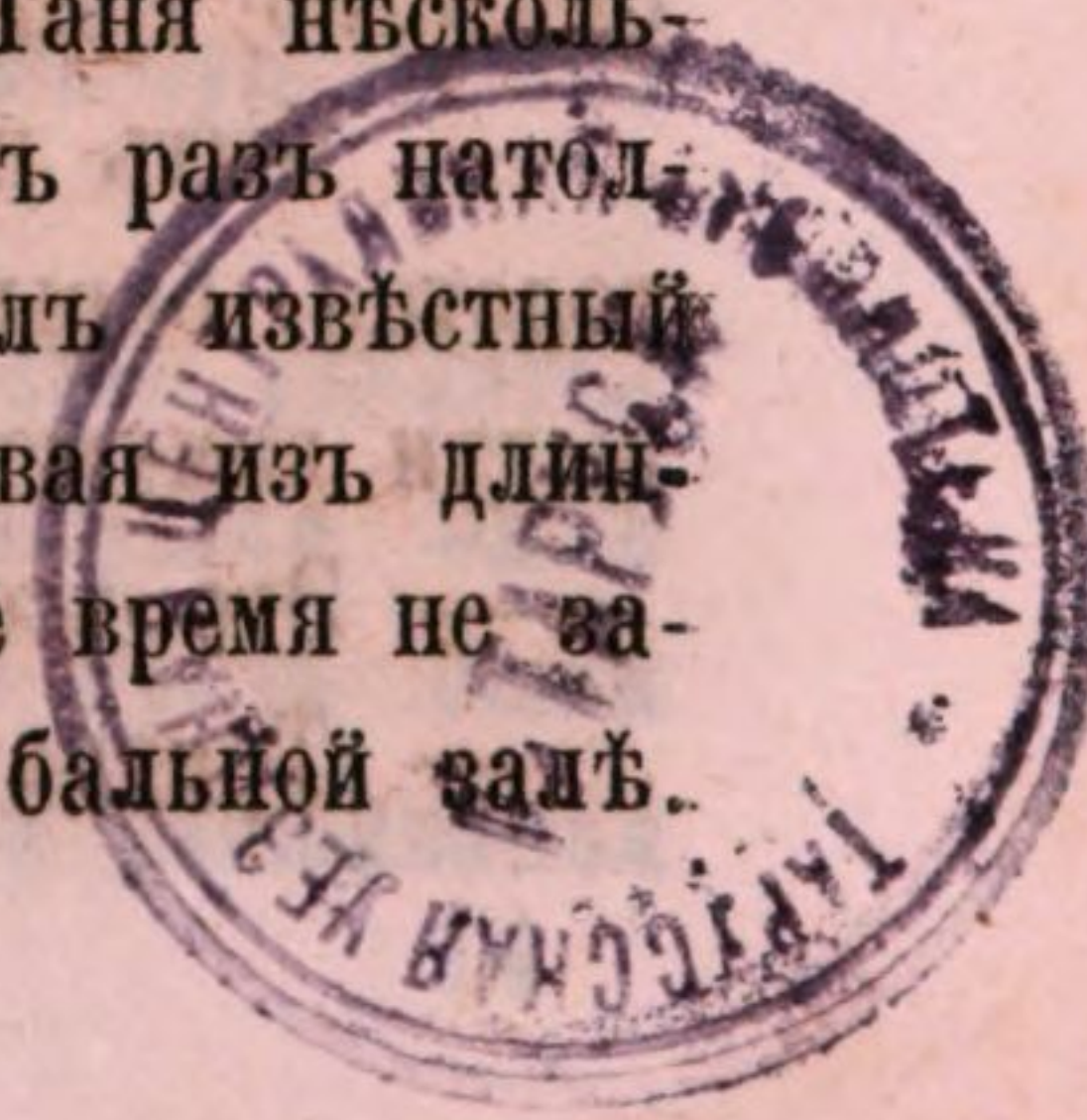
— Барышни научатъ, замѣтилъ франтъ, разсмѣявшись.

Бакрѣевъ догадался, что его protégé угрожало какое нибудь неловкое положеніе, и хотъ онъ былъ человѣкъ необразованный, однако смѣкнулъ въ чемъ дѣло.

— Танцуйте ужъ вы, молодежь, сказалъ онъ, а мы съ Емельяномъ Даниловичемъ посмотримъ, да полюбуемся.

Пользуясь случаемъ, Таня ускользнула въ залу.

Между тѣмъ молодежь уже начала распускать барышнямъ вѣсть, что приѣхалъ бурбонъ, надъ которымъ можно будетъ позабавиться. Барышни обрадовались случаю и начали путешествіе мимо двери гостиной, чтобы разсмотрѣть любопытную личность, а юнкера и офицеры, увивались за ними, рассказывая разные анекдоты о свѣткости Емельяна Даниловича и передали его эпизодъ съ генеральской дочкой. Таня нѣсколько тревожная и разсѣяннѣе обыкновеннаго, какъ разъ натолкнулась на группу дѣвицъ съ которыми ходилъ извѣстный ловеласъ, штабсъ-ротмистръ Мокрецовъ, покуривая изъ длиннаго черешневаго чубука, что въ то блаженное время не за-прещалось и въ обществѣ жинщинъ и въ самой балльной залѣ.

Нѣкоторые либералки изъ барышень, иной разъ украдкой отъ маменекъ просили у кавалеровъ затануться, а инья умѣли даже пускать дымъ колечками изъ своихъ хорошенькихъ губокъ. Тогда еще папирось никто не зналъ, и прекрасный полъ, нѣсколько эманципированный, покуривалъ въ тихомолку трубочку, несмотря на запрещеніе родителей. Штабсъ-ротмистръ преслѣдовалъ дѣвицъ, между прочимъ, какъ видно, въ ожиданіи Тани, потомучто едва послѣдняя показалась на порогѣ, какъ онъ, ловко выдернулъ фуляръ, отеръ мундштукъ и поднесъ ей съ улыбкой.

— Не прикажете-ль?

— Ахъ, что вы? Замѣтятъ.

— Вы такъ искусно надуваете всѣхъ, что ни кто и не замѣтитъ.

— Это каламбуръ?

— Ха, ха, ха! Вы проведете хоть кого.

— Нѣтъ, боюсь...

— А кого вы ищете своими хорошенькими глазками.

— Вотъ пустяки. Никого.

— Въ кабинетъ?

— Отвяжитесь.

— А что, *machère*, вы видѣли бурбона, — спросила Таню одна молоденькая дѣвица.

— Видѣла. Бурбонъ, какъ бурбонъ.

— А знаете ли, подхватилъ одинъ развязный юнкеръ, привлеченный появленіемъ Тани, этотъ бурбонъ получилъ наслѣдство тридцать тысячъ.

— Быть на можетъ! Быстро воскликнула довольно зрѣлая толстая барышня, которой давно уже хотѣлось и пора было выдти замужъ.

— Это всему полку извѣстно.

— Тридцать тысячъ! сказала въ свою очередь Таня.

— Капиталь порядочный, замѣтилъ Мокрецовъ и попалъ онъ въ порядочныя руки, можно бы зажить припѣваячи.

— Онъ не пьетъ? спросила толстая барышня.

— Кто, бурбонъ? Развѣ на чужія деньги. Помилуйте, онъ скупъ до невѣроятности, сказалъ юнкеръ. Недавно одинъ товарищъ, богатый человѣкъ, просилъ у него займы сто рублей, такъ отказалъ.

— У насъ ужъ нѣкоторые теплые ребята хотѣли выучить его играть въ карты, такъ не поддается, сказалъ улыбаясь Мокрецовъ. Покрайней мѣрѣ деньги достались бы порядочнымъ людямъ, а то судите сами — околѣетъ, и всѣ тридцать тысячъ уйдутъ къ чорту.

— А, можетъ быть, онъ женится, замѣтила толстая дѣва.

— Развѣ ктонибудь женить, отозвался Мокрецовъ и захохоталъ въ качествѣ полковаго остряка, при каждомъ словѣ котораго товарищи обыкновенно разражались смѣхомъ, — думая, что онъ непременно чтонибудь «сморозитъ».

— Конечно съ деньгами не трудно жениться, замѣтила Таня, понимавшая житейскія отношенія.

— Да вѣдь кто же порядочный пойдетъ за бурбона! сказалъ Мокрецовъ, повертываясь на одной ножкѣ.

— За примѣрами ходить не далеко отвѣчала толстая дѣва: вотъ Лиденька вышла же за Рукавицина, тоже изъ писарей, — Груша вышла за Слабокишкина — бурбонъ, — а посмотрите — какія барыни!

— Помилуйте, сказалъ нѣсколько обиженнымъ тономъ Мокрецовъ: уже одно то, что жить съ необразованнымъ чурбаномъ.

— А если нѣтъ жениховъ образованныхъ?

При этомъ молодыя барышни сочли обязанностью удалиться, потомучто въ естественномъ вопросѣ толстушки было много щекотливаго. Дѣйствительно офицеры не прочь были ухаживать за землянковскими дѣвицами, однако ухаживанья

эти не влекли за собой никакихъ важныхъ послѣдствій. Самъ Мокрецовъ почувствовалъ неловкость положенія, — и вышелъ въ переднюю вычистить и набить трубку.

Въ это время въ залѣ раздались звуки разбитаго фортепьяно, на которомъ забренчалъ музыкальный учитель околодка. Дѣвицы усѣлись по мѣстамъ, кавалеры бросились къ фуражкамъ за перчатками, и скоро затѣялись деревенскіе танцы.

Атакованный съ одной стороны Маврой Осиповной, а съ другой аудиторомъ, Мукосѣевъ находился въ какомъ то странномъ для него состояніи. Козелкова хоть и недослышивала, однако помѣстилась близко къ бурбону и вызывала его на интимные разговоры, а Бакрѣевъ яркими красками описывалъ жизнь въ отставку и семейное счастье. Емельянъ Даниловичъ подъ вліяніемъ этой бесѣды и новой для него обстановки, началъ мало по малу ощущать какую то сердечную теплоту, разлившуюся внутри его неизвѣданнымъ наслажденіемъ. Стройная фигура Тани такъ и рисовалась въ его воображеніи, и бурбонъ, по обыкновенію, не краснорѣчивый, еще больше сбивался въ своихъ отвѣтахъ. Самые плохіе духи, которыми напрысканъ былъ платокъ молодой дѣвушки, произвели на него одуряющее дѣйствіе.

На бѣду Мавры Осиповны вѣсть о присутствіи холостаго обладателя тридцати тысячъ успѣла уже облетѣть всѣ углы дома, и къ Козелковой повидимому, но въ дѣйствительности къ бурбону, подсѣло нѣсколько чадолюбивыхъ маменекъ. Завязался общій, ни для кого не интересный разговоръ, но Бакрѣевъ, предчувствуя, что со временемъ могла возникнуть какая нибудь конкуренція, предложилъ бурбону пойти затянуться и посмотреть на танцы. Бурбонъ тотчасъ же вскочилъ, обрадовавшись случаю увидѣть хорошенькихъ барышень, въ особенности Таню.

Нѣсколько паръ кружилось по залѣ, въ которой трубочный

дымъ ходилъ облаками , такъ что свѣчи мерцали , словно въ туманѣ. Протанцовавъ нѣсколько туровъ съ Мокрецовымъ , Таня опустилась на стулъ у двери гостиной. Она покраснѣла и едва переводила духъ , а передъ ней уже стояли нѣсколько кавалеровъ и ожидали завидной очереди. Впереди всѣхъ рисовался молоденькій юнкеръ , съ которымъ она и пошла танцовать , отдохнувъ съ минуту.

— Славная дѣвка ваша племянница , Петръ Ивановичъ , сказалъ не смѣлымъ голосомъ Мукосѣевъ.

— Да , а—вотъ нѣтъ судьбы. Находятся женихи , но все не по мысли.

— Имъ примѣрно который годочекъ?

— А я думаю девятнадцать.

— Пора-съ. Они вѣрно очень хорошо воспитаны.

— Даже слишкомъ хорошо, Емельянъ Даниловичъ.

— Видно охотницы танцовать.

— Всѣ онѣ охотницы, пока въ дѣвушкахъ , а выйдутъ замужъ , тогда другія заботы.

— Точно такъ.

Таня еще болѣе усталая , снова усѣлась на прежнемъ мѣстѣ. Петръ Ивановичъ подошелъ къ ней.

— Что , весело ? спросилъ онъ , взявъ ее за подбородокъ.

— Не очень, дяденька , а вотъ завтра привезутъ музыку , можетъ , будетъ веселѣе.

— Танцуй же , а мы съ Емельяномъ Даниловичемъ полюбуемся.

Таня посмотрѣла на бурбона и замѣтила , что онъ не спускалъ съ нее глазъ и стоялъ вытянувшись , какъ во фронтѣ. Ей любопытно было пристальнѣе взглянуть на человека , которому съ неба свалились тридцать тысячъ , потому что , правду сказать , въ гостиной она его и не замѣтила. Встрѣтивъ испытующій взоръ дѣвушки , бурбонъ почувствовалъ неловкость

и началъ переминаться на мѣстѣ, при томъ же его тревожила мысль — не нашла ли она въ немъ чего нибудь смѣшнаго, — и вотъ захохочетъ: но безпокойство Мукосѣева продолжалось недолго. Таню подхватилъ одинъ корнетъ и пошелъ гальсировать.

— Ну, Емельянъ Даниловичъ, сказалъ Бакрѣевъ: пойдемъ-ко въ кабинетъ къ хозяину, тамъ рѣжутся въ картишки, мы на свободѣ покуримъ, выпьемъ пуншу, а послѣ опять можемъ сморѣть на молодежь.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

А въ это время мимо бурбона пронеслась стройная Таня и задѣла его платьемъ. Мукосѣева даже не много подернуло. Снова плохіе духи оказали на него одуряющее вліяніе, и Емельянъ Даниловичъ пошелъ за Бакрѣевымъ, безпрестанно оглядываясь.

Появленіе бурбона, надъ которымъ молодежь замышляла потѣшиться, произвело однакожь совсѣмъ другой эффектъ, какъ на хозяина дома, такъ и на многихъ гостей, питавшихъ уваженіе къ чужимъ тысячамъ. Напрасно офицеры, любезничая, предлагали дѣвицамъ сыграть какую нибудь штуку съ Мукосѣевымъ и «пустить его въ игру», какъ говорилось. Дѣвицы, конечно, по наставленію маменекъ, отказывались участвовать въ исполненіи коварныхъ замысловъ, да и нѣкоторыя изъ нихъ сами смотрѣли на бурбона болѣе съ любопытствомъ, нежели насмѣшливо. Когда же подполковникъ вышелъ изъ кабинета подъ руку съ Мукосѣевымъ и провелъ его торжественно въ гостиную, самые записныя шалуны увидѣли, что всякія вообще штуки были бы не умѣстны.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ съ мужемъ, Сосунова взяла Мукосѣева подъ свое особое покровительство и оказала ему такое вниманіе, — какимъ рѣдко кто пользовался отъ гордой помѣщицы. Была однакоже причина, — почему спѣсивая барыня измѣнила своему обычаю: Сосунову предсто-

ялъ случай выгодно купить тысячу овецъ, и онъ не зналъ, гдѣ достать необходимую сумму. Тѣмъ не менѣе эта привѣтливость благотворно подѣйствовала на Мукосѣева, который не понималъ, что со стороны Сосуновой играло роль наставленіе мужа, а со стороны прочихъ помѣщицъ надежда пристроить дочерей къ капиталу въ тридцать тысячъ ассигнаціями. Какъ бы то ни было, а Мукосѣева окружили въ гостиной барыни и наперерывъ осыпали его усиленными любезностями, такъ что бурбону и хотѣлось въ залу, и не безъ удовольствія оставался онъ на своемъ мѣстѣ.

Сосунова однакоже въ качествѣ хозяйки не долго могла занимать гостя, но Мавра Осиповна и еще одна косоглазая помѣщица рѣшительно завладѣли Емельяномъ Даниловичемъ. Последняя рѣшилась даже дѣйствовать болѣе практическимъ способомъ — она кликнула свою дочь — не дурную дѣвушку лѣтъ за двадцать и усадила возлѣ себя, подѣ видомъ материнскаго попеченія объ ея здоровьи, «чтобъ дитя не затанцовалась», но въ сущности съ цѣлью обратить на нее вниманіе капиталиста. Госпожа эта не знала, что тутъ же рядомъ сидѣла соперница, постигшая этотъ маневръ, и которая рѣшилась принять свои мѣры для достиженія той же цѣли. Мавра Осиповна отправилась прямо въ залу, взяла дочь за руку и провела въ гостиную.

— Бѣда съ этими дѣвченками сказала она, завтра цѣлый день танцовать — еще имъ мало! Посмотрите, какъ раскраснѣлась.

— Я своей Машѣ ни за что не позволю уже вальсировать, сказала косая помѣщица: кадрили такъ и быть.

— Я нисколько не устала, возразила Таня, удивленная маневромъ матери, которая рѣшительно никогда не мѣшалась въ ея танцы.

— Нѣтъ, посиди лучше съ нами, сказала Козелкова, —

а то еще, пожалуй, напьешься холодной воды и заболѣешь.

Дѣвицы переглянулись. Мукосѣевъ откашливался, онъ собирался сказать какую нибудь любезность, тѣмъ болѣе, что по стеченію обстоятельствъ очутился между барышнями. Но на несчастье Емельяна Даниловича отсутствіе Тани было замѣчено въ залѣ и не прошло нѣскольکو минутъ — какъ ее окружили офицеры и юнкера, изъ которыхъ штабъ-ротмистръ Мокрецовъ—явно за ней ухаживалъ въ тотъ вечеръ. Послѣдній даже говорилъ, хоть плохо, по французски, и къ зависти многихъ говорилъ съ Таней на этомъ языкѣ, что еще болѣе обезкураживало бурбона. Дѣвицы сообщили кавалерамъ неожиданное запрещеніе маменекъ — на счетъ вальса, — и кавалеры приступили съ просьбой къ Маврѣ Осиповнѣ и косой помѣщицѣ.

— Нѣтъ ужъ, кому какъ угодно, а я Танѣ не позволю, сказала Козелкова; помилуйте — завтра за цѣлый день развѣ не наскочется.

— Но, маменька, этого прежде никогда не бывало, и я не понимаю.

— Чего тутъ не понимать! твое же здоровье берегу.

Косая помѣщица въ свою очередь разливалась въ доказательствахъ разумности запрещенія, такъ что кавалеры потеряли уже надежду... Но Мукосѣевъ неожиданно явился на выручку. Его возмутило родительское самовластіе, хоть онъ и не догадывался, что главную роль въ этомъ маневрѣ играла его особа, или лучше сказать тридцать тысячъ, но ему хотѣлось прислужиться барышнямъ, и онъ къ удовольствію ихъ явился за нихъ ходатаемъ. Долго Емельянъ Даниловичъ боролся съ робостію «неопростоволоситься бы», наконецъ всталъ и вытянулся передъ Маврой Осиповной словно передъ полковымъ командиромъ.

— Для чего, сударыня, не позволить молодымъ барышнямъ: это ихнее дѣло.

— Завтра натанцуются.

— Нѣтъ ужъ явите божескую милость, будьте отцомъ роднымъ....

— Какіе вы добрые! Ну развѣ для васъ. Благодари, Таня, Емельяна Даниловича.

Таня слегка поклонилась бурбону и покраснѣла, оттого, что готова была расхохотаться надъ формой убѣжденія Мукосѣева.

— А я своей Машѣ не позволю, проговорила косая помѣщица, радуясь въ душѣ, что дочь ея останется въ гостинной.

— И васъ прошу, сказалъ ей Мукосѣевъ: явите божескую милость — пускай барышни веселятся съ нашими уланами.

— Я уже не люблю перемѣнять, — сказала, нельзя, такъ и нельзя: пусть лучше посидитъ возлѣ матери, отдохнетъ, да послушаетъ что нибудь полезное.

Маша опустила голову, а Таня, обрадовавшись позволенію, хотѣла было уже уйти въ залу.

— Пстой, пстой, сказала ей мать: ужъ если я не запрещаю, то по крайней мѣрѣ сама буду наблюдать за тобою. Пойдемъ-те Емельянъ Даниловичъ, прибавила она, обращаясь къ бурбону: такъ какъ вы за нее заступались и выпросили, то и должны смотрѣть, чтобъ не слишкомъ вертѣлась.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ бурбонъ и брызнулъ шпорами.

Косая помѣщица почти побагровѣла при неожиданномъ оборотѣ дѣла и прошептала вслѣдъ Козелковой, удалявшейся въ сопровожденіи Мукосѣева:

— Вишь глухой тетеревъ—куда она мѣтитъ; но погоди, голубушка, я подпущу тебѣ штучку—закорючку.

И, желая выдержать характеръ, она не отпускала дочери,

пока молодые люди не прибѣгнули къ посредству хозяйки, которая и урезонила неугомонную матушку.

Мукосѣевъ очень весело послѣдовалъ въ залу за Маврой Осиповной и сдѣлался до того развязнымъ, что самъ рѣшился заговорить съ Таней.

— А молодцы наши офицеры, сказалъ онъ ей, брызнувъ шпорами и болтая этишкетами по наставленію писаря Холодовникова.

— Да.

— И ловко танцуютъ-съ.

— Напрасно только вы не танцуете.

— Съ нашимъ бы удовольствіемъ, да меня не обучали.

Бурбонъ началъ уже приходить въ чрезвычайное мягкое настроеніе и дерзнулъ было присѣсть возлѣ Тани, но къ ней подошелъ Мокрецовъ и завелъ разговоръ по французски.

Танцы продолжались не долго. Скоро накрыли на столъ и всѣ разошлись, а ближайшіе сосѣди разѣхались, чтобы на завтра собраться съ силами. Мукосѣевъ, не смотря уже на всю рѣшимость, не могъ приблизиться къ Танѣ, потому что за ужиномъ ее окружила молодежь, занявшая весь уголъ стола и наполнявшая залу хохотомъ.

—

Петръ Ивановичъ съ Мукосѣевымъ возвращались домой часу въ двѣнадцатомъ. Закрывшись отъ дождя, какъ только можно было въ плохой бричкѣ, собесѣдники молчали нѣкоторое время.

— Ну, Емельянъ Даниловичъ, сказалъ наконецъ Бакрѣевъ, вы не сожалеете, что познакомились съ подполковникомъ?

— Никакъ нѣтъ, Петръ Ивановичъ, мнѣ очинно пріятно. Вѣдь правду сказать—гдѣ и свѣтъ увидать нашему брату.

— А вы почаще къ намъ въ — Землянки.

— Нельзя, потому служба. Хорошо эскадронный командиръ отпустить, а я вотъ прострочу день, въ другой разъ не отпустить.

— Э, пустяки! была-бъ охота. А видите, какъ у насъ весело.

— Очинно весело.

— Какъ же вамъ понравились барышни?

— Пондравились, Петръ Ивановичъ. А вотъ ваша племянница будетъ почище всѣхъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Бакрѣевъ съ видимымъ равнодушіемъ.

— Знаете, такая великатная, примѣрно все это у нихъ фигурное-съ.

— А чтожъ, и въ самомъ дѣлѣ дѣвка ничего. Да какая она хозяйка, Емельянъ Даниловичъ! Нужды нѣтъ, что будто бы модница, а дома то посмотри, какъ за всѣмъ старается, матери помогаетъ.

— Должно быть нѣжныя-съ.

— Не скажу. Есть, правда, грѣхъ, поизбалована была съ измальства, жила, знаете, у богатой барыни, да вѣдь эта дурь давно уже повышла изъ головы.

— А какой примѣрно обходительный г. подполковникъ.

— Да, онъ гостепріимный, только гордецъ и любитъ командовать.

— Не мудрено, Петръ Ивановичъ, привыкли на службѣ.

— Ну, здѣсь не фронтъ и не дежурство. Смотрика, братъ Емельянъ Даниловичъ, не подѣхалъ бы онъ къ тебѣ за деньгами.

— А что? спросилъ Мукосѣевъ, невольно хватаясь за карманъ, въ которомъ лежали пачки ассигнацій.

— Ему очень нужно, хочетъ овецъ прикупить.

— Какъ же вы полагаете — можно дать-съ?

— Дать то не страшно, только надо хорошенько сдѣлать:

не иначе какъ подъ заемное письмо и не худо бы взять обезпеченіе.

— А вотъ я этихъ то дѣловъ не маракую.

— И мараковать нечего: во-первыхъ здѣсь я не дамъ въ обиду, а тамъ есть у васъ Холодовниковъ.

— Точно такъ. Если они положатъ хорошій процентъ, и вы говорите — дать не страшно, я могу дать. Для чего не дать, коли выгодно.

Разговаривая такимъ образомъ, спутники пріѣхали къ Бакрѣву и скоро ушли спать, уговорившись — передъ отправленіемъ на именины заѣхать съ визитомъ къ Маврѣ Осиповнѣ Козелковой, которая просила дорогихъ гостей на кофе.

Когда ушелъ полусонный мальчикъ, прислуживавшій Мукосѣву, Емельянъ Даниловичъ долго еще ходилъ по небольшой комнаткѣ, и не смотря, что дома обыкновенно ложился очень рано, теперь «сонъ бѣжалъ его глазъ», какъ говорилось въ прежнее время. Его развлекала исключительность положенія, въ которое онъ былъ поставленъ поѣздкою въ Землянки и, какъ ни были бы для другаго ничтожны событія дня, но на Мукосѣва они произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Собственно говоря, ему никакой веселости не было, съ барышнями онъ едва успѣлъ сказать нѣсколько словъ, но вечеръ, проведенный имъ въ обществѣ женщинъ, вѣжливости, которыми осыпали его барыни, жалкое брянчанье на фортепьяно, хорошенькія дѣвушки, а въ особенности Таня, все это вывело бурбона изъ колеи обыденныхъ мыслей о службѣ, эскадронѣ, и повѣяло на него воспоминаніями молодости. Отлично сохранившійся Мукосѣвъ почувствовалъ себя словно въ двадцать лѣтъ, и въ немъ разыгрались кровь и воображеніе. Позабывшись, онъ потянулся къ столу налить глотокъ бурой настойки, но опомнился и выпилъ залпомъ два стакана холодной воды, что охладило нѣсколько внутренній жаръ, и, выкуривъ

коротенькую трубочку, легъ въ постель, позабывъ даже помолиться Богу по святцамъ, которыя привезъ съ собою въ чемоданчикъ. Ворочаясь съ боку на бокъ, онъ долго еще строилъ по своему воздушныя замки и уснулъ не скоро, дивясь своей бессонницѣ. Сновидѣнія его тоже отличались небывальщиной: на темномъ фонѣ конюшни между стойлами — вдругъ мелькало женское платье, въ манежѣ во время ѣзды рекрутъ, — будто пары кружились въ вальсѣ, а на гауптвахтѣ, куда онъ будто шелъ въ качествѣ дежурнаго, къ нему выбѣжалъ «вонъ» молоденкій караульный офицеръ въ образѣ Тани, который въ мѣсто «на караулъ!» командовалъ «скорымъ шагомъ,» и Мукосѣевъ будто бы не распекъ неисправнаго офицера. Однимъ словомъ ему въ голову лѣзло Богъ знаетъ что, и бурбонъ спалъ такимъ тревожнымъ сномъ, какъ никогда въ жизни. Въ шесть часовъ однакожъ Мукосѣевъ проснулся, и только еще началъ соображать, гдѣ онъ, а уже дверь его комнаты отворилась, и аудиторъ въ халатѣ, со свѣчей въ одной и съ трубкой въ другой рукѣ, пожелалъ ему добраго утра.

— Заспались, Емельянъ Даниловичъ! Я уже больше часу какъ всталъ и заглядывалъ къ вамъ.

— Что то необнаковенно, Петръ Ивановичъ, я никогда не спалъ такъ долго.

— Ну, вотъ же вамъ свѣчка, одѣвайтесь и выходите въ залу чай пить. Пойдите, я пошлю мальчика.

— Не надобно, я привыкъ самъ убираться.

Когда черезъ четверть часа бурбонъ вышелъ въ залу, Баркѣева съ дочерью уже были одѣты и сидѣли за чайнымъ столикомъ. Мукосѣевъ долженъ былъ рассказать хозяйкѣ о вчерашнемъ вечерѣ, и онъ вдавался въ чрезвычайно краснорѣчивое описаніе даже многихъ подробностей.

— А дамы были одѣты просто? спросила хозяйка.

— Гдѣ вамъ просто! все такія платья оттопыренныя.

— Безъ этого уже нельзя—такая мода.

— Извѣстно мода-съ.

— Кто же на вашъ вкусъ былъ изъ барышень лучше?

Бурбонъ потупилъ глаза.

— Думаю, что ваша племянница.

— Она точно дѣвушка хорошенькая, но кажется же тамъ были красивѣе.

— Никакъ нѣтъ-съ. Одна толстенъкая точно ничего, потому и ходить, знаете, этакъ того, да куда же ей!

— Что вы разговаривали съ барышнями?

— Помилуйте еще незнакомленъ, при томъ же танцамъ не обучался.

— Это значить, Емельянъ Даниловичъ, что вы рѣдко бываете въ дамскомъ обществѣ. Вы человѣкъ еще молодой, вамъ надобно почаще пріѣзжать къ намъ. Что вы тамъ увидите въ полку?

— Нельзя—служба-съ. Вотъ я и нонеча просрочу, затѣмъ общаніе далъ Мавръ Осиповнѣ завтра къ обѣду.

— Намъ всегда будетъ очень пріятно. Мы каждый день видимся съ Маврой Осиповной и Таней, притомъ же и другіе сосѣди насъ не чуждаются.

Въ подобныхъ разговорахъ бурбонъ провелъ время часовъ до девяти, послѣ чего они приступили съ Петромъ Ивановичемъ къ туалету и оба въ полной формѣ отправились къ Козелковой.

Возвращаясь отъ Сосуновыхъ, Мавра Осиповна хотѣла было даже въ дорогѣ поговорить съ Таней, на счетъ Мукосѣева, но на свои предварительные вопросы, получивъ односложные отвѣты, и заключивъ, о дурномъ расположеніи духа дочери,

Козелкова рѣшилась дождаться болѣе благопріятнаго времени, хотя надобно сказать правду—горѣла нетерпѣніемъ приступить поскорѣе къ дѣлу.

Мы уже сказали выше, что Таня не была никѣмъ занята серьезно, но позабыли упомянуть, что изъ числа ея поклонниковъ, былъ одинъ—поручикъ Звонаревскій, который, хоть довольно неопредѣленными намѣтками, давалъ знать о скукѣ холостой жизни. Танѣ давно уже хотѣлось выйти замужъ, и послѣ разстроеннаго сватовства, она частенько думала какъ бы устроить свою судьбу, на что, повидимому, могла рассчитывать, судя по числу своихъ поклонниковъ. Но, юнкера и корнеты, дѣлали свое дѣло, волочились до упаду, а между тѣмъ—народъ этотъ и помышленія не имѣлъ о супружествѣ. Собираясь на вечеръ къ Сосунову, Таня имѣла въ виду встрѣчу съ Звонаревскимъ, съ которымъ рѣшилась быть нѣжнѣе чѣмъ съ другими, и тѣмъ самымъ навести, можетъ быть, его на болѣе интимную бесѣду. Звонаревскій, по самымъ вѣрнымъ свѣденіямъ имѣлъ кое-что, былъ не дурень собою, хоть безъ образованія, но держалъ себя пристойно, ловко танцевалъ и, повидимому, общалъ быть хорошимъ мужемъ. А Танѣ надоѣло терпѣть недостатки, являться въ плохихъ нарядахъ, съ завистью смотрѣть на сосѣдокъ и ихъ частыя обновки, а главное, не имѣть надежды видѣть что нибудь, кромѣ скучныхъ, однообразныхъ Землянокъ. Мать она любила дѣйствительно, и понимала всю заботливость о ней Мавры Осиповны, которая и жила только для своей Тани, но тѣмъ не менѣе, желала поскорѣй сдѣлаться самостоятельной хозяйкой. И вотъ, ей представился Звонаревскій, какъ искатель пригодный, нетолько для бала и веселаго общества, но и для супружества, потомучто могъ прилично содержать жену и доставлять ей посильныя удовольствія. Ыхала Таня къ Сосунову, веселенькая, говорливая; нѣжничала съ матерью, и все

это вслѣдствіе надежды на свои голубые глазки, которыми — мечтала окончательно поразить Звонаревскаго и въ два вечера довести его до вождѣннаго предложенія. Надо быть справедливымъ и сказать, что даже сердечко Тани нѣкоторымъ образомъ билось сильнѣе: Звонаревскій всегда ей нравился нѣсколько больше прочихъ, — во-первыхъ своею почтительностью къ ней, во-вторыхъ отсутствіемъ тѣхъ плоскостей, которыми отличались большинство молодежи тогдашняго времени. Она старалась увѣрить себя — и кто знаетъ, сколько было искренности въ этомъ убѣжденіи — что даже была не много влюблена въ Звонаревскаго, и рѣшилась показать это ему при малѣйшемъ поводѣ. Но на возвратномъ пути, Таня была задумчива, печальна, отвѣчала матери односложными словами и часто невпопадъ, такъ что, какъ мы уже видѣли, Мавра Осиповна, отложила сообщить ей свое завѣтное намѣреніе. Разгадка очень проста и обыкновенна. Поручикъ Звонаревскій, подобно прочимъ товарищамъ, ухаживалъ за Таней безъ всякой цѣли, по мягкости сердца, показывалъ ей, можетъ быть, больше нѣжности, охотно танцевалъ съ нею мазурки, заявлялъ даже легкую ревность, если она была съ другими любезнѣе обыкновеннаго... но не искалъ руки хорошенькой Тани, задавъ себѣ задачей жизни — жениться не иначе какъ на богатой, или по крайней мѣрѣ достаточной невѣстѣ. Недѣли двѣ или три назадъ, онъ пропюхалъ, что меньшая Салошина — пріятельница Тани, и которой недавно исполнилось шестнадцать лѣтъ, получила отъ крестной матери, богатой купчихи, билетъ въ десять тысячъ ассигнаціями, и рѣшился добиваться взаимности молоденькой дѣвушки, на которую прежде почти не обращалъ вниманія. Подозрѣнія въ корыстолюбіи быть не могло, потому что о билетѣ онъ узналъ и далеко и случайно, о чемъ даже не знали еще сосѣди, и потому, при первомъ появленіи Солошиныхъ въ залу, онъ тот-

часъ же прильнулъ къ меньшей и пустилъ въ ходъ всѣ тогдашніе армейскіе приемы, для завоеванія ея сердца. Дѣвочка просто растаяла, при видѣ вниманія лучшаго кавалера, который даже считался обожателемъ красавицы Тани, и наивно отвѣчала на любезности Звонаревскаго, увлекаясь сама пріятной игрой, почти ей незнакомой. За ней, до сихъ поръ, ухаживали только одинъ юнкеръ, да подслѣповатый корнетъ, на которыхъ она теперь смотрѣла чуть не съ явнымъ пренебреженіемъ. Дѣвочкѣ, какъ молоденькой и совершенно еще неопытной, хотѣлось поскорѣе придти къ развязкѣ, и она была такъ настроена, что пожми ей Звонаревскій руку, она незадумалась бы отвѣчать тѣмъ же. Таня не могла не замѣтить перемѣны направленія своего обожателя, и оскорбленное самолюбіе сильно заговорило въ ея сердце. Но въ двадцать два года уже разсуждаютъ, хорошо умѣютъ притворяться, и потому, не подавъ вида огорченія, она попрежнему привѣтливо обошлась съ Звонаревскимъ. Ее еще не покинула надежда — очаровать его любезностью, добротой и блистая полнымъ цвѣтомъ красоты, оторвать вѣтреника отъ цвѣтка, только еще распускавшагося. Ей даже пришла мысль, не испытаніе ли это со стороны давнишняго обожателя. Но Звонаревскій провальсировалъ съ ней одинъ только разъ, первую кадрили танцевалъ съ меньшей Салошиной, вторую со старшей, третью опять съ меньшей, а ее пригласилъ только на четвертую. Скрѣпя сердце дожидалась она этой кадрили, любезничала сквозь слезы съ прочими поклонниками и, жалуясь подругамъ на головную боль, ходила даже плакать въ тихомолку. Когда Звонаревскій подошелъ къ Танѣ и повелъ ее на мѣсто, они оба молчали, но окончивъ первую фигуру, Таня спросила его весьма хладнокровно:

— Что васъ давно невидно?

— Занять былъ службой, и при томъ мы уѣзжали на балъ въ —скую губернію.

— Было весело?

— Да.

И Звонаревскій упорно смотрѣлъ направо, гдѣ веселая и хорошенькая рѣзвилась меньшая Салошина.

— А какъ Лиза похорошѣла, сказала Таня, закусывая губки.

— Очень.

— Теперь она полная невѣста, и я думаю за женихами остановки не будетъ.

— Намъ начинать.

Таня, съ уязвленнымъ сердцемъ, пошла вторую фигуру. Кавалеръ ея молчалъ и все посматривалъ направо, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что встрѣчалъ оттуда самые нѣжные, самые вызывающіе взгляды.

— Вы что-то задумчивы мр. Звонаревскій.

— Отчего же? нисколько.

— Э, полноте.

— Ей Богу, Татьяна Николаевна, я ничего.

И Звонаревскій спохватился. Бывало прежде онъ истощалъ всѣ силы своего краснорѣчія, чтобъ занимать, смѣшить Таню, а теперь упорно молчалъ—будто не находилъ словъ.

— Признаться сказать не выпался, всю ночь игралъ въ карты.

— А!

И потомъ, въ продолженіе всей кадрили, Таня перекидывалась со своимъ кавалеромъ, лишь односложными словами. По окончаніи танца, Звонаревскій, очень вѣжливо раскланялся со своей дамой.

— Татьяна Николаевна! завтра...

Таню бросило въ краску.

— Что?

— Завтра будете танцевать со мной вторую кадрили?

— Вторую? спросила невольно Таня взволнованнымъ голо-
сомъ , потомучто привыкла танцевать съ Звонаревскимъ всѣ
нечетныя кадрили и мазурки.

— Да.

— Извольте.

И, быстро поворачась , Таня ушла , подхватила подъ руку
Лизу Салошину, и начала съ ней ходить по комнатѣ. Звона-
ревскій хотѣлъ было подойти къ новому предмету страсти,
но удержался, и отправился затаиться, придумывая какъ бы
поудобнѣе покончить съ Козелковой.

До ужина и за ужиномъ , Таня переломила себя , была со
всѣми любезна, шутила, смѣялась и съ нетерпѣніемъ ожидала
времени отъѣзда домой, чтобъ выплакаться въ своей убогой
комнаткѣ, и похоронить еще одну надежду, которая, словно на-
рочно, улыбалась ей такъ недавно. Дорогой, допытавшись отъ до-
чери, что у нее болитъ голова, Мавра Осиповна, ограничилась
только замѣчаніями о дамскихъ туалетахъ, и сообщила, что Лизѣ
Салошиной крѣстная дала десять тысячъ на приданое. Но Таня
давно уже знала объ этомъ , и сердце ея сжалось безотрад-
нымъ чувствомъ отчаянія.

Не успѣли онѣ войти въ переднюю, Таня тотчасъ же рас-
прощалась съ матерью , ушла къ себѣ , раздѣлась на скоро,
и , отправивъ горничную , бросилась на постель , заливаясь
слезами. Для нее было все кончено съ Звонаревскимъ, и меч-
ты , о замужествѣ , должны были разрушиться. Уснула она
однако же, съ твердымъ рѣшеніемъ, не подать никогда и вида
измѣннику, что ее огорчило его поведеніе.

Мавра Осиповна предавалась совершенно другимъ мечтамъ, и всю ночь проворочалась въ постелѣ, придумывая средство уговорить Таню—не брезгать женихомъ съ тридцатью тысячами, который, въслѣдствіе переговоровъ ея съ Бакрѣевымъ, могъ очень скоро сдѣлать предложеніе. Мавра Осиповна тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ спѣшила къ цѣли, что очень ясно видѣла, какъ прочія маменьки острили зубы на Емельяна Даниловича, и разсуждала, что вѣроятно онѣ не упустили случая сдѣлать дочерямъ должныхъ наставленій, а какъ въ Землянкахъ было довольно перезрѣлыхъ невѣстъ, даже съ приманкой воображаемаго приданого, то и медленность казалась ей въ этомъ случаѣ непростительною. Проснувшись едва не съ зарей и напившись одна чаю, она нарочно не будила Таню, чтобъ дать дѣвушкахъ хорошенько выспаться. Между тѣмъ сама она позаботилась переменить лучшій сервизъ, собрала густыхъ сливокъ, велѣла къ девяти часамъ сварить крѣпкаго кофе безъ цыкоріи, отколотила горничную за нечистое серебро, убрала столъ и тогда только пошла будить дочь, когда по ея предположенію скоро должны были пріѣхать дорогіе гости.

По цвѣтистому предисловію, и по какой то хлопотливой нѣжности матери, Таня догадалась, что отъ нее чего нибудь желаютъ, но проведя ночь беспокойно, и находясь еще подъ вліяніемъ вчерашнихъ, грустныхъ, впечатлѣній, она не могла сообразить чего именно.

— Вставай, душечка Таня, скоро девять часовъ.

— Успѣю еще, маменька, вѣдь поѣдемъ не раньше двѣнадцати.

— Видишь ли, братецъ Петръ Ивановичъ, обѣщался къ намъ заѣхать на кофе вмѣстѣ съ своимъ гостемъ.

— А!

И Таня устремила на мать испытующій взоръ.

— Вамъ значитъ хочется, чтобъ я вышла къ бурбону.

— Онъ, душка, хорошій человекъ.

— Это все равно, маменька, я выйду и буду съ нимъ привѣтлива какъ съ гостемъ. Кликните мнѣ только Параску— я начну одѣваться.

— Благодарю, душечка Таня, ты у меня умница. Эй, Параска! ступай одѣвать барышню! А я похлопочу по хозяйству.

По уходѣ матери, Таня быстро вскочила съ постели и подбѣжала къ небольшому зеркалу. Особой перемѣны въ лицѣ она незамѣтила, только вѣки немного припухли отъ слезъ, чему можно было пособить холодною водою.

— Меня хотятъ сосватать за бурбона! подумала она. Чтожъ, тридцать тысячъ — кушъ, за который можно пожертвовать собою. И чего мнѣ ждать? Всѣ эти обожатели ищутъ приданого, а бурбонъ, можетъ и добрый человекъ, покрайней мѣрѣ обезпечить мою будущность. Итакъ, мр. Звонаревскій, надѣюсь, мы будемъ скоро квиты.

Черезъ полчаса, причесанная и одѣтая, Таня ходила уже по залѣ, и хоть она старалась быть веселою, что очень радовало Мавру Осиповну, однако первый пылъ мщенія прошелъ, и по сердцу дѣвушки пробѣгало мучительное чувство, при мысли, что ей надо притворяться и обманывать. Когда подъ окномъ раздался стукъ экипажа, Таня вздрогнула, и невольно присѣла возлѣ столика. Въ залу вошелъ Петръ Ивановичъ въ мундиръ съ длинной трубкой и шелковымъ кисетомъ на пуговицѣ, а за нимъ робко, выступалъ въ полной парадной формѣ и новыхъ рейтузахъ, Емельянъ Даниловичъ Мукосѣевъ. Мавра Осиповна пошла на встрѣчу гостямъ.

— Хорошо сдѣлали, что пораньше пріѣхали, — мы и кофе напьемся и поговоримъ. Пожалуйста Емельянъ Даниловичъ, вотъ и молодая хозяйка.

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

И бурбонъ замялся, встрѣтивъ проницательный взоръ Та-

ни, которая первый разъ обращала на него серьезное вниманіе.

— Наливай, Таня, кофе, да спроси Емельяна Даниловича — какъ любить онъ сладко или не сладко.

Бурбонъ уже развелъ руками и хотѣлъ отпустить какую-то фразу, но Таня предупредила его.

— Посмотрю — угадала ли вашъ вкусъ, сказала она, и набросала полстакана сахару.

У Мукосѣева вертѣлось на языкѣ «вы мамзель, пронзили мое сердце стрѣлою», но въ это время собаченка вспрыгнула къ нему на колѣни и усердно облобызала гладко выбритое лицо его. Неожиданная ласка, сконфузила бурбона, которому также пришло на мысль — невыпачкала ли собаченка лацкановъ, и онъ не зналъ сбросить ли ее, или, по правиламъ вѣжливости, оставить на колѣнахъ.

— Трезорка! Ахъ ты, подлецъ, закричала Мавра Осиповна, испугавшаяся серьезно. Извините, Емельянъ Даниловичъ — трезорка любитъ сахаръ.

— Ничего, сударыня вѣдь онъ не кусается.

— О, нѣтъ не кусается. Трезорка! пошелъ прочь, мерзавецъ! Это его Таня разбаловала.

И Мавра Осиповна ударила трезора ложкой, которою набирала сливки изъ кринки, и въ этомъ волненіи, не замѣтила, какъ снова начала набирать сливки тою же ложкой. Завизжавъ, собака ушла подъ столъ, а Таня подала стаканъ Мукосѣеву.

— Угодно сухариковъ или булки? Кушайте.

— Покорно благодаримъ. Очинно довольны.

— Ну что, какъ вы нашли вчерашній вечеръ?

— Вечеръ былъ великятный-съ.

— Вотъ вы почаще пріѣзжали-бы къ намъ, веселиться, въ Землянки.

— Нельзя-съ.

— А можетъ вы человѣкъ женатый?

И Таня покраснѣла.

— Никакъ нѣтъ, я примѣрно какъ есть — холостой.

— Теперь не въ модѣ жениться, замѣтила смѣясь Мавра Осиповна: Кавалеры все ищутъ невѣстъ съ богатымъ приданымъ.

— Помилуйте-съ... Оно точно кто себѣ врагъ, иначе не всѣ женятся и на богатыхъ. Какъ кому судьба-съ.

— Истинно такъ, Емельянъ Даниловичъ, безъ судьбы, говорятъ, и ласточка не совьетъ гнѣзда, нетолько, что дѣвушка не выйдетъ за мужъ. Ну, да иногда судьба и случается, а добрые люди помѣшаютъ.

— Обнаковенно, люди всегда могутъ помѣшать, только къ чему ихъ слушаться, если человѣкъ взялъ себѣ примѣрно, въ голову намѣреніе.

— Не всѣ же такъ умно и, можно сказать, по христіанскому долгу, разсуждаютъ какъ вы, Емельянъ Даниловичъ, а съ инымъ пойдите потолкуйте.

— Не угодно ли еще кофе? спросила мягкимъ голосомъ Таня.

— Я еще и этого не выпилъ. Благодаримъ покорно.

— Нѣтъ, кушайте. Да что вы не курите.

— Я, признаться, накуримшись: цѣлое утро мы съ Петромъ Ивановичемъ курили-съ.

— Ей Богу, я такъ радъ знакомству и пріѣзду Емельяна Даниловича, какъ самому близкому родственнику, сказалъ Барѣвъ: и не замѣтилъ какъ прошло время.

— А мнѣ, братецъ, нужно бы переговорить съ вами два слова; пускай молодая хозяйка занимаетъ гостя, а мы пойдёмъ на минуту.

Догадливый Петръ Ивановичъ тотчасъ же послѣдовалъ за

Маврой Осиповной въ другую комнату. Оставшись наединѣ съ хорошенькой барышней, бурбонъ «сробѣлъ» уже не «маленько» а порядочно. Положеніе самой Тани тоже нельзя было не назвать щекотливымъ. Въ четверть часа она успѣла разглядѣть Мукосѣва и какъ ни была озлоблена противу всѣхъ поклонниковъ вообще, а противъ Звонаревскаго въ особенности, какъ ни увлеклась мыслию обладать тридцати тысячнымъ капиталомъ, однако соединить на всю жизнь судьбу съ неотесаннымъ бурбономъ — показалось ей дѣломъ почти вопіющимъ. Молодость, красоту и дѣвическую свободу, хоть при довольно жалкой обстановкѣ, отдать не молодому уже салдафону, и отдать безусловно, можетъ быть, черезъ чуръ въ грубыя руки — было по ея мнѣнію непозволительной жертвой. Предавшись, мгновенно подобнымъ мыслямъ, она снова устремила испытующій взоръ на бурбона, желая вычитать на его лицѣ хоть что нибудь утѣшительное. Строго-некрасивое лицо Мукосѣва было неподвижно, но въ сѣрыхъ глазахъ его свѣтилось что то доброе, мягкое, и у Тани отлегло отъ сердца.

— Что вы такъ на меня смотрите? спросила она невольно.

— Вы, мамзель, пронзили мое сердце стрѣлою, брякнулъ Мукосѣвъ, помня наставленіе Холодовникова.

Дѣвушка вся облилась румянцемъ, услышавъ неожиданно подобную фразу, которой впрочемъ самъ бурбонъ не придавалъ особенно-важнаго значенія.

— Такъ скоро! прошептала она не безъ нѣкоторой гордости, что сразу побѣдила самую простую натуру.

— Ей Богу-съ, примѣрно, вы лучше всѣхъ.

— Очень вамъ благодарна.

— Вы не танцуете, а летаете по воздуху.

— Ого, вы тоже мастеръ на комплименты!

Мукосѣвъ улыбнулся.

— Скажу вамъ я никогда не видывалъ такой барышни.

— Не прикажите ли еще кофе? Ну, что угодила по вашему вкусу? спрашивала Таня, оправясь отъ замѣшательства.

— Очинно угодили.

Неизвѣстно какой оборотъ принялъ бы tête à tête бурбона съ Таней, еслибы въ залу не вошли — Бакрѣевъ и Мавра Осиповна.

— А что Емельянъ Даниловичъ, не скучали? спросила последняя.

— Помилуйте, чего скучать, Татьяна Николаевна такіа хозяйки, что просто аккуратъ.

— Э, братъ да ты еще не раскусилъ ее, отозвался Бакрѣевъ, сна знаетъ даже кавалерійскіе сигналы.

— Не ужъ то, Петръ Ивановичъ! Вы не шутите.

— Чего шучу! Если хочешь она у подполковника — сыграетъ тебѣ ихъ на фортепьяно.

— Это любопытственно! проговорилъ бурбонъ съ восторгомъ.

Вообще ободренный вниманіемъ, Мукосѣевъ сдѣлался красно-рѣчивѣе и старался понравиться. У Тани тоже какъ то прошло печальное настроеніе и она даже подшучивала надъ бурбономъ, хотя и не могла позабыть его извѣстной фразы, которою онъ, очень ясно, выразилъ состояніе своего сердца. Она только боялась, чтобы бурбонъ прямо не приступилъ къ матери и не потребовалъ рѣшительнаго отвѣта.

Мавра Осиповна однакоже настойчиво наводила разговоръ на женидбу, и Мукосѣевъ уже начиналъ высказывать свой взглядъ, но Таня, до которой это касалось ближе всѣхъ, встала и сказала, что пора одѣваться на именины. Дѣлать было нечего: Бакрѣевъ предложилъ своему спутнику собираться, и бурбонъ съ сожалѣніемъ оставилъ домикъ Мавры Осиповны, давъ слово пріѣхать завтра къ обѣду.

Имянинный обѣдъ и потомъ балъ прошли безъ особенныхъ приключеній. Звонаревскій не отходилъ отъ Лизы Салошиной, которой чуть ли не сдѣлалъ въ мазуркѣ предложенія. Таня танцевала съ нимъ одну кадрили, но и виду не подавала, что замѣчаетъ его настоящія чувства. Напротивъ Таня была очень весела, кокетничала со всѣми, и даже въ одномъ изъ антрактовъ, подсѣла въ гостиной къ Мукосѣеву и проговорила съ нимъ около четверти часа, что привело въ восторгъ Мавру Осиповну, но огорчило косую помѣщицу, которая зимѣтила дочери, въ тихомолку, что Козелкова вѣшается сама на шею жениху съ тридцатью тысячами. Мокрецовъ даже преслѣдовалъ ее Мукосѣевымъ, хотя былъ и далекъ отъ мысли, что такая образованная и хорошенькая дѣвушка могла имѣть виды на грубаго и неотесаннаго вахмистра.

Послѣ бала, Таня возвращалась домой если не совершенно спокойная, то далеко не съ тѣми мыслями, какія возникали въ ея головкѣ утромъ когда она сидѣла на единѣ съ бурбономъ. Какъ нарочно, весь вечеръ, молодежь ей говорила такія глупости, ухаживала за нею такъ безцвѣтно. Сравнивая съ этими любезностями, разговоръ Мукосѣева, она не нашла между ними значительной разницы. Правда, кавалеры ея были моложе, красивѣе, ловко танцевали, но предложи она сама любому изъ нихъ свою руку, врядъ ли они измѣнили бы свою тактику. Живѣе примѣра не могло быть какъ Звонаревскій; онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ напѣвалъ ей о своихъ чувствахъ, до нѣкоторой степени пользовался ея взаимностью и даже заговаривалъ кое о чемъ положительномъ...а явилась невѣста съ десятью тысячами, и этотъ обожатель увлекся новымъ свѣтиломъ, хотя и самъ имѣлъ недурное состояніе. Изъ прочихъ же, хотъ и были богатенькіе мальчики, но это все вѣтеръ—и ни одинъ изъ нихъ не походилъ на жениха. Оставался Мокрецовъ, но онъ жилъ однимъ жалованьемъ—и былъ

по уши въ долгахъ. А Танѣ хотѣлось, непременно, выйти замужъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же на балѣ затѣялось въ родѣ сватовства поручика Хорькова съ дѣвицей Розмазовой, а ротмистръ Набѣгай, готовъ уже былъ сдѣлать предложеніе Анютѣ Любенковой. Ей блеснула мысль предупредить Лизу Салошину и затмить ее блескомъ нарядовъ. Подобное намѣреніе сдѣлалось въ ней преобладающимъ еще за ужиномъ, и она противъ обыкновенія спѣшила домой, даже не осталась на послѣднюю кадрили. Конечно, здѣсь играло не послѣднюю роль оскорбленное самолюбіе; ей непріятно было видѣть Звонаревскаго — счастливаго съ соперницей. Но такъ ли, или не такъ, а уѣзжая, Таня напомнила бурбону, что ожидаетъ его къ обѣду.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, проговорилъ Емельянъ Даниловичъ, тономъ гораздо веселѣе обыкновеннаго.

Дорогой Таня первая заговорила съ матерью и удивилась, что послѣдняя была не въ своей тарелкѣ. Мавра Осиповна, дѣйствительно, задумалась и мало обращала вниманія на болтовню дочери. Ей выпала на долю непріятность. Косая помѣщица, пронюхавъ, что на обѣдъ къ нимъ собирался Мукосѣевъ, сама назвалась къ ней обѣдать, конечно, съ цѣлью сблизить свою дочь съ Емельяномъ Даниловичемъ. Отказаться было невозможно, а между тѣмъ и дѣла не хотѣлось ей откладывать въ долгій ящикъ.

— Чего вы, маменька такія странныя?

— По-неволѣ, душечка, будешь странною: этотъ, прости Господи, — косой чортъ Василиса Ивановна — притащится съ дочкой обѣдать.

— Ну, и пусть ѣдутъ.

— Видишь ли мнѣ кажется не ловко.

— Не потому ли, что у насъ будутъ еще гости.

— Конечно.

— Вы не беспокойтесь: ужъ это мое дѣло.

— Какъ, Танечка?

— Такъ, маменька: не скучала бы Василиса Ивановна, а Мукосѣевъ не соскучится.

— Ты у меня умное и доброе дитя, сказала Мавра Осиповна, и бросилась обнимать Таню.

Какъ на другой день ни старалась косая помѣщица выѣхать пораньше отъ Сосуновыхъ, однако за разными сборами опоздала значительно и прежде чѣмъ появилась у Мавры Осиповны, тамъ уже давно присутствовало все семейство Бакрѣевыхъ и веселый Емельянъ Даниловичъ. Таня принялась за бурбона съ такимъ усердіемъ, что онъ уже не только не дичился ее, но, позабывъ заученныя фразы, дѣлался естественнѣе и говорилъ по человѣчески. Желая ли показать ему любовь къ работѣ или съ другою цѣлью, Таня сѣла за пальцы и усадила возлѣ себя Мукосѣева, который никогда не видалъ вблизи этого процесса, рассматривалъ съ наивнымъ любопытствомъ узоръ и гарусъ и удивлялся, какъ это на канвѣ выходили словно живые, и цвѣты, и листья. Недолго думая, Таня заставила бурбона держать мотокъ гаруса и наматывала себѣ нужную тѣнь на карточку, что чрезвычайно утѣшило Мукосѣева, который исполнялъ свою обязанность также строго какъ во фронтѣ.

— А что, попался братъ? сказалъ аудиторъ, увидя эту штуку: — здѣсь вѣдь тоже служба своего рода.

— Помилуйе, Петръ Ивановичъ, такая служба ни чего — съ нашимъ удовольствіемъ.

— Небось возлѣ палецъ дежурилъ бы хоть безъ смѣны, ха, ха, ха!

— Начальство то здѣсь больно ласково.

— Однако, Таня ты хоть бы позволила ему покурить.

— Ахъ въ самомъ дѣлѣ, курите, Емельянъ Даниловичъ! я заставлю Пашу поддержать мотокъ, Пашенька!

На зовъ Тани появилась падчерица Петра Ивановича.

— Паша! сказалъ Бакрѣевъ: возьми въ передней кисеть и трубку Емельяна Даниловича, и смѣни его.

Дѣвочка побѣжала исполнить приказаніе.

— Ай, ай, какой у васъ плохой кисеть, Емельянъ Даниловичъ, сказала Таня.

Мукосѣевъ сконфузился.

— Это мнѣ сшила Степанида Карповна — жена писаря Холодовникова.

— Какая безвкусица! развѣ нельзя было сшить изъ другой матеріи!

— Видите ли, я строилъ себѣ новыя ситцевыя рубахи, такъ оставалась ситчику-сь.

— А вотъ, если вы дадите слово пріѣхать къ намъ поскорѣе, я вышью вамъ кисеть лучше нежели у дяденьки.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Непремѣнно вышью.

Въ залу ввалилась косая помѣщица и непріязненнымъ взоромъ посмотрѣла на группу у палецъ. Выбѣжавъ, изъ боковой комнаты, Мавра Осиповна начала разсыпаться въ любезностяхъ передъ гостьей, которой въ душѣ желала провалиться сквозь землю.

Таня, однакоже, не измѣнила своей тактикѣ: не смотря на присутствіе Маши, она умѣла соединить обязанность хозяйки, и къ ней и къ бурбону, который, не помня себя отъ восторга, забывалъ, что вечеромъ непременно долженъ былъ воротиться въ эскадронъ.

Обѣдъ прошелъ благополучно. Таня распорядилась усадить Мукосѣева между собой и Машей и хотъ косая помѣщица осыпала бурбона любезностями и Маша, въ свою очередь, старалась быть съ нимъ привѣтливой, — однако Емельянъ Даниловичъ видимо находился подъ вліяніемъ Тани, что несказан-

но радовало Мавру Осиповну. Косая помѣщица почти потеряла надежду пристроить Машу, но приглашала Мукосѣева къ себѣ, такъ какъ она и дочь ея очень любили военныхъ. За бурбона отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, что они когда нибудь придутъ вмѣстѣ и подлил масла на огонь, доказывая тѣмъ интимность отношеній.

Передъ вечеромъ бурбонъ однакоже уѣхалъ домой и поминутно подгонялъ извозчика. Онъ спѣшилъ не изъ боязни распеканцій, а ему хотѣлось поскорѣе увидѣться и поговорить съ единственнымъ другомъ Климомъ Назаровичемъ Холодовниковымъ.

Неуспѣлъ Мукосѣевъ вѣжатель въ свою квартиру и дожидаться свѣчки, какъ тотчасъ же велѣлъ ставить самоваръ и послалъ за казначейскимъ писаремъ. Ему необходимо было отвести душу и рассказать всѣ подробности поѣздки, оставившей въ немъ много новыхъ, неизвѣданныхъ впечатлѣній. Холодовниковъ явился тотчасъ же.

— А! Климъ Назарычъ!

— Здравія желаю, ваше бродіе.

— Садись-ка, братъ, выпьемъ чайку.

— Много благодарны. Я признаться уже поужиналъ. Что, ваше бродіе, загостились видно и позабыли о службѣ.

— Загостился, братъ, Климъ Назарычъ. Пстой-ка вотъ заварю чаю и поговоримъ. Достань-ка на полкѣ кизлярочки.

— Нешто перезябли съ дороги.

— Перезябъ само собою, да кромѣ того хочется выпить.

Писарь посмотрѣлъ на него съ улыбкою.

— А что, ваше бродіе, никакъ повеселились?

— Такъ, братъ, повеселился, какъ никогда не удавалось.

— Были у г. Сосунова.

— Какъ же , Климъ Назарычъ , и очень хорошо принимали меня, и г. подполковникъ и подполковница.

— Отчего же васъ и не принять Емельянъ Даниловичъ, потому разъ — вы не иное что какъ офицеръ, а второе — люди съ капиталомъ.

— Останавливался я у Петра Ивановича.

— Кажется отмѣнный человекъ.

— И ! просто душа. Мнѣ у нихъ было куда лучше , нежели дома.

— Стало быть угощеніе и все прочее.

— И все прочее, братъ, Климъ Назарычъ. А вотъ у него племянница....

— То есть дѣвица или въ замужествѣ?

— Дѣвица, Климъ Назарычъ , и какая великатная.

— Воспитана?

— Такъ, братъ, по французкому и рѣжетъ. На что хватъ Мокрецовъ , а и тотъ передъ нею рябѣтъ : онъ ей слово, а она ему десять.

— И барышня собой, то есть какъ примѣрно?

— Отродясь на видывалъ. Она дочь ротмистерши Мавры Осиповны Козелковой. Первый вечеръ , я , знаешь , съ нею мало говорилъ, а на другой день, ѣздилъ съ Петромъ Ивановичемъ къ ней на кофій, — такъ угощала, братъ, меня собственными руками. А сегодня мы тамъ обѣдали. Что же ты думаешь? «Я вамъ, говоритъ, Емельянъ Даниловичъ, шелковый кисеть вышью.»

— Скажите! Значитъ барышня, какъ есть, разумная.

Мукосѣевъ вдругъ замолчалъ и забарабанилъ по столу пальцами.

— Вы никакъ на счетъ мечтательства, ваше бродіе, сказалъ Холодовниковъ съ улыбкою.

— Да, Климъ Назарычъ, дѣвка фигурная, чортъ бы ее взялъ.

- И примѣрно молодая?
- Девятнадцать годковъ.
- Самая пора замужъ, замѣтилъ писарь, поглядывая въ сторону.
- Подливай, Климъ Назарычъ, кизлярочки.
- Съ нашимъ удовольствіемъ. И вамъ?
- И мнѣ. Еслибъ «не рябѣлъ», кажется посватался бы.
- Рябѣть то нечего, ваше бродіе.
- А какъ не захочетъ.
- Главное дѣло, Емельянъ Даниловичъ, какъ приданое?
- Хуторокъ у нихъ есть и въ домѣ все, какъ слѣдуетъ, — всѣмъ гостямъ серебряныя ложки, да и крестьянъ ни какъ душъ двадцать.
- Оно точно, ваше бродіе, какъ вы есть теперича денежные люди, о законномъ бракосочетаніи подумать не мѣшаетъ. Только нужно примѣрно разузнать о невѣстѣ — какая она такая.
- Да, да, не мѣшаетъ.
- Когда будетъ угодно вашему бродію, я наведу справочки. У меня въ шестомъ эскадронѣ старшій вахмистръ большой пріятель, онъ женатъ въ Землянкахъ на дочери отставного корнета.
- Наводи, Климъ Назарычъ, потому больно пондравилась Татьяна Николаевна.
- А ихъ зовутъ Татьяной Николаевной?
- Да, по фамиліи Козелкова.
- За здоровье Татьяны Николаевны!
- И писарь разомъ осушилъ стаканъ пуншу.
- Эхъ братъ, дѣвка, — сказано картина!
- Сколько замѣчаю, и ваше бродіе имъ пондравились. Съ другой стороны не иначе я дѣлаю свое мнѣніе въ головѣ, что племянница Бакрѣева, должно быть во всемъ акуратъ, потому дяденька ихъ Петръ Ивановичъ дока.

— Хорошо, Климъ Назарычъ, а если напрімѣръ жениться на барышнѣ—ее одѣвать станетъ дорого.

— Благоразумная барышня—лишняго не потребуетъ. Оно дѣйствительно, ихъ женскій уборъ, съ нашимъ въ линію не приходится, да за то хозяйка въ домѣ важная вещь, ваше бродіе.

— Такъ ты совѣтовалъ бы мнѣ жениться.

— Почему же, помогай Богъ, Емельянъ Даниловичъ. Каждому человѣку слѣдуетъ сочетаться законнымъ бракомъ.

Мукосѣевъ пропустилъ стаканъ крѣпкаго пуншу.

— Ну, Климъ Назарычъ, наведи же справки, а я подумаю.

— Теперь вашему бродію, какъ женатымъ людямъ, поселенное начальство отведетъ особый домикъ, а будучи при супругѣ, крестьяне могутъ обрабатывать огородъ и все какъ есть по хозяйству.

— Да я и не думаю въ отставку.

— Зачѣмъ выходить? Процентами жить весьма можно при жалованьи и еще откладывать, а тамъ дослужитесь эскадрона—пойдутъ доходы.

— Э, братъ, я сплю и думаю, какъ бы эскадронъ! А врядъ ли скоро: нашего брата какъ то обходятъ.

— Ничего, ваше бродіе, у васъ есть капиталъ, и это особъ—статья. Одначе позднеенько, Емельянъ Даниловичъ, мнѣ пора-сь.

— Куда же? Посиди!

— Не могу-сь. Завтра пораньше въ канцелярію—вѣдомость составляемъ.

— Ну, заверни хоть завтра передъ обѣдомъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, а теперь прощенія просимъ; счастливо оставаться.

По уходѣ писаря, Мукосѣевъ долго еще оставался у стола.

Ему то и дѣло — мерещилась Таня, и представлялось ей обѣщаніе вышить шелковой кисетъ, въ которомъ, онъ видѣлъ, счастливый залогъ будущаго счастья. Наконецъ сонъ началъ клонить Мукосѣева. Отперевъ бережно чемоданъ, Емельянъ Даниловичъ, вынулъ молитвенникъ и только что хотѣлъ помолиться Богу, какъ изъ книжки выпалъ порыжѣлый, засохшій цвѣтокъ — память генеральской дочки. Но бурбонъ посмотрѣлъ на него уже не съ прежнимъ благоговѣніемъ. Далекое воспоминаніе отодвинулось еще дальше, идеальный образъ замѣнился дѣйствительнымъ, и Мукосѣевъ, нисходя постепенно изъ области фантазіи, началъ серьезно думать о женитьбѣ, ободренный другомъ своимъ Холодовниковымъ.

Недѣли черезъ полторы, поспѣшая въ губернскій городъ, Бакрѣевъ заѣзжалъ уже прямо къ Емельяну Даниловичу, привезъ ему поклонъ отъ своихъ, и сообщить, что отличный шелковый кисетъ ожидаетъ его въ Землянкахъ. У полковаго аудитора, Петръ Ивановичъ, имѣлъ тайное свиданіе съ писаремъ, которому и вручилъ подарокъ отъ Мавры Осиповны, состоявшій изъ деревенскихъ гостинцевъ, и передалъ самыя соблазнительныя обѣщанія въ будущемъ, въ случаѣ успѣха задуманнаго предпріятія.

Пропуская подробности этого сватовства, какъ всѣмъ и вездѣ извѣстныя, я скажу, что мѣсяца черезъ два, послѣ немалыхъ хлопотъ, хорошенькая Таня, сдѣлалась поручицей Мукосѣевой. Согласіе она изъявила довольно скоро, невѣстою была не совсѣмъ печальна, но когда дѣло дошло до развязки, душа ея словно проснулась послѣ долгаго сна, и молодая дѣвушка готова была отказаться. Борьба же впрочемъ не была продолжительна: поставивъ сама себя въ безвыходное положе-

ніе согласіемъ на помолвку, она не рѣшалась уже отказаться, потомучто не предвидѣла возможности — выйти за кого бы то ни было замужъ. При вѣсти о ея замужствѣ, молодежь, положимъ, и расходилась, но изъ этого движенія ожидать ничего не слѣдовало. Наконецъ, изъ среды этой молодежи, многіе и даже можетъ, большая часть, изъявляя состраданіе къ ея участи, радовались въ душѣ, что она поселится въ полку, и принадлежа неотесанному чурбану, захочетъ искать развлеченій....

Выпросивъ себѣ, по совѣту и наставленію Холодовникова, порядочный домикъ, Мукосѣевъ, влюбленный — на сколько это было возможно для бурбона — раскутился и довольно сносно убралъ квартиру. Онъ даже, непоморщась, далъ будущей тещѣ двѣ тысячи на покупку приданого, тѣмъ болѣе, что Мавра Осиповна просила денегъ у него, не желая закладывать земли, которая принадлежала Танѣ же, а слѣдовательно и Емельяну Даниловичу. Мукосѣевъ хотѣлъ и свадьбу отпраздновать пышно, но Таня уговорила его, во-первыхъ, возбѣжаніе лишнихъ расходовъ, во-вторыхъ ей не хотѣлось, предъ многочисленною толпою, стать подъ вѣнецъ съ пожилымъ и некрасивымъ бурбономъ. Вслѣдствіе этого, свадьба отошла въ присутствіи родныхъ и самыхъ близкихъ сосѣдей, и молодые вскорѣ поѣхали на новое хозяйство.

Первые дни, конечно самые интересные, прошли для Тани мучительнѣе, нежели она ожидала, и служили ей на первыхъ же порахъ, наказаніемъ за столь обыкновенный, но унижительный торгъ собою, торгъ, къ которому такъ охотно ведутъ дочерей чадолюбивые родители, и который, представляютъ они своимъ дочерямъ, какъ самый вѣрный и естественный путь къ счастью женщины. Описывать положеніе Тани въ первый мѣсяцъ супружества, въ мѣстѣчкѣ, наполненномъ ея прежними обожателями, я не берусь, на томъ основаніи, что каждый день,

взятый на выдержку изъ ея жизни, представлялъ бы картину, полную мученій, трудно передаваемыхъ перомъ, или, лучше сказать, которыя могутъ показаться преувеличенными для людей, не испытавшихъ ничего подобнаго. Уже одно прикосновение грубаго человѣка, къ нѣжной, избалованной дѣвушкѣ, человѣка, который и ласки свои выражалъ казарменными приемами, достаточно, чтобы дать понятіе, какъ дорого купила Таня право выпросить у мужа лишнюю сотню рублей на ненужные тряпки, безъ которыхъ она могла обойтись, или на пріобрѣтенія бесполезной дорогой вещицы.

Но въ мѣсяцъ она стала немного привыкать къ своей безрадостной долѣ. Ей показалось, что изъ Мукосѣева можно что нибудь сдѣлать, и она съ жаромъ принялась хоть за поверхностную обработку сыраго матерьяла. Можетъ быть, пользуясь вліяніемъ красоты, она и могла бы успѣть въ своемъ намѣреніи; но на бѣду ея — бурбонъ не прерывалъ дружбы съ Холодовниковымъ, коварства котораго не подозрѣвалъ, вѣруя въ него, какъ въ преданнаго человѣка.

Вскорѣ послѣ свадьбы, Емельянъ Даниловичъ зашелъ какъ то въ праздникъ къ Холодовникову и попросилъ послѣдняго выслать жену, имѣя поговорить по секрету. Степанидѣ Карповнѣ велѣно было выдти, и бурбонъ усѣлся противъ писаря.

— Ты, братъ, Климъ Назарычъ, любишь меня?

— Не имѣйте, ваше бродіе, ни малѣйшаго, сумнительства, потому вы завсегда были мнѣ, какъ отецъ родной.

— То-то же.

— И я завсегда доброжелатель вашему бродію, т. е. изволилъ вамъ услуживать по крайности моего разсужденія.

— Этимъ я, братъ, всѣмъ доволенъ, и дѣло выходитъ теperича другое. Подумай, Климъ Назарычъ, вѣдь я женатъ, а не знаю какъ обращаться съ женою.

— Такъ вотъ отчего сумлѣваетесь , ваше бродіе. Правда, это особь — статья, но наука не мудреная.

— Ты ужь, яви божескую милость , поучи меня хоть немного. Видишь ли , на свадьбѣ подполковникъ отвелъ меня разъ въ сторону , а знаешь выпимши — и говорить: «ты , братъ, Мукосѣевъ, люби жену, да держи ее въ рукахъ, а то, говорить, тебя же осѣдляетъ».

— Оно точно, ваше бродіе, женскому полу только дай потачку, и готово, потому волосъ, дологъ, а умъ коротокъ; иначе я можно сказать, бывши молодымъ человѣкомъ, съ умѣлъ ограничить свою Степаниду Карповну. Отецъ ея, былъ нѣкоторымъ образомъ изъ купеческаго званія, и она у него избаловалась, сдѣлалась капризная.

— Какъ же ты отъучилъ, братецъ?

— Спервоначалу трудновато было, ваше бродіе. Ну, извѣстно наше простое званіе — коли что не такъ, — въ ухо разъ, два, оно и не очень обидно и все таки страхъ свой показываетъ. Одначе это не всегда дѣйствовало, такъ что одинъ разъ хотѣлъ положить подъ розги, на какой предметъ и пригласилъ товарища , тоже женатаго. Отпросилась и стала помягче , а послѣ и совсѣмъ ограничилъ.

— Какъ то страшно бить спервоначалу, да еще дворянку.

— Ничего, ваше бродіе, и офицеры наказываютъ строптивыхъ женъ: ротмистръ Махалкинъ, примѣромъ, чубукомъ валяетъ, а поселенный маіоръ Киргизовъ лупитъ жену нагайкой, какъ слѣдуетъ.

— Это уже за тяжкую провинность.

— Обнаковенно не даромъ. — Вѣдь грѣшно безвинно и кошку ударить. Если провинность небольшая , можно выбрать, пригрозить, а на казывать довлѣетъ только по необходимости.

— Одначе надо спервоначально показать себя, что я начальчикъ, она должна повиноваться мнѣ, какъ раба.

— Это подлинно, даже по всѣмъ божественнымъ законамъ, да и пословица существуетъ, хотя въ простонародіи, что «жену люби, какъ душу, а треси какъ грушу.»

— Моя Татьяна Николаевна, надо правду сказать, до сихъ поръ была очень смирная, только все плачетъ.

— Это у нихъ заведенція такая, ваше бродіе, стало быть, плачетъ по своей дѣвической невинности, т. е. утративши свои веселыя обнаковенія. На это смотрѣть нечего, женскія слезы, Емельянъ Даниловичъ, суть не важны.

— До сихъ поръ она исполняла мою волю, да я не много-то и приказывалъ, а вчера уже замѣтилъ сопротивленіе.

— Примѣрно какое, ваше бродіе.

— Я, знаешь подсѣлъ къ ней — извѣстно, молодая жена, — да и говорю: ты, душаточка, поотдохнувши съ дороги, возьми-ка мои ветхія рубашонки, и подштанники, да и позачинивай.

— Ну-съ!

— Она какъ вскочить отъ меня, словно ошпаренная. «Что вы, говоритъ, въ своемъ ли умѣ?» Я, знаешь, срабѣлъ. «Какъ же-съ, говорю, ты хозяйюшка теперь у меня — кому же присматривать.» А она и говоритъ: пожалуста бросьте вы это старое тряпье, и носите бѣлье, которое мы вамъ сшили къ свадьбѣ, а то, говоритъ, съ вами и быть совѣстно.

— Не иначе, дворянскіе капризы, ваше бродіе. И вы простили?

— Стыдно признаться, простилъ, Климъ Назарычъ.

— Не хорошо, ваше бродіе, тутъ то и надобно на первыхъ порахъ ограничивать.

— А вечеромъ, знаешь ложившись спать, я имѣю привычку портянки класть подъ головы, чтобы, примѣрно, были тутъ,

какъ тутъ. Она какъ увидѣла, просто начала ругать, что это свинство, да и говоритъ: «Если вы не отстанете отъ своихъ привычекъ, я, говоритъ, велю стлать себѣ постель особо и никогда не лягу вмѣстѣ.

— Не ужь-то, Емельянъ Даниловичъ?

— Ей Богу!

— Это просто бунтъ! по моему мнѣнію въ головѣ, — жена не можетъ ложиться особо, потому нѣтъ такого закона, а мужъ, какъ вамъ извѣстно, глава — долженъ всѣми силами стараться жену ограничивать. Но, позвольте, любя васъ, какъ отца роднаго, я точно о васъ сожалею, иначе это не болѣе дворянскіе капризы. Вамъ только нужно пригрозить и дѣлать свое дѣло. Повѣрьте, все уладится. Поступайте только вопреки, говорите «я такъ хочу!» и все пойдетъ, какъ по маслу. Я уже вамъ докладывалъ, Емельянъ Даниловичъ, что у насъ сперва съ Степанидой Карповной было не весьма благополучно, а теперь слава Богу.

— Оно, если хочешь, Климъ Назарычъ, мнѣ какъ то боязно прикрикнуть на Татьяну Николаевну; по моему, отчего ее и не побаловать...но если мужъ по закону долженъ строго обращаться съ женою, такъ дѣлать нечего.

— Долженъ, ваше бродіе, безпремѣнно долженъ, иначе будетъ отвѣчать предъ Богомъ. Одно опять, какъ супруга ваша благороднаго воспитанія, имъ можно пригрозить и тѣмъ самымъ ограничить. А если начнетъ капризиться и требовать покупокъ противъ вашего желанія, тогда отказать, — и шабашъ! Жена обязана довольствоваться тѣмъ, что купить мужъ, потому онъ глава, какъ и значится въ законѣ.

— Ну, спасибо, братъ Климъ Назарычъ, за наставленія.

И Мукосѣевъ вышелъ, довольный, что расширилъ для себя горизонтъ пониманія супружескихъ отношеній.

—

Прошелъ годъ. Таня свыклась нѣсколько съ своей долей, и хоть ей не удалось передѣлать мужа, хоть слѣдуя совѣтамъ писаря и еще одного бурбона, Мукосѣевъ не сталъ мягче, однако не употреблялъ съ ней крутыхъ мѣръ, и только отравлялъ женѣ жизнь просто уже своей неотесаной особой. У нихъ родился сынъ, и появленіе на свѣтъ маленькаго Мукосѣева было причиной, что бурбонъ, раскутясь, сдѣлалъ пышныя крестины т. е. устроилъ пирушку, на которую, кромѣ родныхъ жены, созвалъ преимущественно духовенство и свою компанію. Съ тѣхъ поръ жизнь Тани стала нѣсколько сноснѣе. Правду сказать, положеніе ея не измѣнилось. Емельянъ Даниловичъ, по прежнему, никуда не отпускалъ ее, — но началъ оказывать ей больше снисхожденія, или, лучше сказать, смягчилъ свое самодурство, навѣянное извнѣ, и дѣлался по временамъ добрымъ человѣкомъ. Подъ часъ возясь съ ребенкомъ онъ самъ ребячился, носилъ его на рукахъ, припѣвалъ обычныя глупости, коверкая языкъ, и рассказывалъ малюткѣ, какъ будетъ учить его на кордѣ и какъ изъ него выйдетъ лихой рубака.

Не смотря на затворническую жизнь и моральныя страданія, Таня мало перемѣнилась; по прежнему, мимо ея домика прогуливались толпы молодежи, которая однакоже смотрѣла на постоянно закрытыя ставни — маневръ, присовѣтованный бурбону Холодовниковымъ. Мукосѣевъ рѣшительно не принималъ никого кромѣ женатыхъ, которые иногда дѣлали визиты его супругѣ, а если кто изъ холостыхъ отваживался зайти подъ какимъ нибудь предлогомъ, Емельянъ Даниловичъ усаживалъ гостя въ первой комнатѣ и запиралъ дверь, которая вела дальше. По большей части къ нему приходили занимать денегъ. По вечерамъ весною и лѣтомъ Мукосѣевъ отправлялся гулять съ женою, и тутъ иногда къ нимъ пристраивались офицеры, но какъ ни любезничали они съ Емельяномъ Дани-

ловичемъ , какъ ни подѣзжали , онъ не поддавался ни на какія удочки , а отдѣлывался безъ церемоніи отъ докучливыхъ спутниковъ. Юнкера просто не смѣли подступить къ Танѣ , потомучто Мукосѣевъ не замедлилъ бы , придравшись къ чемунибудь , отправить на гауптвахту. Главныхъ обожателей впрочемъ не было: Мокрецовъ поступилъ въ бригадные адъютанты , а Звонаревскій женился и вышелъ въ отставку. Единственный домъ , гдѣ молодежь могла видѣть Таню — былъ домъ эскадроннаго командира , жена котораго принимала участие въ молодой женщинѣ , частенько мылила голову Мукосѣеву и выпрашивала иногда у него Танѣ какіянибудь привилегіи.

Съ матерью видѣлась Таня довольно часто , но больше пріѣзжала старуха , потомучто бурбонъ рѣдко отпускалъ жену въ Землянки , какъ потому , что не хотѣлъ оставлять ее безъ надзора , такъ и потомучто не любилъ тещи , которая , не поладивъ съ писаремъ Холодовниковымъ , лишилась кредита у Мукосѣева. Ни старанія Петра Ивановича Бакрѣева , ни совѣты полковаго аудитора не могли между зятемъ и тещей возстановить прежнихъ отношеній , такъ что послѣдняя уже не смѣла заикнуться о деньгахъ для исправленія своего хозяйства.

Мать и дочь поздно увидѣли свою ошибку въ расчетѣ , но принуждены были покориться своей участи.

Въ началѣ осени полковой командиръ былъ произведенъ въ генералы и скоро на его мѣсто пріѣхалъ новый изъ гвардіи , что въ то время уже сдѣлалось обыкновеніемъ. Сдача и пріемъ полка не входятъ въ сферу нашего разказа , и потому умолчавъ объ этомъ , мы только скажемъ , что при новомъ полковомъ командирѣ начали возникать новые порядки , перетасовался штабъ , появился новый фаворитизмъ и переведено было нѣсколько новыхъ офицеровъ.

Но мы не можемъ не остановиться на личности полковаго

командира Андрея Ивановича Канцова. Это былъ высокій, стройный полковникъ, который еще недавно гремѣлъ саблей по Невскому въ обществѣ лихихъ товарищей и, очертя голову, пользовался столичными удовольствіями. Служа въ гвардіи, онъ и кутилъ, и дѣлалъ долги, разумѣется, съ добрымъ намѣреніемъ расплатиться, тѣмъ болѣе, что ему обѣщанъ былъ армейскій полкъ, правда въ поселеніи, но который все таки могъ доставлять приличную сумму. Канцову не было еще сорока лѣтъ. Въ Петербургѣ жилъ онъ въ порядочномъ кругу, пользовался значительнымъ успѣхомъ у женщинъ, вообще любилъ повеселиться и ни за что не оставилъ бы столицы, если бы имѣлъ какую нибудь возможность безъ полка расплатиться съ долгами, дѣланнми уже нѣсколько лѣтъ сряду въ счетъ будущаго благополучія. По пріѣздѣ на мѣсто и окончивъ, какъ слѣдуетъ съ предшественникомъ, — онъ взялъ много уроковъ по этому предмету, находясь еще при образцовомъ полку, — Канцовъ началъ разсматривать своихъ полковыхъ дамъ и развѣдывать, есть ли въ окрестности хорошенькія помѣщицы. Но сама судьба устроила дѣло раньше, нежели онъ думалъ. Въ первое же воскресенье въ церкви онъ увидѣлъ Таню и узналъ, что это жена бурбона Мукосѣева. Какъ ловкій волокита и, при томъ, желая сохранить достоинство полковаго командира, Канцевъ не бросился преслѣдовать хорошенькую женщину, и придумалъ маневръ, по его мнѣнію, обѣщавшій больше успѣха. Надо сказать, что при поселенныхъ полкахъ того времени находились кантонистскіе эскадроны, и тутъ уже прямо все зависѣло отъ полковника. Въ полку, на примѣръ, пожелай послѣдній лишить кого нибудь эскадрона изъ офицеровъ, могли бы возникнуть непріятности, запросы, пожалуй, и слѣдствіе; съ кантонистскими эскадронными можно было и не церемониться. Такимъ образомъ, сдѣлавъ смотръ кантонистамъ, состоявшимъ при штабѣ, Канцовъ

нашелъ все мерзко , гадко , распекъ эскадроннаго командира и отрѣшилъ его домашнимъ образомъ отъ командованія. Послѣ этого онъ потребовалъ у адъютанта списокъ поручиковъ и , остановясь на старшихъ , назначилъ Мукосѣева на томъ основаніи , что бурбонъ здѣсь могъ принести наибольшую пользу службѣ. Вслѣдствіе этого и заготовленъ былъ приказъ по полку , о чемъ въ ту же минуту Холодовниковъ сообщилъ Емельяну Даниловичу.

Мукосѣевъ себя не помнилъ отъ радости. Хотя кантонистскій эскадронъ не то , что настоящій , однако все нѣкоторымъ образомъ почетъ , при-томъ же всякіе такіе доходы отъ мальчишекъ и взводъ одровъ (бракованныхъ лошадей) и , кромѣ всего этого , постоянное занятіе , безъ котораго бурбоны , зачастую , или впадаютъ въ ханжество , или спиваются , бывало съ кругу.

Видя полковника только при представленіи , да на ученьяхъ , Мукосѣевъ не могъ еще составить себѣ о немъ понятія и потому когда вѣстовой пришелъ звать его къ полковому командиру , Емельянъ Даниловичъ «сробѣлъ маленько» и пошелъ къ начальнику со страхомъ и трепетомъ.

Полковникъ принялъ его очень вѣжливо , тотчасъ же пригласилъ сѣсть и велѣлъ подать трубку. Мукосѣевъ уже слышалъ объ обхожденіи полковаго командира , но не могъ не умилиться подобнымъ приѣмомъ и почувствовалъ «на душѣ благодать» какъ выразился потомъ Холодовникову. Переговоривъ о службѣ , давъ необходимыя наставленія и выразивъ надежду , что новый эскадронный командиръ доведетъ свою часть до соершенства , полковникъ разспросилъ Мукосѣева и о его домашней жизни. Адъютантъ замѣтилъ , что Емельянъ Даниловичъ не только женатъ на красавицѣ , но имѣетъ еще и порядочный капиталъ , что очень польстило Мукосѣеву. Первое это свиданіе подчиненнаго съ начальникомъ—не повлекло

никкихъ послѣдствій, кромѣ того, что Емельянъ Даниловичъ принялъ эскадронъ до утвержденія высшими властями.

Между тѣмъ Канцовъ не дремалъ, собиралъ подъ рукою всевозможныя свѣдѣнія о Танѣ и придумывалъ, какъ бы удобнѣе, преступить десятую заповѣдь, во-первыхъ, чтобъ не надѣлать скандала, во-вторыхъ, чтобы упрочить, если можно, связь съ молоденькой и хорошенькой поручицей. Нашлись люди, которые шепнули полковнику, что Мукосѣевъ въ рукахъ у казначейскаго писаря, вслѣдствіе чего, однажды вечеромъ, Холодовниковъ былъ потребованъ въ кабинетъ его высокоблагородія съ какими то вѣдомостями. Что они говорили, — осталось тайной; только Климъ Назарычъ вернулся домой озабоченнымъ и на другой день рано утромъ имѣлъ аудіенцію у Мукосѣева.

Бурбонъ только что вышелъ и не рѣшился будить жену ранѣе шести часовъ, потомучто она жаловалась съ вечера на головную боль, — какъ явился Холодовниковъ.

— А, Климъ Назарычъ, по добру, по здорову! Аль есть человѣчекъ?

— Просто съ неба свалился, ваше бродіе, даже не знаю какъ, и доложить-съ.

— А кто такой?

— Дѣло великатное, Емельянъ Даниловичъ. Васъ можетъ ожидать, можно сказать, безпримѣрное счастье, да и мнѣ не безъ милости.

— Говори скорѣе.

— Вчера, примѣромъ, призываютъ меня черезъ вѣстоваго ихъ — скобродіе.

— Г. полковникъ?

— Они самые. Правду сказать, я уробѣлъ, будучи точно невиннѣе младенца по дѣйствіямъ, но не безъ того злые языки существуютъ, ваше бродіе, и думаю, — не произошло

ли какого наговору. Боязнь была тѣмъ мучительнѣе, потому призывъ не черезъ моего прямаго начальника, г. казначея, а прямо отъ его скобродія «явиться немедленно и захватить черновую вѣдомость», которую я изготавлялъ у себя въ домѣ. Прихожу бѣлѣ полотна, и меня требуютъ прямо въ кабинетъ. Я вошелъ и просто приросъ къ полу, по крайности, думаю, какъ прежній полковой командиръ, отчистить спервоначалу по зубамъ, а потомъ уже изволить разговаривать о дѣлѣ. И вѣрьте, ваше бродіе, отродясь, можно сказать, не видалъ такого великатнаго начальника, въ два, три слова изволилъ распросить обо всемъ что довлѣло. Вотъ потомъ и пожелалъ узнать — у кого можно позаимствовать недѣль на нѣсколько три тысячи, потому надо отправлять въ Петербургъ, а наличной суммы не имѣется, ихъ же скобродію не хотѣлось объ этомъ объяснить даже г. казначею. Я хотѣлъ было указать на васъ, но ихъ скобродіе сами намѣкнули и сказали, что дадутъ хорошій процентъ.

— Вотъ оно что! Ну, я думаю, можно дать.

— Помилуйте, ваше бродіе, это небесная манна: одолжить начальство. Сами возьмите — полковой командиръ, въ одну минуту могутъ на всю жизнь сдѣлать несчастнымъ. По моему мнѣнію, которое я составилъ себѣ въ головѣ, вашему бродію слѣдуетъ надѣть мундиръ и отнести три тысячи, не брать процентовъ и не требовать росписки.

— А знаешь, братъ, я такъ и сдѣлаю. Говоришь: на нѣсколько недѣль?

— Думаю, что не больше. А между тѣмъ прощенія просимъ.

Мукосѣевъ дѣйствительно часовъ въ 8 былъ у полковника и понесъ ему деньги. Канцовъ очень благодарилъ его, предлагалъ процентъ и росписку, но бурбонъ отказался отъ того и отъ другаго, выразивъ, какъ умѣлъ, удовольствіе свое услужить начальнику.

Недѣли черезъ двѣ полковникъ потребовалъ къ себѣ Мукосѣева, возвратилъ деньги съ благодарностью, прося никому не рассказывать объ этомъ, и увѣдомилъ, что на другой день передъ вечеромъ хотѣлъ бы посмотрѣть его эскадронъ кантонистовъ. Не взирая на хорошія отношенія, Емельянъ Даниловичъ трухнулъ не на шутку, побѣждалъ къ себѣ, потребовалъ вахмистра и заporолъ горячку. «Дружба дружбей, а служба службой, думалъ онъ: не равно мои кантонистики не покажутъ себя, будетъ плохо. Хоть я тамъ послѣ передери весь эскадронъ, а если острамятъ, пропала моя голова». Цѣлый день мучилъ онъ мальчиковъ, дѣлалъ разныя репетиціи, такъ что самъ умаялся не хуже подчиненныхъ, —однако вечеромъ послалъ за писаремъ, единственнымъ другомъ своимъ и совѣтникомъ. Холодовниковъ ровно ничѣмъ не могъ помочь ему, но Мукосѣевъ хотѣлъ поговорить съ нимъ просто отвести душу. Впрочемъ, Климъ Назарычъ ободрялъ его и совѣтовалъ, если смотръ пройдетъ удачно, —пригласить полковника откусать чаю. Емельянъ Даниловичъ сперва не соглашался на подобную дерзость, но Холодовниковъ представилъ ему примѣры, что прежній полковой командиръ, хотя былъ и строгъ, все же не отказывался отъ хлѣба и соли.

— А вы посмотрите, ваше бродіе, прибавилъ писарь, —какая очертація можетъ произойти изъ этого. Татьяна Николаевна, какъ еще барыня образованная, знаютъ французскіе діалекты и, примѣрно, могутъ вступить въ разговоры съ ихъ скобродіемъ, потому и г. полковнику скучно въ здѣшней сторонѣ, привыкнувши по Петербургу расхаживать.

Вслѣдствіе этой бесѣды, Емельянъ Даниловичъ приказалъ женѣ еще съ утра одѣться въ лучшее платье и быть готовой на всякій случай принять полковника, если онъ удостоитъ пожаловать на чай. Танѣ въ свою очередь хотѣлось поближе посмотрѣть на полковника, котораго она видѣла толь-

ко во время разводовъ или у обѣдни, и молодая женщина охотно занялась приготовленіемъ всего необходимаго.

На другой день полковой командиръ, осматривая эскадронъ, нашелъ все въ отличномъ порядкѣ, поблагодарилъ кантонистовъ, а въ особенности Мукосѣева. Пользуясь этимъ случаемъ, бурбонъ, робѣя, проговорилъ приглашеніе.

— Очень радъ, но только вы женаты, а я въ сюртукѣ.

— Помилуйте, г. полковникъ, я за честь... я очинно доволенъ... осчастливьте, явите божескую милость.

И бурбонъ торжественно ввелъ въ гостиную полковника, который очень вѣжливо раскланявшись съ Танею, просилъ у нее извененія, что не успѣлъ еще сдѣлать ей визита. Таня съ достоинствомъ отвѣчала на любезность и, подавая чай, заговорила съ Канцовымъ по французски. Часа два потомъ полковникъ просидѣлъ у Мукосѣева, и Емельянъ Даниловичъ, гордясь, рассказывалъ потомъ Холодовникову, что онъ уже не слышалъ русскаго слова.

Вечеръ этотъ хотъ еще не совсѣмъ рѣшилъ судьбу Мукосѣева, по крайней мѣрѣ былъ началомъ той драмы, которая выпала на долю нашему бурбону.

Таня, какъ и слѣдовало ожидать, увлеклась молодымъ свѣтскимъ полковникомъ. Сначала между ними происходила только пересылка книгъ, въ которыхъ вкладывались французскія записочки, потомъ Канцовъ устроилъ у себя дамскіе обѣды, вечера, на которыхъ бывала и Таня, а мѣсяца черезъ два все мѣстечко заговорило о связи полковника съ поручицей Мукосѣевой. Подобныя вѣсти, какъ извѣстно, позже всѣхъ достигаютъ до мужей, а потому Емельянъ Даниловичъ считалъ еще за честь вниманіе Канцова къ Танѣ и вездѣ рассказывалъ, что полковникъ иначе не говоритъ съ его женой, какъ по французски. Въ первое время послѣ паденія, Таня хитрила еще съ бурбономъ, но когда увлеклась искренно, когда полю-

била, она просто не могла выносить присутствія мужа, и, увѣренная въ защитѣ, начала гордо обходиться съ Мукосѣвымъ. Емельяну Даниловичу это очень не нравилось. Онъ коротко и ясно потребовалъ покорности, и, крѣпкій надеждой на свою мужнину власть, пригрозилъ Танѣ хлыстомъ во время какой то сцены. Таня, разумѣется, расплакалась, что смягчило бурбона, который дѣйствительно любилъ ее и не подозрѣвалъ ея настоящаго поведенія.

Увлекся ли и самъ Канцевъ серьезно, не желалъ ли разстаться съ молоденькой и хорошенькой женщиной, но и въ немъ окружающіе замѣтили большую перемѣну. Между тѣмъ каждый день можно уже было ожидать какой нибудь скандальной развязки, Таня просто не могла жить съ мужемъ. Въ интимномъ разговорѣ съ Канцовымъ, она высказала послѣднему всю тягость безвыходнаго положенія и просила совѣта—что ей дѣлать и какъ дальше скрывать отъ мужа то, что извѣстно всему полку и окрестностямъ. Оставалось одно средство, и къ нему рѣшились прибѣгнуть — подѣйствовать на Емельяна Даниловича черезъ писаря: нельзя ли какъ нибудь разрѣшить вопросъ денежною сдѣлкой. Шагъ опасный, но единственный, который могъ безъ скандала прекратить натянутое положеніе, но могъ также и разрушить все, какъ для полковника, такъ и для Тани. Канцевъ послалъ за Холодовниковымъ — и долго съ нимъ разговаривалъ. Прежде этой аудіенціи рѣшено было отправить Таню къ матери, что тоже не обошлось безъ затрудненій, потомучто на силу уломали Мукосѣва отпустить жену съ сыномъ въ Землянки.

Оставшись совершенно одинъ, даже лишенный удовольствія баловать сынишку, Емельянъ Даниловичъ ходилъ по залѣ и серьезно задумался. Поведеніе Тани послѣднее время ставило его въ тупикъ, потомучто еще никогда не замѣчалъ онъ за ней подобной строптивости. Мало того, что она совершенно

его не слушалась, но постоянно избѣгала, жаловалась на болѣзнь, а между тѣмъ рядилась и не пропускала ни одного вечера у полковника. Мукосѣевъ, какъ мы уже видѣли, погрозилъ ей хлыстомъ однажды, но въ душѣ онъ не рѣшался еще привести въ исполненіе свою угрозу и начиналъ уже раскаяваться, что женился на дворянкѣ. Женидѣба эта убивала капиталъ его почти на треть: двѣ тысячи онъ отдалъ тещѣ, билетъ въ пять тысячъ перевелъ на имя жены, а около трехъ издержалъ на разныя обзаведенія. Конечно, онъ могъ порядочно жить и изъ двадцати тысячъ, но домашнее счастье его пошатнулось и угрожало разрушеніемъ. Оставалось только употребить послѣднее средство — побои, о чемъ и подумывалъ Мукосѣевъ.

Раза три бурбонъ потянулъ уже бурой настойки и, набивъ свою коротенькую трубочку, съ наслажденіемъ закурилъ махорку, которой, по просьбѣ жены, никогда не курилъ въ комнатахъ.

Въ залу вошелъ озабоченный Холодовниковъ.

— Здравія желаю, ваше бродіе.

— А! Климъ Назарычъ, слыхомъ не слыхать! Гдѣ это пропастился?

— Очинно служба тяжела, ваше бродіе, все вѣдомости. Теперь, знаете, строго требуютъ. Кажись, г. казначей увольняются.

— Слышалъ, братъ, слышалъ. Нашъ полковникъ вѣдь ничего — добрый, добрый, а держи ухо востро.

— Истинно такъ, Емельянъ Даниловичъ. Такого начальника, какъ ихъ скобродіе, можно сказать, при всей молодости опытнаго, трудно найти во всемъ корпусѣ: не только рубли и копѣйки, а самыя чети въ мнѣніи своемъ раскидываютъ какъ на счетахъ. Вся канцелярія приходитъ въ изумленіе отъ нѣкоторыхъ бумагъ ихъ скобродія, и мы имѣемъ такое розсужденіе въ мысляхъ, что г. полковникъ находились въ

прикомандированіи къ какому нибудь департаменту военного министерства. Ума палата, ваше бродіе.

— Вишь ты!

— Кромѣ того, они отличаютъ истинныя заслуги, можно сказать, какъ отецъ родной, потому ободряютъ начальническимъ словомъ не только гг. офицеровъ, а и самый нижній чинъ не можетъ на нихъ пожаловаться.

Холодовниковъ переминался съ ноги на ногу.

— Садись, братъ, Климъ Назарычъ.

— Покорно благодаримъ, Емельянъ Даниловичъ. Мнѣ бы надобно поговорить объ одномъ экстренномъ дѣлѣ, и я боюсь, чтобы постороннія уши не сдѣлали помѣшательства.

— Никого нѣтъ, бабѣ уѣхало, а деньщикъ на кухнѣ. На счетъ денегъ, что ли?

— Изволите ли видѣть, ваше бродіе, дѣло особой важности, можно сказать, секретное.

— Ну, послушаемъ.

— Только ваше бродіе, Емельянъ Даниловичъ, явите божескую милость. Въ этомъ дѣлѣ я сторона, и вы знаете поговорку, что «посла не сѣкутъ, не рубятъ.»

— Что-то мудрено.

— И такъ мудрено, что еслибъ не ихъ скобродіе, т. е. еслибъ не желательство ихъ скобродія, я, какъ есть маленькій человѣкъ, не осмѣлился бы приступить, потому легко можете изобидѣться, а болѣе меня изобидѣть.

— Это же за что?

Лицо Холодовникова приняло умиленное выраженіе.

— Вашему бродію извѣстно, что плетью обуха не перешибешь, что воля вышняго начальства—законъ подчиненнаго, а поелику мы обязаны повиноваться властямъ, то всякое свое мнѣніе въ головѣ супротивъ воли начальника, должно почтаться за ничто.

— Какое уже тутъ мнѣніе, когда тебѣ приказываютъ!

— Подлино такъ, ваше бродіе. Офицеръ вы, какъ есть въ акуратѣ, отличены начальствомъ, можете происходить чинами и гораздо выше, потому, бывали примѣры—изъ нижняго званія дослуживались и до генеральства. Если будете себя соблюдать и повиноваться ихъ скобродію, можно не имѣть сумнительства, что и нынѣ за отличіе представятъ въ штабсъ-ротмистры.

— Да ты, братъ, Климъ Назарычъ, говори прямо, а то вижу, что очинно подѣзжаешь.

— Нѣтъ я къ тому, ваше бродіе, что г. полковникъ могли бы оказать вамъ не маловажную протекцію.

— Ну?

Холодовниковъ видимо замаялся и замаялся сильно, потому что началъ откашливаться, и налбу его выступили капли пота.

— Нечего скрывать далѣе, Емельянъ Даниловичъ, проговорилъ онъ наконецъ: ихъ скобродіе очинно страдаютъ... пылаютъ... такъ сказать, ночи не спятъ.

— Заболѣлъ что ли?

— Это хуже всякой болѣзни, ваше бродіе! г. полковникъ влюбились.

— Вотъ что!

— И влюбились въ Татьяну Николаевну, произнесъ скороговоркою писарь и инстинктивно попятился къ двери.

Мукосѣева словно поразило громомъ. Онъ вытаращилъ глаза, выронилъ изъ рукъ трубку, и мгновенно густая краска сбѣжала съ лица его. Писарь испугался.

— Ты-жъ почему это знаешь? глухо спросилъ Мукосѣевъ.

— Ихъ скобродіе самолично объявили мнѣ объ этомъ.

— А! такъ вотъ оно что!

Бурбонъ постепенно приходилъ въ себя и облокотившись на столъ, закрылъ лицо руками.

— Не имѣйте сумнительства, ваше бродіе, я тутъ ничего, а исполняю только камандирское приказаніе.

— Онъ послалъ тебя, что ли, ко мнѣ? спросилъ Мукосѣевъ.

— Истинно такъ: я изъ своей головы не осмѣлился бы предстать предъ вашимъ бродіемъ.

Бурбонъ оборотился. Глаза его блестѣли, ротъ судорожно искривился.

— Что же это такое, братъ Климъ Назарычъ?

— Успокойтесь маленько, ваше бродіе, и выслушайте. Я какъ есть маленькій человѣкъ, а все имѣю чувствіе, и мнѣ жалко васъ, Емельянъ Даниловичъ, словно отца роднаго. Какъ я взялъ свое мнѣніе въ головѣ, такъ вамъ большаго ущерба не можетъ быть...

— Стало быть, онъ хочетъ отнять у меня жену.

— Помилуйте, Емельянъ Даниловичъ, для этого самого ихъ скобродіе и послали меня, какъ будучи извѣстны вашимъ соизволеніемъ ко мнѣ и полагали, что супротивъ меня и сами они не могутъ переговорить съ вами. Они только не хотятъ поступить безъ вашего вѣдома, какъ люди скобродные и образованные.

— А хочетъ, чтобъ я самъ привелъ къ нему жену.

— Помилуйте, ваше бродіе, такого разсужденія въ мысляхъ никогда не имѣли г. полковникъ. Не безъизвѣстно вамъ, что штаба начальникъ живутъ же съ супругой волостнаго командира: и ей хорошо и мужу ежегодныя награды, а чтобъ его превосходительство часто безпокоили посѣщеніемъ — не слышно, потому заняты важными государственными дѣлами.

— Нѣтъ, Климъ Назарычъ, ни за что, я женился для себя и долженъ исполнять христіанскій законъ. Такъ и скажи полковнику. Теперь-то я начинаю смѣкать, что они снюхались. Но ей это не пройдетъ даромъ! сказалъ бурбонъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Ихъ скобродіе между прочимъ объяснили, что не прочь вамъ пожертвовать три тысячи единовременнаго, а Татьянѣ Николаевнѣ давать ежегодно приличное содержаніе.

Бурбона передернуло.

— Вона! кушъ порядочный! сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой. Нѣтъ, братъ, доложи полковнику, что Мукосѣевъ не продаетъ своей чести. Или, постой, лучше я самъ пойду къ нему.

— Явите божескую милость, ваше бродіе, не дѣйствуйте супротивно! Какъ вамъ будетъ угодно—согласны или несогласны—только не губите себя, а паче всего избѣгайте дерзостей.

— Ну, братъ Холодовниковъ, это уже мое дѣло.

— А мнѣ же что доложить ихъ скобродію.

— Доложи, что молъ самъ поручикъ Мукосѣевъ явится.

— Слушаю-съ, Когда же? спрашивалъ писарь, надѣясь, что бурбонъ не устоитъ противъ начальничьяго краснорѣчія.

— Только вотъ одѣнусь и пойду.

— Не имѣйте же супротивъ меня недоброжелательства, ваше бродіе, потому я здѣсь сторона и токмо дѣйствовалъ, не смѣя послушаться приказанія.

Холодовниковъ вышелъ, и бурбонъ снова склонился къ столу, закрывъ лице руками. Когда черезъ четверть часа онъ всталъ, глаза его были заплаканы. Въ этотъ короткій промежутокъ онъ выдержалъ сильную борьбу съ собою. Теперь ему представилось поведеніе жены въ настоящемъ свѣтѣ, и командирскія любезности, которыми онъ гордился, показались ему ясными, какъ день. Молча прошолъ онъ въ спальню, отъ которой пахнуло на него могилой, съ грустью посмотрѣлъ на колыбель сына, махнулъ рукой и началъ одѣваться. Осушивъ залпомъ стаканъ бурой настойки,—твердой, ровной походкой отправился онъ къ полковому командиру.

Канцовъ пилъ чай и курилъ сигару въ кабинетѣ, когда ему доложили о приходѣ поручика Мукосѣева.

— Просить сюда! сказалъ онъ не твердымъ голосомъ.

Бурбонъ вошелъ, вытянулся и проговорилъ:

— Имѣю честь явиться, г. полковникъ.

На лицѣ его незамѣтно было уже никакого волненія.

— Здравствуйте, Мукосѣевъ, покорно прошу садиться, сказалъ Канцовъ и заперъ дверь на задвижку.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— У васъ былъ писарь Холодовниковъ? спросилъ наконецъ не смѣло Канцовъ, не рѣшаясь взглянуть въ глаза своему собесѣднику.

— Былъ, г. полковникъ.

— Слѣдовательно, намъ нечего говорить обиняками.

— Точно такъ, г. полковникъ.

— Согласны вы на мое предложеніе?

— Никакъ нѣтъ.

— Повѣрьте, любезнѣйшій Мукосѣевъ, мнѣ совѣстно было... но сдѣланнаго не воротишь... Мы съ Татьяной Николаевной любимъ другъ друга... Конечно это грѣхъ, да вѣдь человекъ слабъ...

— На все есть законъ, г. полковникъ.

— Я и не спорю, но отъ судьбы не убережешься. Вамъ, вѣроятно, писарь все сказывалъ.

— Все сказывалъ, только я денегъ не возьму и чести своей не продамъ.

Канцовъ покраснѣлъ.

— Подумайте, Мукосѣевъ, каково будетъ вамъ жить: Татьяна Николаевна не любитъ васъ.

— А зачѣмъ шла за меня?

— Это другой вопросъ! Но вы посудите, что же ей дѣлать?

— А то, что выпорю ее хорошенько, и буду пороть пока не выкинетъ дурь изъ головы.

— И вы осмѣлитесь? закричалъ Канцовъ.

Бурбонъ попятился нѣсколько, но «не сробѣлъ.»

— Законъ мнѣ дозволяетъ, какъ я есть законный мужъ.

— Да знаете ли, что я съ вами сдѣлаю!

— Что будетъ вамъ угодно; а жена моя.

— Послушайте, Мукосѣевъ, началъ полковникъ мягче: есть еще время уладить дѣло. Я дамъ вамъ пять тысячъ.

— Не возьму, г. полковникъ. Вы сбили съ толку мою жену, вамъ должно быть супротивъ меня стыдно, вы меня обидѣли, какъ я подначальный: что же вы со мною сдѣлаете?

— Право, окончимте, Мукосѣевъ, и будемъ друзьями: я представлю васъ за отличіе въ штабсъ-ротмистры, а тамъ подумаемъ и о настоящемъ эскадронѣ.

— Очинно благодарны. Нѣтъ ужъ я лучше выйду въ отставку и буду землю пахать, г. полковникъ.

— Я даю вамъ два дня сроку.

— Черезъ два дня скажу тоже самое.

— Нѣтъ, сдѣлайте это для меня, разстанемтесь еще пріятелями, а тамъ приходите черезъ два дня и рѣшимъ окончательно.

— Мнѣ надо съѣздить за женою.

— Послѣ уже съѣздите. Я васъ прошу покорно. Забудьте, что я полковой командиръ и сдѣлайте лично для меня это одолженіе.

— Извольтѣ, г. полковникъ, только и черезъ два дня я скажу тоже самое. Счастливо оставаться.

Канцевъ отперъ дверь Мукосѣеву, который поспѣшными шагами ушелъ къ себѣ на квартиру. Пославъ за водкой, бурбонъ напился мертвецки пьянъ, какъ никогда въ жизни.

Тотчасъ же Канцовъ отправилъ нарочнаго къ Танѣ, и не

обезкураживая ее совершенно, просилъ прислать немедленно Бакрѣва, котораго зналъ не много лично, а больше по разсказамъ Холодовникова и Тани, за человѣка, имѣвшаго на бурбона значительное вліяніе. Канцову казалось дѣло еще не потеряннымъ, если за него приняться умѣючи, и боясь, съ одной стороны, скандала, съ другой, не желая окончить интересную интригу, онъ рѣшился всѣми способами добиться благопріятнаго результата.

Петръ Ивановичъ, посвященный въ тайну племянницы гораздо больше, нежели Мавра Осиповна, въ тотъ же вечеръ прилетѣлъ въ мѣстечко и приказавъ лошадямъ, ѣхать къ аудитору, самъ забѣжалъ къ полковнику. Оттуда онъ ходилъ еще на совѣтъ къ писарю Холодовникову.

Рано утромъ отправился Бакрѣвъ къ Емельяну Даниловичу и засталъ уже его за штофомъ. Бурбонъ былъ въ полпьяна, но не потерялъ еще сознанія. Онъ даже встрѣтилъ Бакрѣва довольно привѣтливо, но не высказывался. Это, впрочемъ, не понравилось Петру Ивановичу. Послѣ разныхъ, ничего незначащихъ разговоровъ о томъ, о семъ, Емельянъ Даниловичъ освѣдомился о женѣ и сынѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Цѣлый часъ сидѣлъ Петръ Ивановичъ, цѣлый часъ бурбонъ пилъ и потчивалъ гостя, но отклсняялъ разговоръ о томъ, что томило его душу, такъ что Бакрѣвъ, не зная съ чего начать, ушелъ прямо къ полковнику. Долго они совѣтовались съ Канцовымъ, который видѣлъ хорошее предзнаменованіе въ пьянствѣ Муко-сѣва и рѣшилъ, — узнавъ завтра положительный отвѣтъ бурбона, дѣйствовать уже, какъ потребуютъ обстоятельства. Но во всякомъ случаѣ они положили, если бурбонъ не согласится на сдѣлку, не пускать его къ женѣ, а ей не ѣхать къ мужу, предоставляя времени уладить какъ нибудь щекотливое обстоятельство.

Емельянъ Даниловичъ пропьянствовалъ до вечера одинъ

одинехонекъ. Приходилъ было къ нему Холодовниковъ, но засталъ уже его въ блаженномъ состояніи, въ которомъ однакоже бурбонъ не забывалъ своего несчастья и жаловался на безталанную долю. Писарь пробовалъ было его уговаривать съ обычнымъ краснорѣчіемъ, однако Мукосѣевъ погрозилъ разбить ему штофомъ голову, если онъ еще намѣкнетъ о какой бы то ни было сдѣлкѣ съ полковникомъ.

По утру роковаго дня, въ который слѣдовало дать рѣшительный отвѣтъ полковому командиру, Мукосѣевъ всталъ, какъ встрепанный выпилъ кувшинъ квасу, окатилъ голову холодною водою и въ семь часовъ былъ готовъ представиться начальству. Въ тоже время пришолъ и вѣстовой звать его къ полковнику. На этотъ разъ Емельянъ Даниловичъ не прикоснулся даже къ водкѣ и, твердой поступью, пошелъ по приглашенію.

По прежнему, заперевъ дверь на задвижку, Капцовъ пригласилъ садиться Мукосѣева.

— Ну что, сказалъ онъ, подумали хорошенько, Емельянъ Даниловичъ?

— Подумалъ, г. полковникъ.

— Какъ же вы рѣшили?

— Я вамъ уже докладывалъ.

— И не согласны ни на что?

— Какъ есть подначальный, во всемъ готовъ слушаться, а въ этомъ дѣлѣ нѣтъ у меня командѣра.

— Но разсудилили вы, къ чему это поведетъ?

— Разсудилъ, г. полковникъ. Я завтра подаю въ отставку.

— Да вѣтъ Татьяна Николаевна не хочетъ жить съ вами.

— Ее и спрашивать не будутъ.

— У нея есть свое имѣніе.

— Я куплю свое и вытребую ее по этапу.

— Но это безсовѣстно!

— Это по закону, г. полковникъ.

— Послушайте, Мукосѣевъ, неужели же у васъ нѣтъ сердца?

— Должно быть есть, г. полковникъ.

— Значить, вы объявляете мнѣ открытую войну?

— Никакой войны объявлять не смѣю, всѣ ваши приказанія исполняю, а у себя въ домѣ долженъ жить по закону.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее, г. полковникъ.

— Ну, какъ знаете. Не пеняйте послѣ на меня.

— Кому прикажете сдать эскадронъ?

— Я объ этомъ и не думалъ: служба идетъ своимъ порядкомъ. Какъ полковой командиръ, я не имѣю ничего противъ васъ, какъ человѣкъ — никогда не прощу.

— Я вамъ ничего не сдѣлалъ, г. полковникъ. Счастливо оставаться.

— Прощайте Мукосѣевъ, и помните, что если одумаетесь, я не откажусь отъ своихъ обѣщаній.

— Просимъ прощенія.

Дальнѣйшіе переговоры Бакрѣева и Холодовникова съ бурбономъ имѣли только то послѣдствіе, что еще болѣе ожесточили Емельяна Даниловича, который, между прочимъ подалъ въ отставку. Полагая, что онъ не можетъ уѣхать къ женѣ безъ дозволенія, котораго никогда бы не получилъ отъ Канцова и убѣжденный, что жена къ нему не пріѣдетъ добровольно, Мукосѣевъ весь день занимался службой, весь вечеръ пилъ водку — и словно позабылъ о существованіи семейства.

Такъ прошло около мѣсяца. Въ теченіе этого времени полковникъ успѣлъ уговорить Таню переѣхать на одинъ уединенный помѣщичій хуторъ, который нанять былъ съ этой цѣлью, и ѣздилъ по ночамъ тайкомъ на свиданіе. Любовники предавались отчаянію, но больше горевала Таня, которой не было рѣшительно никакого выхода.

По какому то случаю полковникъ слишкомъ жестоко наказалъ своего кучера, посвященнаго въ тайну ночныхъ поѣздовъ и до того ожесточилъ послѣдняго, что тотъ, по выходѣ изъ лазарета, прямо отправился къ Мукосѣеву и подъ клятвой не выдавать его — открылъ убѣжище Тани. Поклявшись передъ образомъ хранить тайну, Мукосѣевъ подарилъ кучеру двадцать пять рублей ассигнаціями.

Въ одинъ ненастный вечеръ, призвавъ своего вахмистра и приказавъ осѣдлатъ лучшую бракованую лошадь въ эскадронѣ, бурбонъ закутанный въ шинель, выѣхалъ изъ квартиры крупною рысью, по направленію къ большому лѣсу. Окрестныя дороги были ему хорошо знакомы, и онъ часа черезъ полтора очутился въ небольшомъ хуторкѣ, состоявшемъ изъ господскаго домика и пяти или шести крестьянскихъ избъ, расположенныхъ вдоль неглубокаго оврага. Въ хатахъ было темно, но въ домикѣ виднѣлся свѣтъ сквозь щели ставень. Бурбонъ остановился у запертыхъ воротъ. На дворѣ залаяли собаки. Изъ кухни вышелъ солдатъ и грубо окликнулъ пріѣзжаго. Перебѣнивъ голосъ, Мукосѣевъ сказалъ, что онъ отъ полковника съ нужнымъ письмомъ къ Татьянѣ Николаевнѣ. Послѣ такого отвѣта солдатъ отперъ ворота, впустилъ посланнаго и поспѣшилъ доложить барынѣ. Въ сѣни со свѣчкой вышла кормилица, ахнула при видѣ Мукосѣева, и уронила свѣчку. Но бурбонъ уже отворилъ дверь въ первую комнату и столкнулся съ Таней, которая бѣжала ему на встрѣчу.

Предоставляю читателю судить о положеніи молодой женщины. Она лишилась чувствъ и грохнулась на полъ. Кормилица закричала. Прибѣжали солдатъ и одинъ мужикъ, но Мукосѣевъ выгналъ ихъ изъ комнаты. Горничная принесла воды и начала брызгать на лицо Тани, а Мукосѣевъ все время стоялъ неподвижно среди комнаты. Но едва Таня открыла глаза, бурбонъ бросился на нее подобно разъяренному дикому звѣрю.

Когда вбѣжавшіе люди отняли жену у Мукосѣева, — у него была изъ рта пѣна.

Бурбонъ впалъ въ безпамятство. Его вынесли въ кухню, а солдатъ полетѣлъ доложить полковнику о чрезвычайномъ происшествіи.

Больныхъ на другой же день утромъ перевезли въ мѣстечко — въ квартиру Мукосѣева. У бурбона открылась нервная горячка, и долго опасались за его разсудокъ, но крѣпкая натура восторжествовала, и онъ черезъ два мѣсяца былъ здоровъ совершенно. Татьяна Николаевна долго мучилась, но благодаря молодости и усердію искуснаго медика — возвращена была къ жизни. Одного глаза у ней не доставало.

Исторію замяли, по крайней мѣрѣ офиціально отнесли къ нападенію разбойниковъ, что и было даже гдѣ то напечатано въ газетахъ.

Канцовъ не возобновлялъ предложенія Мукосѣеву, который вышелъ въ отставку и поселился въ жениномъ имѣніи. Конечно, Таня не могла ни любить, ни уважать его, но убѣдясь, что служила только забавой человѣку, котораго любила истинно и который отказался отъ нее въ несчастьи, старалась загладить свой проступокъ противъ мужа.

Холодовниковъ скоро вышелъ въ аудиторы. Первый же его выѣздъ въ гости былъ на хуторъ къ Емельяну Даниловичу, который обрадовавшись дорогому гостю, пригласилъ и Бакрѣева. Старинные товарищи, послѣ ужина, долго балагурили, попивая наливки. Постороннихъ никого не было. Наконецъ, какъ то зашла рѣчь объ извѣстномъ событіи.

— А вѣдь вы, примѣрно, Емельянъ Даниловичъ, неумѣренно истиранили свою супругу, сказалъ Холодовниковъ.

— Развѣ, ты думаешь я билъ ее въ своемъ умѣ! А все не раскаяваюсь. Бѣдняжка перенесла, я принялъ грѣхъ на

душу, да за то нонче живетъ ладно. Я люблю ее по старому, а эти волокиты теперь и не смотрятъ на нее.

— Справедливое мнѣніе имѣете въ головѣ, ваше бродіе, т. е. Емельянъ Даниловичъ, однако могли совершить уголовное преступленіе.

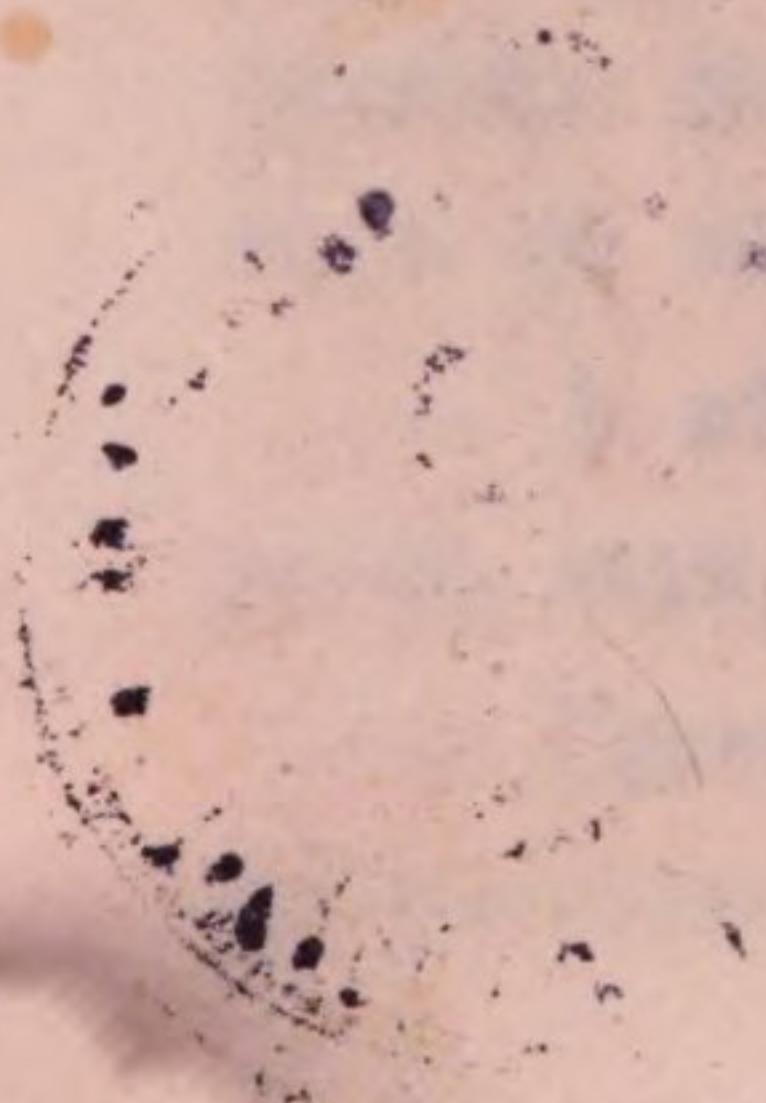
— Вотъ завели рѣчь, чортъ знаетъ о чемъ, замѣтилъ Бакрѣевъ: давайте-ко еще выпьемъ бутылку и припомнимъ по-словицу: «что съ воза упало, то пропало».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

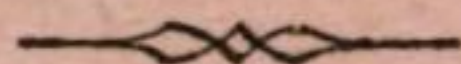
дому, да за то ноне жиньт ладно. Я людно се по старому,
в эти волонтеры теперь и не смотрят на нас.
— Справедливо жиньт имать по голоду, жиньт голодом,
е. Емельян Данилович, однако жиньт по голоду голодом
пристужение.
— Вот явился брат, вот явился о том, жиньт я
пробег: давай-но еще выпьем бутылку и припомним по-
словину: «то се вода чиста, то пропада».

концы первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	<i>Стран.</i>
Изъ Корнетской жизни	3 — 42.
Моншеры	43 — 125.
Бурбонъ	126 — 267.

ОТЧЕТЫ

См. 43

43 — 43

43 — 150

150 — 267

Над. Родствен. жизни

М. 150

Р. 267

Afanasijev-Čužbysnkyj, Oleksandr Stepanovyč,

Očerki prošlago

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1863

P.o.russ. 105 b-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610197-9